

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического
института МВД России

№ 1 (111)

BULLETIN
of Ufa Law Institute
of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2026

12+

Научно-практический журнал

Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по научной работе.

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Баишева Зилия Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, отличник образования Республики Башкортостан, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Бикнин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталия Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России по учебной работе.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, методист службы развития и проектов Петербургского педагогического колледжа имени Н.А. Некрасова, доцент кафедры управления персоналом и воспитательной работы Санкт-Петербургского университета МВД России.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Сибирского Федерального университета.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Рес-

публики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующая кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурина Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, отличник образования Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры зарубежной лингвистики Высшей школы зарубежной филологии лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Овсепян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик Российской академии наук, профессор кафедры конституционализма Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора

П.А. Леканта Государственного университета просвещения.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный сотрудник МВД России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе.

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.

Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».

Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агентство «Книга-Сервис», 39481.

Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.

Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка Т. Д. Латышова.

Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.

Подписано в печать: 19.03.2026. Дата выхода в свет: 30.03.2026.

Формат 60х84 1/8. Усл. печ. л. 25. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.

Заказ № 33. Цена свободная.

BULLETIN
of Ufa Law Institute of MIA of Russia

No. 1 (111) 2026

Scientific and practical journal

Published since June 1998 quarterly

Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Pozharsky Dmitry Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute at Altai State University.

Anokhin Yuri Vasilievich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Officer of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and International Law at Altai State University.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Foreign Language and Culture of Speech at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bezlepkina Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Professor, Acting Director of the Institute of Humanities and Social Sciences at Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Nataliya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure at Ulyanovsk State University.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head at Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for academic work.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin for scientific work.

Endoltseva Alla Vasilyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International

Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ilakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Methodologist of the Development and Projects Service of Petersburg Pedagogical College named after N.A. Nekrasov, Associate Professor of the Department of Personnel Management and Educational Work of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision at Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Law Institute of the Siberian Federal University.

Kovtunen Lyubov Vasilyevna – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology at Voronezh State University.

Kuzbagarov Askhat Nazargalievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Scientific Adviser of the Institute of Law, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Administrative and Financial Law at the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valeryevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Dean of the Faculty of Law at Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Linguistics of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation of the Institute of Humanities and Social Sciences at Ufa University of Science and Technology.

Ospeyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Constitutionalism of the Law Faculty at the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant at the State University of Education.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Petrova Elena Aleksandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Aleksandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezshalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Redko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head

of the Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Aleksandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure at the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Staff at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.

Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.

Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».

The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.

The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103, the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.

The copy editor L. R. Baidavletova. Layout T. D. Latypova.

Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.

Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Signed for publishing: 19.03.2026. Release date: 30.03.2026.

Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 25. Typeface Times.

Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 33. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

<i>Егорова Я. А.</i> Функционирование права в консервативном социальном государстве и в социальном государстве социал-демократического типа: сравнительный анализ.....	11
<i>Игнатова Т. Ю.</i> Таксономия права как категория современной юридической науки.....	22
<i>Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., Асеев И. А.</i> Борьба с террористической идеологией в рамках обеспечения безопасности государства и общества.....	32
<i>Рязанов С. М.</i> Правоохранительная деятельность полицейских урядников Уфимской губернии в 1879 г.: опыт квантитативного исследования.....	41
<i>Чумаченко А. Ю.</i> Ценностно-правовое ядро государства и общества: понятие, признаки и принципы.....	52

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

<i>Власов К. А.</i> Административная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии.....	69
<i>Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В.</i> К вопросу защиты населения от наркотиков: актуальные проблемы и решения.....	77

Частно-правовые (цивилистические) науки

<i>Киселёва К. А.</i> Наследование в условиях столкновения культур: этнические традиции раздела имущества и императивные нормы Гражданского кодекса Российской Федерации.....	83
---	----

Уголовно-правовые науки

<i>Бадретдинов А. И.</i> Историко-правовые аспекты формирования уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в дореволюционной России.....	90
<i>Баженов А. В.</i> Основания и порядок возвращения уголовного дела судом прокурору: проблемы правового регулирования и пути совершенствования.....	102
<i>Демидова А. Е.</i> Об участии специалиста в производстве о применении принудительных мер медицинского характера.....	109
<i>Мигунов А. С., Мигунова Ю. В.</i> Экспертный свет как криминалистическое средство обеспечения эффективности технической фиксации следовой информации.....	117
<i>Яковлева К. Ю., Тутьнин И. Б., Терехов М. Ю.</i> Правовая основа, сроки, порядок деятельности по уголовным делам о преступлениях прошлых лет.....	126

Общие вопросы языкознания.

Лингводидактика. Юрислингвистика

<i>Беглова Е. А.</i> Средства речевой агрессии и ее эвфемизации в политическом дискурсе и публичной речи.....	139
<i>Воронина Л. В., Кутякин С. А.</i> Пути, механизмы и способы номинации объектов криминальной субкультуры современных магазинных воров (шоплифтеров).....	145
<i>Петрова Е. А.</i> Лингвостилистические характеристики юридических документных текстов.....	153
<i>Файзуллина И. И.</i> Юридический жаргон в речи сотрудников органов внутренних дел и его особенности.....	163

Общая педагогика, история педагогики и образования.

Методология и технология профессионального образования

<i>Вилкова А. В., Полякова Я. Н.</i> Молодежь в структуре научных кадров.....	169
---	-----

Зауторова Э. В. Изучение особенностей проявления страхов у лиц, находящихся в местах лишения свободы длительные сроки.....	173
Нугаева Э. Д., Сезонова Т. В. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе образовательных организаций МВД России.....	180
Фадеева С. А., Лукашенко Д. В. Кластерный подход при повышении квалификации специалистов образования.....	189
Памятка	196

CONTENTS

Theoretical and historical legal sciences

<i>Egorova Y. A.</i> The functioning of law in a conservative welfare state and in a welfare state of the social-democratic type: comparative analysis.....	11
<i>Ignatova T. Y.</i> Taxonomy of law as a category of modern legal science.....	22
<i>Karimov R. R., Karimova G. Y., Aseev I. A.</i> Fighting terrorist ideology within the framework of ensuring the security of the state and society.....	32
<i>Ryazanov S. M.</i> Policing of the constables of Ufa province in 1879: the quantitative research.....	41
<i>Chumachenko A. Yu.</i> The value-legal core of the state and society: concept, features and principles.....	52

Public law (state law) sciences

<i>Vlasov K. A.</i> Administrative responsibility for carrying out business activities in the transport sector without a license	69
<i>Shumsky V. V., Tkachenko V. V., Kolenichenko V. V.</i> The issue of protecting the population from narcotics: current problems and solutions.....	77

Private law (civil law) sciences

<i>Kiseleva K. A.</i> Inheritance in the context of culture clashes: ethnic traditions of property division and mandatory norms of the Civil code of the Russian Federation.....	83
--	----

Criminal law sciences

<i>Badretdinov A. I.</i> Historical and legal aspects of the formation of criminal liability for the retail sale of alcoholic beverages to minors in pre-revolutionary Russia.....	90
<i>Bazhenov A. V.</i> Grounds and procedure for returning a criminal case by the court to the prosecutor: problems of legal regulation and ways of improvement.....	102
<i>Demidova A. E.</i> On the participation of a specialist in proceedings on the application of compulsory medical measures.....	109
<i>Migunov A. S., Migunova Y. V.</i> Expert light as a forensic means of ensuring the effectiveness of technical recording of trace information.....	117
<i>Yakovleva K. Yu., Tutynin I. B., Terekhov M. Yu.</i> Legal basis, deadlines, and procedure for activities in criminal cases of past years.....	126

General issues of linguistics.

<i>Beglova E. I.</i> Means of speech aggression and its euphemisation in political discourse and public speech.....	139
<i>Voronina L. V., Kutyakin S. A.</i> Ways, mechanisms and methods of nominating objects in the criminal subculture of modern shoplifters.....	145
<i>Petrova E. A.</i> Linguistic-stylistic characteristics of legal documentary texts.....	153
<i>Faizullina I. I.</i> Legal jargon in the speech of internal affairs officers and its peculiarities.....	163

General pedagogy, history of pedagogy and education.

Methodology and technology of professional education

<i>Vilkova A. V., Polyakova Y. N.</i> Youth in the structure of scientific personnel.....	169
<i>Zautorova E. V.</i> Studying the features of fear manifestations in long-term prisoners.....	173
<i>Nugaeva E. D., Sezonova T. V.</i> Application of virtual and augmented reality technologies in the educational process of educational organizations of the Ministry of internal affairs of Russia.....	180
<i>Fadeeva S. A., Lukashenko D. V.</i> Cluster approach to advanced training of education specialists.....	189

Instruction	196
--------------------------	------------

Научная статья
УДК 340.132

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРАВА В КОНСЕРВАТИВНОМ СОЦИАЛЬНОМ
ГОСУДАРСТВЕ И В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ
СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ТИПА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Яна Андреевна Егорова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
yana.khoroshavina2000@gmail.com, ORCID: 0009-0007-6699-8159

Аннотация. В статье рассматривается то общее и особенное, что характерно для функционирования права социальных государств двух типов: консервативного и социал-демократического. Принципиальной позицией автора является мнение о несводимости функциональной характеристики права к описанию свойственных ему функций, в связи с этим право консервативного социального государства и право социального государства социал-демократического типа сравниваются по целому ряду параметров, а именно с точки зрения их назначения, задач, функций и дисфункций. Демонстрируется, что право социальных государств рассматриваемых типов объединяет общее назначение, ряд общих задач и одинаковые функции. Особенное в функционировании права государств рассматриваемых типов проявляется в реализации правом специальных задач, в разном содержательном наполнении его функций и в разной значимости этих функций для политики государства, в различных дисфункциональных проявлениях права.

Ключевые слова: социальное государство, консервативная модель, социал-демократическая модель, право, функциональная характеристика права, задачи права, функции права, дисфункции права.

Для цитирования: Егорова Я. А. Функционирование права в консервативном социальном государстве и в социальном государстве социал-демократического типа: сравнительный анализ // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 11–21.

Original article

**THE FUNCTIONING OF LAW IN A CONSERVATIVE WELFARE STATE
AND IN A WELFARE STATE OF THE SOCIAL-DEMOCRATIC TYPE:
COMPARATIVE ANALYSIS**

Yana A. Egorova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot,
Moscow, Russia
yana.khoroshavina2000@gmail.com, ORCID: 0009-0007-6699-8159

Abstract. The article examines the general and specific features that are typical for the functioning of the law of welfare states of two types: conservative and social-democratic. The author's principled position is the opinion that the functional characteristics of law are irreducible to the description of its inherent functions. Therefore, the law of a conservative welfare state and the law of a welfare state of a social-democratic type are compared in a number of parameters, namely in terms of their purpose, tasks, functions and dysfunctions. It is demonstrated that the law of welfare states of the types under consideration unites a common purpose, a number of common tasks and similar functions. The specific in the functioning of the law in the states of the types under consideration manifests itself in the implementation of special tasks by the law, in the different content of its functions and in the different significance of these functions for state policy, in various dysfunctional manifestations of law.

© Егорова Я. А., 2026

Keywords: welfare state, conservative model, social-democratic model, law, functional characteristics of law, tasks of law, functions of law, dysfunctions of law.

For citation: Egorova Ya. A. The functioning of law in a conservative welfare state and in a welfare state of the social-democratic type: comparative analysis // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 11–21. (In Russ.)

Введение

В современных государствах особое внимание уделяется социальным проблемам, среди которых можно назвать социальное и гендерное неравенство, безработицу, бедность, недоступность образования и качественной медицинской помощи. В этой связи складывается традиция маркировать современные государства в качестве социальных, а проводимую ими политику рассматривать через призму усилий, прилагаемых для улучшения качества жизни населения.

В любом социальном государстве право является важным инструментом осуществления его целей и задач на всем протяжении существования. В то же время в связи с тем, что разнообразие способов и приемов, применяемых социальными государствами для реализации своего назначения, становится основанием для дифференциации различных моделей социального государства [1, с. 44; 2, с. 8; 3, с. 46; 4, с. 106], возникает вопрос: являются ли функциональные характеристики права любого социального государства универсальными?

В обозначенном контексте особую актуальность приобретает сравнительный анализ функционирования права социальных государств различных типов, и в данной статье предметом анализа станет общее и особенное в функционировании права социальных государств двух типов: консервативного и социал-демократического.

Методы

Выводы, отраженные в данном исследовании, были получены в рамках подхода, включающего прежде всего элементы различных методологий общенаучного характера. Наиболее значимыми для данного подхода стали компоненты формально-логической, диалектической, системной и структурно-функциональной методологий.

Важную роль в исследовании также сыграли специальные методы познания правовых явлений, а именно формально-юридический метод, метод анализа правовых текстов, а также метод интерпретации нормативных правовых актов.

Результаты

Осознавая значимость исследования функциональной характеристики права социального государства, одновременно приходится признать, что оно затрудняется отсутствием в отечественной юридической науке ясного представления о том, что такое функциональная характеристика права и каковы ее параметры.

Существует два основных подхода к решению данного вопроса. В рамках первого [5; 6; 7] в качестве основного для функциональной характеристики права избирается понятие «функции права». Любые иные понятия («цели права», «задачи права», «назначение права», «направления действия права» и др.), если они используются для того, чтобы дать праву функциональную характеристику, рассматриваются как вспомогательные. Сторонники второго подхода [8; 9; 10] акцентируют внимание на том, что функциональная характеристика права не может быть сведена лишь к описанию его функций. Сторонники данного подхода оперируют разными понятиями, вводимыми, наряду с понятием «функции права», в качестве таких, которые имеют ту же значимость, что и последнее.

Те исследования, в которых затрагивается вопрос о том, каким образом социальным государством для решения стоящих перед ним проблем используются правовые инструменты и механизмы, свидетельствуют: для понимания закономерностей функционирования права социального государства недостаточно анализа его функций, принципиально важно знать, каково назначение это-

го права, какие задачи оно решает, возникают ли в процессе его действия дисфункции.

Назначением права является упорядочение общественных отношений, и, будучи определенным самой природой права, оно не изменяется в зависимости от того, о каком государстве идет речь. Вместе с тем описание назначения права социального государства может быть конкретизировано с учетом того, для достижения каких целей и для реализации каких ценностей оно приводится в действие. Наиболее значимой специфической характеристикой, дающей представление о социальном государстве, является его стремление к обеспечению достойной жизни человека и достойной жизни общества [11, с. 102–103; 12, с. 12–13; 13, с. 31–33], при этом гармоничное сочетание первого и второго воспринимается в качестве показателя всеобщего благополучия, всеобщего благоденствия. Следовательно, упорядочение для права социального государства – не самоцель, а способ воспроизводства и поддержания такой системы общественных отношений, в которой воплощается – в той мере, в какой это вообще посредством права возможно, – идея о достойной жизни человека и достойной жизни общества в их гармоничном сочетании.

Назначение права находит свою конкретизацию в решаемых им задачах. На объем и содержание таких задач решающее влияние оказывает характер целей и задач государства, и в этой связи праву социального государства любого типа оказываются свойственны задачи, неразрывно связанные с теми целями и задачами, постановка и реализация которых делает государство социальным. К числу таких задач относятся гарантирование и охрана прав и свобод граждан; обеспечение баланса интересов личности, общества и государства; формализация перечня социальных рисков, обеспечивающая функционирование системы социального страхования; создание условий для реализации принципа социальной справедливости; со-

здание условий для развития, реализации индивидуальных способностей и воспроизводства социального потенциала человека; выработка ориентиров и установление норм должного социально полезного поведения.

Вместе с тем для социальных государств разных типов характерны разное понимание достоинства жизни человека и общества, разные представления о критериях достойной жизни. Политика, проводимая социальными государствами разных типов, предполагает предпочтительное использование различных средств и способов обеспечения достойной жизни.

Реализуемая в ряде стран Западной Европы консервативная модель социального государства представляет собой модель умеренного государственного влияния, которая строится на принципе тесной взаимосвязи государственного социального обеспечения и приобретаемого индивидом социального статуса, обусловленного его профессиональной деятельностью. Специфической чертой государств, реализующих данную модель социальной политики, является сохранение классового, корпоративного или статусного разделения общества.

В этой связи у права социальных государств консервативного типа, наряду с перечисленными универсальными задачами, появляются задачи специфические.

Во-первых, гармонизация трудовой сферы, в том числе обеспечение максимальной вовлеченности населения в трудовые отношения, и способствование повышению эффективности труда. О том, что данная задача является ключевой, влияющей на всю структуру проводимой консервативными социальными государствами правовой политики, свидетельствуют конституции ряда государств (Аргентины, Германии, Италии, Польши, Португалии, Франции и др.): они в большинстве своем уделяют особое внимание регулированию трудовых отношений и их правовой охране. Например, Итальянская Республика, согласно ст. 1 Конститу-

ции, «является демократической республикой, основанной на труде»¹.

В контексте реализации рассматриваемой задачи права социального государства баланс между интересами субъектов трудовых правоотношений и государства достигается не только посредством расширения социальных прав и правовой гарантии возможности их реализации, но и посредством правового регулирования. В частности, для права консервативного социального государства характерно сочетание государственного и договорного регулирования трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Так, согласно ст. 63 Конституции Португальской Республики, государство осуществляет организацию, координацию и субсидирование сферы социального обеспечения совместно с профессиональными союзами и иными организациями, представляющими работников, и объединениями, представляющими других бенефициаров².

Во-вторых, это поддержка традиционных социальных институтов. Данная задача обусловлена формированием системы консервативных ценностей, характерной для рассматриваемой модели социального государства. Реализация указанной задачи предполагает законодательное закрепление и защиту таких социальных институтов, как семья, брак, материнство и детство. К примеру, ст. 14 Конституции Аргентины демонстрирует, что приоритетным направ-

лением обеспечения благосостояния населения является оказание поддержки семьям³. В ч. 1 ст. 71 Конституции Польши также подтверждается приоритетное значение института семьи при реализации государственной экономической политики⁴. Ст. 31 Конституции Итальянской Республики возлагает на государство обязанность «посредством экономических мер, способствовать созданию семьи и выполнению ее задач», а также гарантирует защиту таких социальных институтов, как материнство, детство и молодежь⁵.

В-третьих, поддержка религиозных конфессий. Возникновение данной задачи права обусловлено признанием роли религии в формировании системы консервативных ценностей. Реализация ее предполагает определение правового статуса религиозных организаций, их прав и обязанностей, а также порядка их регистрации, организации деятельности и финансирования. Позиционируя их в качестве основных институтов в системе социального обеспечения, консервативное социальное государство снимает с себя ответственность за некоторые аспекты социальной защиты населения.

К примеру, в ст. 2 Конституции Аргентины провозглашается приверженность федерального правительства к Римской католической церкви⁶. В Законе Польши от 12 марта 2004 года «О социальной помощи» на Католическую церковь, а также иные религиозные организации и группы возлагает-

¹ Конституция Итальянской Республики // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21553> (дата обращения: 20.12.2025).

² Конституция Португальской Республики // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/5452> (дата обращения: 20.12.2025).

³ Конституция Аргентины 1853 года (с поправками, внесенными в результате реформ 1860, 1866, 1898, 1957 и 1994 годов) // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7070> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴ Конституция Республики Польша от 2 апреля 1997 г. // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17577> (дата обращения: 20.12.2025).

⁵ Конституция Итальянской Республики // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21553> (дата обращения: 20.12.2025).

⁶ Конституция Аргентины 1853 года (с поправками, внесенными в результате реформ 1860, 1866, 1898, 1957 и 1994 годов) // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/7070> (дата обращения: 20.12.2025).

ся ответственность за предоставление социальной помощи населению¹.

Социал-демократическая модель представляет собой модель максимального влияния и традиционно характеризуется высоким уровнем вмешательства государства в социальную сферу, финансирование которой осуществляется преимущественно за счет средств государственного бюджета. Государство становится основным производителем и представителем социальных услуг. В этой связи у права социал-демократических социальных государств обнаруживаются иные задачи.

Во-первых, такой задачей является формально-юридическое закрепление принципа «социальности» государства и гарантирование его реализации посредством расширения социальных прав и предоставления широкого спектра социальных услуг. В социальных государствах социал-демократического типа (Швеция, Швейцария, Финляндия, Норвегия и др.) законодательное закрепление принципа «социальности» государства является определяющим для характеристики его в качестве такового. К примеру, в Преамбуле к Союзной конституции Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 года (в ред. от 13 февраля 2022 года)² содержится указание на то, что «сила народа измеряется благосостоянием самой уязвимой его части». В ст. 2 Конституции Швеции основной целью государства провозглашается «содействие благосостоянию частных лиц, социальному обеспечению и реализации основных социальных прав»³.

Значимость рассматриваемой задачи для права обусловлена стремлением соци-

ал-демократического социального государства к легитимации проводимого им политического курса и укреплению доверия к органам государственной власти в вопросах реализации социальной и иной политики. Законодательно закрепленный принцип «социальности» государства при этом выступает не только в качестве юридического, но и политического, социального и духовно-культурного императива.

Во-вторых, закрепление приоритетного положения органов государственной власти в вопросах разработки и реализации социальной политики и определение правового статуса таких органов. Правовой статус и приоритетное положение этих органов закреплены в некоторых странах рассматриваемой модели как на конституционном уровне, так и в специализированных нормативных правовых актах.

К примеру, Закон Швеции «О социальных услугах» от 2001 года (Socialtjänstlag) во 2-й главе устанавливает ответственность муниципалитетов и их должностных лиц за реализацию социальных услуг в регионе, «задачи муниципалитета в социальной сфере выполняются комитетами, определенными городским советом»⁴. Союзная конституция Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 года в разд. 2, гл. 3, ст. 41, ч. 1 закрепляет обязанности в социальной сфере, возлагаемые на союз и кантоны, в дополнение к их личной ответственности и частной инициативе. Приоритетное положение данных субъектов определяется тем, что при реализации задач в сфере социальной политики они действуют

¹ О социальной помощи: закон Польши от 12 марта 2004 г. (Вестник законов 2021 г., ст. 2268) // Internetowy System Aktów Prawnych (ISAP). URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/DocDetails.xsp?id=WDU20210002268> (дата обращения: 20.12.2025).

² Федеральная Конституция Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 г. // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21388> (дата обращения: 21.12.2025).

³ Конституция Королевства Швеция от 27 февраля 1974 г. // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/16262> (дата обращения: 21.12.2025).

⁴ Social Services Act (2001:453) // The International Labour Organization (ILO). URL: <https://natlex.ilo.org/dyn/natlex2/natlex2/files/download/60673/SWE60673Swedish.pdf> (дата обращения: 21.12.2025).

«в рамках своей конституционной компетенции и имеющихся у них средств»¹.

В-третьих, обеспечение защиты населения от максимального числа социальных рисков. Правовое регулирование, направленное на предотвращение социальных рисков, в государствах, реализующих социал-демократическую модель социальной политики, детально проработано. Оно направлено на обеспечение социальной защиты населения в различных жизненных ситуациях. При этом подход Скандинавских стран отличается комплексностью и стремлением к универсальности, охвату как традиционных социальных рисков, так и новых вызовов, возникающих в современном обществе.

К примеру, в Швеции разработаны программы предоставления пособий, направленные на управление практически всеми основными социальными рисками. В настоящий момент в Швеции законодательно закреплено более 10 видов рисков, при наступлении которых включается в работу государственный аппарат социальной поддержки.

В Норвегии разработаны программы предоставления пособий и компенсации особых затрат, которые индивиды несут в случае безработицы, поддержки материнства, ухода за детьми, финансовой поддержки на случай болезни или травмы, инвалидности, старости, смерти, а также в случаях затрат на лечение и реабилитацию в рамках системы здравоохранения². Норвежская система также предусматривает специальные пособия для лиц с особыми потребностями, включая пособия на жилье, на оплату электроэнергии и другие виды социальной поддержки.

В Швейцарии законодательно закреплено наибольшее количество (более 20) социальных рисков, в случае реализации которых человек может получить социальную поддержку государства³. Главной особенностью Швейцарии является конституционный уровень закрепления совокупности социальных рисков (ч.ч. 1–2 ст. 41, ч. 4 ст. 108, ст. 111 Союзной конституции Швейцарской конфедерации).

В-четвертых, ограничение общественного контроля в социальной сфере, недопущение потери контроля над социальной сферой со стороны государства. Социал-демократическая модель социального государства предполагает сохранение государственного контроля над ключевыми аспектами социальной жизни. Это обусловлено стремлением обеспечить универсальность, равенство доступа и высокое качество социальных услуг для всех граждан, а также предотвратить возможные злоупотребления правом. Для реализации рассматриваемой задачи в праве возникают инструменты поддержания государственного контроля, такие как конституционное закрепление ответственности государства, механизмы лицензирования и аккредитации, государственный надзор и контроль, а также установление ограничений на передачу государственных полномочий в сфере социальной политики частным и некоммерческим организациям.

Решение задач, актуальных для права социального государства любого типа, осуществляется в рамках всех тех функций, которые традиционно выделяются учеными-юристами. Поскольку вопрос о них в правовой науке хорошо разработан, представляется нецелесообразным отдельно останавливаться на их анализе. Более важ-

¹ Федеральная Конституция Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 г. // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21388> (дата обращения: 21.12.2025).

² Lov om folketrygd (folketrygdloven) // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1997-02-28-19> (дата обращения: 21.12.2025).

³ Федеральная Конституция Швейцарской конфедерации от 18 апреля 1999 г. // World Intellectual Property Organization (WIPO). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21388> (дата обращения: 21.12.2025).

ным считаем подчеркнуть, что появление у права социального государства специальных задач влияет на степень значимости отдельно взятых функций.

В консервативном социальном государстве наблюдается значительное повышение роли воспитательной функции права. Это, в частности, обусловлено стремлением государства рассматриваемого типа к формированию и поддержанию устойчивой системы ценностей, являющихся основой для реализации социальной политики и поддержания стабильности в социальной сфере.

Эффективная реализация правом своей воспитательной функции в консервативном социальном государстве способствует формированию коллективистского сознания, чувства социальной солидарности и ответственности перед обществом. Воспитательное воздействие права не исчерпывается лишь отражением в положениях правовых норм, но осуществляется также посредством применения правовых обычаев. Например, в нормах права отражаются общепринятые стандарты поведения, устанавливаются границы допустимого и недопустимого, создаются механизмы поощрения социально одобряемого в обществе поведения. Правовой обычай в социальных государствах консервативного типа способствует коллективной стереотипизации поведения, основой для которого становится «конформизм индивидуумов в обществе» [14, с. 5].

В системе специально-юридических функций права социал-демократического социального государства отмечается значительное усиление роли регулятивной функции права. В государстве названного типа специфика реализации регулятивной функции права обуславливается необходимостью эффективного управления сложными социальными процессами, стремлением к обеспечению баланса интересов различных социальных групп и реализацией масштабных программ социальной поддержки. Особенности того, как осуществляется регулятивная функция права, во многом определяют место права в системе инструментов социального государства рассматриваемого типа.

Реализуя регулятивную функцию, право формирует и обеспечивает нормативную (организационную) основу деятельности социального государства. В социальном государстве социал-демократического типа право становится ключевым инструментом, определяющим правила взаимодействия между государством, гражданами и другими субъектами в социальной сфере.

В связи с появлением новых задач и возрастанием значимости отдельных направлений правового воздействия трансформируется конфигурация общесоциальных функций права. В консервативном социальном государстве прежде всего повышается роль духовно-культурной функции права, которая тесно связана с воспитательной функцией права, так как объектом осуществляемого в ее рамках воздействия являются не общественные отношения, а в первую очередь сознание людей. Право в данном контексте выступает не только регулятором общественных отношений, но и проводником определенных ценностей, формируя мировоззрение граждан в соответствии с консервативными идеалами. Правовые нормы аккумулируют духовные ценности и достижения человечества, оказывая влияние на формирование идеалов социальной справедливости, а также культурного самосознания личности.

Духовно-культурная функция права связана с формированием представлений об обществе, в котором находится человек. В консервативном социальном государстве социальное положение индивида непосредственно зависит от его интеграции в общество. Благополучие индивида в значительной степени обусловлено тем, понимает ли он культурные особенности консервативного общества и разделяет ли он характерные для данного общества идеалы и ценности. Соблюдение установленных в обществе правил является, по сути, необходимым условием социального существования человека. Возрастание роли рассматриваемой функции характеризует право как инструмент, определяющий рамки и условия социального бытия человека, право выступает в роли

своеобразного «руководства» к социальной интеграции и реализации человеком своего потенциала в рамках заданных культурных координат.

В социал-демократическом социальном государстве наблюдается увеличение значимости политической и социальной функций права. Это непосредственно проявляется в активном развитии конституционного и административного права, в развитии отраслей права, регулирующих общественные отношения в социальной сфере (трудовое право, право социального обеспечения, экологическое право), в легитимации перераспределения ресурсов (налоговая политика, системы социальных пособий и программ и т. д.).

Об одновременном увеличении значимости политической и социальной функций права в социальном государстве социал-демократического типа свидетельствует следующее:

– юридическое закрепление защиты и гарантирования социальных прав в качестве приоритета государства. Принимаются отдельные нормативные правовые акты, способствующие повышению уровня гарантированности прав личности в системе государственных и общественных отношений. В качестве примера можно привести Закон Норвегии «О правах человека», направленный на укрепление института прав человека путем инкорпорации в национальное законодательство положений трех конвенций Совета Европы и Организации Объединенных Наций, а также сопутствующих протоколов, ратифицированных Норвегией. Данный закон обеспечивает признание указанных международно-правовых актов в качестве неотъемлемой части норвежской правовой системы¹;

– развитое законодательство в социальной сфере. В Скандинавских странах сформирована обширная нормативно-правовая база, регулирующая различные аспекты социального обеспечения. Данные нормативные правовые акты устанавливают условия

предоставления социальных выплат и социальных услуг, размеры пособий, порядок предоставления услуг, а также порядок обжалования решений органов государственной власти в данной сфере;

– развитая система гражданского общества, а также закрепление и реализация принципа политического плюрализма. Специфика функционирования гражданского общества в рассматриваемых странах оказывает существенное влияние на формирование у граждан понимания целей и задач, стоящих перед социал-демократическим социальным государством [15, с. 56].

Усиление значимости одной функции права часто приводит к дисфункциональным проявлениям в осуществлении какой-либо другой функции. В консервативном социальном государстве наблюдается явная дисфункциональность права в реализации им социальной функции. Одним из ключевых факторов, обуславливающих дисфункциональность права в реализации названной функции, является консервативное понимание социального неравенства как необходимого элемента стабильного развития общества и естественной формы его организации, существование которой связано с тем, что люди от рождения имеют естественные или социальные различия [16, с. 179–181; 11, с. 107].

В случае когда речь идет о социальном государстве социал-демократического типа, особенно заметной оказывается дисфункциональность права в осуществлении его экономической функции. Это связано с тем, что «главным источником благосостояния все-таки является труд, раскрывающий творческие способности личности и общества. Государство может этому всячески содействовать, но заменить собой труженика, производителя оно не в состоянии» [17, с. 21].

Дисфункциональность права социального государства социал-демократического типа проявляется прежде всего в снижении

¹ Закон об укреплении положения прав человека в норвежском законодательстве // Lovdata. URL: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1999-05-21-30> (дата обращения: 21.12.2025).

интереса к инвестициям и предпринимательству со стороны граждан, в снижении конкурентоспособности на рынке, в повышении риска развития теневой экономики и коррупции, а также в устойчивом формировании иждивенчества и снижении трудовой мотивации населения.

В условиях снижения экономической и политической активности граждан государство вынуждено наращивать объемы предоставления услуг, финансируемых как за счет собственных ресурсов, так и за счет ресурсов социально стабильных слоев населения. Ввиду объективной невозможности восполнения данных ресурсов исключительно за счет внутренних резервов возможен экономический спад, провоцирующий рост социальной напряженности.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ позволяет дать функциональную характеристику праву консервативного социального государства и социального государства социал-демократического типа лишь в самом общем виде, однако этого достаточно, чтобы сделать ряд выводов:

1. Сравнивая право консервативного социального государства с правом социального государства социал-демократического типа, можно обнаружить как общее для них, так и особенное. Общим для права всех социальных государств являются: во-первых, его назначение; во-вторых, задачи права, обусловленные целями и задачами, характеризующими государство в качестве социального; в-третьих, «набор» реализуемых правом функций. Особенное в функционировании права государств рассматриваемых типов проявляется: во-первых, в наличии специальных задач, появление которых обуслов-

лено разным пониманием достойной жизни человека и общества и ее критериев, а также разными представлениями о средствах и способах обеспечения достойной жизни; во-вторых, в содержательном наполнении функций и их значимости в проводимой социальным государством правовой политике; в-третьих, в характере дисфункциональных проявлений права.

2. Особенности функционирования права социального государства консервативного типа обуславливаются прежде всего концентрацией государственного регулирования преимущественно на сфере трудовых отношений и сохранением классового, корпоративного и статусного разделения общества. В рамках данного типа социального государства прослеживаются увеличение значимости воспитательно-го воздействия в системе специально-юридических функций права, повышение роли духовно-культурной функции, а также дисфункциональность права в реализации социальной функции, что порождает восприятие права в качестве инструмента поддержания существующей социальной иерархии.

3. Функционирование права социал-демократического социального государства характеризуется увеличением значимости осуществляемого им регулятивного воздействия. Для социального государства социал-демократического типа наиболее высок риск патернализма, и первопричинами тому служат, с одной стороны, усиление значимости политической и социальной функций в системе общесоциальных функций, с другой стороны, высокая вероятность дисфункциональности права в осуществлении экономической функции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милецкий В. П. Социальное государство: эволюция теории и практики (политико-социологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук. СПб, 1998. 350 с.
2. Торлопов В. А. Основные модели социального государства // Человек и труд. 1998. № 6. С. 4–8.
3. Петров А. В. Концепция социального государства в европейских странах // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2022. № 58. С. 42–57.

4. Калов З. А., Куршаева Ф. М., Хациева Л. У. Особенности реализации моделей социальной политики. Часть 1 // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 2. С. 106–108.
5. Алмазова З. Л. Социальные и ценностные основы регулятивной функции права в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 30 с.
6. Димидов М. М. Функции российского трудового права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 31 с.
7. Новиков М. В. Ограничительная функция права и ее реализация в российском законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004. 22 с.
8. Малахов В. П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2013. 143 с.
9. Палазян А. С. Функциональная характеристика права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. 56 с.
10. Коваленко О. Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 22 с.
11. Клишас А. А. Современная концепция социального государства: монография. М.: Норма, 2023. 288 с.
12. Евстратов А. Э. Цели правотворчества социального государства (постановка проблемы) // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. №1 (46). С. 12–19.
13. Аверьянова Н. Н., Тюменева Н. В., Якушева С. Е. Конституционно-правовое содержание категории «достойная жизнь человека» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 29–35.
14. Тирских М. Г., Черняк Л. Ю. Стереотипизация социального поведения: правовые и иные социальные регуляторы общественных отношений // Академический юридический журнал. 2009. № 3 (37). С. 4–11.
15. Федосов А. В. Шведская модель социального государства // Образование и право. 2022. № 4. С. 55–59.
16. Викторов А. Ш. Социальное неравенство: философская и социологическая рефлексия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. С. 170–186.
17. Пожарский Д. В. Современное государство: ценность, функции, перспективы трансформации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 18–25.

REFERENCES

1. Miletsky V. P. Welfare state: evolution of theory and practice (political-sociological analysis): Diss. ... Doctor of Political Sciences. St. Petersburg, 1998. 350 p. (In Russ.)
2. Torlopov V. A. Basic models of the welfare state // Man and labor. 1998. No. 6. P. 4–8. (In Russ.)
3. Petrov A. V. The concept of a social state in European countries // Bulletin of Tomsk State University. Economics. 2022. No. 58. P. 42–57. (In Russ.)
4. Kalov Z. A., Kurshaeva F. M., Khatsieva L. U. Features of the implementation of social policy models. Part 1 // Modern problems of science and education. 2009. No. 2. P. 106–108. (In Russ.)
5. Almazova Z. L. Social and value bases of the regulatory function of law in modern Russia. Cand. Diss. Thesis. Krasnodar, 2016. 30 p. (In Russ.)
6. Dimidov M. M. The functions of Russian labor law: Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2012. 31 p. (In Russ.)
7. Novikov M. V. The restrictive function of law and its implementation in the Russian legislation: Cand. Diss. Thesis. Vladimir, 2004. 22 p. (In Russ.)
8. Malakhov V. P. General theory of law and state. On the problem of legal understanding. Moscow: UNITY-DANA: law and law, 2013. 143 p. (In Russ.)
9. Palazyan A. S. Functional characteristics of law: Diss. ... Doctor of Law. Thesis. M., 2009. 56 p. (In Russ.)
10. Kovalenko O. N. Tasks and functional possibilities of criminal law: Cand. Diss. Thesis. Samara, 2012. 22 p. (In Russ.)
11. Klishas A. A. Modern concept of the welfare state. Moscow: Norma, 2023. 288 p. (In Russ.)

12. Evstratov A. E. The goals of law-making in a social state (problem statement) // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2016. No. 1 (46). P. 12–19. (In Russ.)
13. Averyanova N. N., Tyumeneva N. V., Yakusheva S. E. The constitutional and legal content of the category “decent human life” // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (97). P. 29–35. (In Russ.)
14. Tirskikh M. G., Chernyak L. Yu. Stereotyping of social behavior: legal and other social regulators of public relations // Academic Law Journal. 2009. No. 3 (37). P. 4–11. (In Russ.)
15. Fedosov A. V. The Swedish model of a welfare state // Education and law. 2022. No. 4. P. 55–59. (In Russ.)
16. Viktorov A. Sh. Social inequality: philosophical and sociological reflection // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2014. No. 2. P. 170–186. (In Russ.)
17. Pozharsky D. V. The Modern State: Value, Functions, and Prospects for Transformation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 18–25. (In Russ.)

Информация об авторе:

Я. А. Егорова, адъюнкт.

Information about the author:

Ya. A. Egorova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 340.132

ТАКСОНОМИЯ ПРАВА КАК КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Татьяна Юрьевна Игнатова
Академия управления МВД России
tatiana.ignatova2014@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье рассматривается современная юридическая категория – таксономия права в контексте ее теоретико-методологического аспекта как сложное системное и иерархическое многоуровневое явление, необходимое для выявления новых закономерностей в праве и расширения существующего юридического знания. Автором дается доктринальная характеристика категории, ее связь с естественно-научным знанием, а также с социально-гуманитарными науками, в том числе юридической. Показано, что таксономия права характеризует систематизацию и структурирование правовых знаний, направлена на выявление иерархии элементов правовой системы, а также иных функциональных взаимосвязей и закономерностей развития права. Особое внимание уделено сопоставлению таксономии права с системным подходом, позволяющим рассматривать правовую систему как целостную и сложноорганизованную подсистему социальной системы. Приводятся примеры применения категории в различных отраслях права (конституционной, административной, уголовной), а также опыт ее изучения в контексте проведения сравнительно-правовых исследований. Сделан вывод о значительном методологическом потенциале категории «таксономия права» для углубленного анализа современных государственно-правовых процессов, нуждающихся в обосновании и введении в научный оборот новых юридических знаний.

Ключевые слова: юридическая категория, таксономия права, правовая система общества, системный подход, система права, структурирование права, норма права, методология юридической науки.

Для цитирования: Игнатова Т. Ю. Таксономия права как категория современной юридической науки // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 22–31.

Original article

TAXONOMY OF LAW AS A CATEGORY OF MODERN LEGAL SCIENCE

Tatyana Yu. Ignatova
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
tatiana.ignatova2014@yandex.ru

Abstract. The presented article examines the modern legal category – the taxonomy of law in the context of its theoretical and methodological aspect as a complex systemic and hierarchical multilevel phenomenon necessary to identify new patterns in law and expand existing legal knowledge. The author gives a doctrinal description of the category, its connection with natural science knowledge, as well as with social and humanitarian sciences, including law. It is shown that the taxonomy of law characterizes the systematization and structuring of legal knowledge, aimed at identifying the hierarchy of elements of the legal system, as well as other functional relationships and patterns of law development. Special attention is paid to comparing the taxonomy of law with a systematic approach, which makes it possible to consider the legal system as an integral and complexly organized subsystem of the social system. Examples of the category's application in various

branches of law (constitutional, administrative, criminal) are given, as well as the experience of studying it in the context of comparative legal research. The conclusion is made about the significant methodological potential of the taxonomy of law category for an in-depth analysis of modern state-legal processes that need to be substantiated and introduced into scientific circulation of new legal knowledge.

Keywords: legal category, taxonomy of law, legal system of society, systematic approach, legal system, structuring of law, rule of law, methodology of legal science.

For citation: Ignatova T. Yu. Taxonomy of law as a category of modern legal science // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 22–31. (In Russ.)

Введение

В настоящее время в политико-правовой действительности происходит трансформация различных сфер жизнедеятельности человека, в том числе связанная с появлением и активным внедрением цифровых технологий, а также искусственного интеллекта. Перед российским государством в связи с новыми вызовами встает задача наиболее оптимального решения возникающих проблем сохранения ее государственности, путем принятия управленческих решений, совершенствования действующего законодательства, а также развития отечественной гуманитарной науки. В основе действий государства по правовому регулированию общественных отношений лежит юридическая наука, знания, накопленные научным сообществом и практическими государственными деятелями. Юридические категории раскрывают закономерности развития и функционирования государственно-правовых явлений, отражают право в целом и правовую действительность [1, с. 78–79].

Современная юридическая наука развивается в двух взаимосвязанных между собой направлениях, равнозначных по своему теоретико-методологическому потенциалу. С одной стороны – формирование новых правовых конструкций, которые в дальнейшем могут кристаллизоваться в устойчивые юридические категории. С другой стороны – переосмысление и углубление уже сложившихся категорий и концепций в условиях трансформации современной правовой действительности, что актуализирует обращение к структурно-системной методологии исследования, раскрывающей «кристаллическую решетку» права. Указанная тенденция находит отражение в трудах современ-

ных отечественных ученых, в частности в исследованиях Д. В. Пожарского, посвященных анализу системной организации государственно-правовых явлений и методологическим основаниям их научного познания [2, с. 1–4].

Методы

Методологическую основу исследования составляют положения общей теории систем и системного подхода, позволяющие рассматривать право как сложноорганизованную и иерархически выстроенную подсистему социальной системы. В процессе исследования использовались общенаучные методы познания: анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование, моделирование, что позволило выявить внутренние закономерности и структурные связи исследуемых правовых явлений.

В качестве специальных юридических методов применялись формально-юридический метод, обеспечивающий анализ нормативных правовых актов, а также сравнительно-правовой метод, использованный при изучении отечественных и зарубежных подходов к категории таксономии права. Применение указанных методов в совокупности обеспечило комплексный характер исследования и позволило обосновать использование категории таксономии права как теоретико-методологического инструмента для переосмысления актуальных теоретико-правовых концепций.

Результаты

Для приращения знаний о государстве и праве в их взаимосвязи научное сообщество использует различные юридические категории, иными словами, категории выполняют методологическую функцию в юридической науке [3, с. 59–61]. Однако сложившийся тра-

диционный категориальный аппарат далеко не всегда позволяет адекватно познавать усложняющуюся правовую действительность, что обуславливает необходимость обращения к новым теоретико-методологическим инструментам. В данной статье хотелось бы уделить внимание появившейся сравнительно недавно, по праву считающейся молодой, такой юридической категории, как «таксономия права». Для всестороннего исследования категории обоснованным будет обращение к предпосылкам ее зарождения.

Термин «таксономия» впервые был предложен в науке в 1813 году ученым-биологом О. П. Декан্ডолем, который занимался изучением видов сложноорганизованных растений, их классификацией, пытался упорядочить и определить в единую систему полученные им знания о мире природы, помимо этого, он выявлял общие закономерности развития тех или иных явлений естествознания [4, с. 58–79].

Таксономию О. П. Декандоля определял как учение о принципах классификации [5, с. 14–17]. Однако фундаментом для концептуализации таксономии стали идеи ученого К. Линнея, ведь именно он заложил практические основы принципа систематизации и иерархии, но не оформил это как отдельную научную категорию, что сделал его последователь О. П. Декандоль [6, с. 115–124].

Первоначально категория «таксономия» использовалась исключительно в ботанике и биологии, но постепенно начала выходить за их рамки, ученые активно стали использовать данную субстанцию в философии науки, логике, социологии, математике, психологии, географии и значительно позже – юриспруденции. Данное обстоятельство свидетельствует об универсальном характере указанной категории и возможности ее адаптации к анализу сложных социальных систем, включая правовые. Особое значение категория «таксономия права» получила в период становления и развития системного подхода в юридической науке. Обоснованным и необходимым будет внимание к систем-

ному подходу, который прямо пропорционально взаимосвязан с категорией с рассматриваемым феноменом.

Исторически системный подход формируется в середине XX века, с появлением известной общей теории систем, основоположником которой стал австрийский ученый Л. Фон Берталанфи [7, с. 98–100]. Для наиболее полного и объективно всестороннего научного исследования сложных объектов в различных областях – биологических, социальных, технических и гуманитарных Л. Фон Берталанфи указывал на необходимость выработки универсальных принципов для исследования данных явлений. Согласно учению Л. Фон Берталанфи, система представляет собой целостное образование, которое состоит из взаимосвязанных элементов, функционирование которых не может быть объяснено исключительно через анализ отдельных частей. Помимо этого, ученый обосновывал идею иерархичности систем, предполагающей наличие различных уровней организации, находящихся в отношениях соподчинения и взаимного влияния. Системы находятся в постоянном взаимодействии с внешней средой, что определяет их открытый характер, они также представляют собой динамический процесс, обусловленный как внутренними, так и внешними факторами. Поэтому важнейшими характеристиками системы в рамках указанного подхода являются: целостность; иерархичность; структурированность; динамичность; наличие механизмов обратной связи [8, с. 5–9].

Принцип целостности означает, что функционирование системы не может быть адекватно объяснено через призму исследования ее отдельных элементов по отдельности. Так, при исследовании права посредством системного подхода в контексте принципа целостности неверным будет утверждать, что это всего лишь совокупность правовых норм, так как право намного шире и включает в себя правосознание, правовую культуру, правоприменительную практику и социальные условия функционирования юриспруденции. Принцип ие-

рархичности подразумевает существование различных уровней организации системы, находящихся в отношениях соподчинения, что дает возможность рассматривать право как многоуровневое образование.

Важнейшее значение для гуманитарных наук имеет принцип открытости системы, в соответствии с которым она постоянно взаимодействует с внешней средой и изменяется под воздействием внешних факторов. В праве данный принцип выражается в наличии влияния экономических, политических, культурных и международных факторов на развитие правовых институтов и норм. Принцип динамичности подчеркивает, что система не является статичной, а находится в состоянии постоянного развития и трансформации, что особенно актуально в условиях цифровизации и глобализации правовой действительности, а также многополярности.

Идеи общей теории систем получили широкое распространение в юриспруденции, где они послужили методологической основой для формирования системного подхода к исследованию права. Рассмотрение права как системы позволило выявить устойчивые закономерности его функционирования, определить взаимосвязи между правовыми явлениями и объяснить механизмы правового регулирования общественных отношений [10, с. 21–26]. Идеи общей теории систем способствовали выявлению устойчивых закономерностей функционирования правовых систем, а также механизмов их трансформации, поэтому в современной юридической науке системный подход занимает одно из ключевых мест среди общенаучных методологических средств познания. Он используется при изучении права как целостного и сложноорганизованного социального явления, обладающего внутренней структурой и функциональной определенностью. Применение системного подхода позволяет рассматривать право не изолированно, а во взаимосвязи с государством, обществом, экономикой и культурой.

Системный подход в юриспруденции главной своей целью ставит выявление це-

лостности объекта исследования, установление устойчивых связей между его элементами, а также определение функций, выполняемых внутри правовой системы. В рамках данного подхода право анализируется как совокупность взаимосвязанных компонентов – норм, институтов, отраслей, правосознания, правоприменительной практики, образующих единую систему правового регулирования. Однако, несмотря на указанные достижения системного подхода, он носит предметно неопределенный характер и обладает определенными методологическими ограничениями. Он позволяет установить факт системности права, однако не всегда дает возможность глубоко раскрыть внутреннюю иерархию правовых категорий, выявить уровни их соподчинения и определить закономерности структурной организации правовых явлений. Системный подход запечатлевает наличие структуры, но не всегда раскрывает механизм ее внутреннего устройства [11, с. 89–93]. Кроме того, в системном подходе фокусируется внимание на описании целостности и взаимодействия элементов системы, в то время как вопросы классификации, уровневой дифференциации и соподчинения правовых явлений остаются малоосвещенными. Особенно ярко это проявляется при исследовании сложных многоуровневых образований, таких как правовая система общества, которая включает в себя международный, национальный и региональный уровни правового регулирования [9, с. 7–10].

В связи с этим в юридической науке возникает объективная потребность в использовании более конкретных аналитических инструментов, способных дополнить системный подход и углубить исследование внутренней структуры права. Одним из таких инструментов выступает таксономия, которая позволяет перевести общие положения системного подхода в рамки иерархического и структурного анализа правовых явлений. Одним из первых ученых-юристов, использовавших таксономию в своих исследованиях как категорию, является профессор Г. Г. Небрятенко. Применительно к

правовой системе общества он рассматривает ее не просто как совокупность норм или общественных отношений, а как структурированную и иерархическую сложную многоуровневую систему. Ученый раскрывает правовую систему общества через ее уровни, которые в своем срезе имеют сложную структуру, более того, на каждом ее уровне могут возникать нормы права, кристаллизирующиеся в дальнейшем в целые комплексы [12, с. 38–43].

Использование таксономического подхода позволяет сделать вывод о том, что правовую систему общества составляют: институционально-нормативный уровень – субъекты права, обладающие правосубъектностью, система права (совокупность отраслей и подотраслей, объединенных общими принципами и функциями), система законодательства (нормативные правовые акты, упорядоченные по иерархии и сферам применения), нормы права (конкретные правила поведения, взаимодействия которых отражает внутреннюю логику правовой системы); социологический уровень – правовая культура (правовая идеология и правовая психология); коммуникативный уровень (взаимосвязи между субъектами права, общественные отношения). Кроме того, становится очевидным, что правовую систему общества ранее рассматривали преимущественно в узком смысле, например, на институциональном уровне как систему права или систему законодательства, но категория «таксономия права» соединяет воедино различные подходы к пониманию ее структуры. Такой подход позволяет выявить взаимосвязи между различными уровнями правовой системы общества, понять, как соотносятся нормы и институты между собой, и выявить структурные закономерности функционирования права в обществе, что обуславливает возможность систематизации правовых знаний и определения их взаимобусловленности.

Таксономию права как современную юридическую категорию применяют не только в теоретико-исторических науках, но и в публично-правовых. Так, профессор И. А. Умнова-Конюхова и И. А. Алешко-

ва рассуждают о Конституции Российской Федерации как о сложноорганизованной системе конституционно-правовых институтов, сравнивая ее с «живым организмом», не просто с основополагающим нормативным правовым актом. За методологическую основу ученые берут юридическую категорию таксономию права, обозначив возможность базисного понятия ее структуры, а также тесной взаимосвязи со всеми подотраслями права в целом [13, с. 32–39]. Таксономический анализ Основного Закона складывается из его деления на два уровня: формально-институциональный (закрепление общих положений, принципов, норм права) и функциональный, связанный с выходом в реальную плоскость правоотношений. На первом уровне находятся основополагающие нормы и принципы, ученые показывают взаимообусловленность принципов, где конституционные принципы задают само содержание конституционных норм. На втором уровне происходит реализация конституционных принципов и норм, главным инструментом для которых служит судебное применение, в том числе Конституционным Судом Российской Федерации. В результате делается вывод, что конституционные нормы и принципы, а также их применение в рамках судебного процесса могут самостоятельно регулировать общественные отношения, однако наибольший эффект достигается лишь при их взаимосвязи, соподчинении в рамках множественной иерархии и «конституционно-правовой таксономии».

В современной юридической науке термин «таксономия» начал использоваться в рамках криминологии для исследования преступности и ее профилактики. Так, например, П. А. Кабанов считает, что явление преступности и знания о ней имеют сложный междисциплинарный и иерархический характер, обуславливающий необходимость в систематизации и классификации криминологических знаний [14, с. 25–29]. В данном контексте предлагается использовать «криминологическую таксономию» – новую теорию о систематизации и классификации

знаний о преступности, как логический инструмент, позволяющий выявить закономерности и взаимосвязи между различными уровнями криминологического анализа.

В административном праве также прослеживается использование рассматриваемой юридической категории: С. И. Ладушкин говорит о существовании в административном праве различных норм права, которые могут закреплять обязанности, устанавливать порядок, в целом формировать административный механизм. Данные нормы права сами по себе по отдельности представляют однородную массу, однако в контексте таксономического подхода они объединяются в «уровни административного права». Так, например, дефинитивные нормы, которые взаимоподчинены между собой, и их взаимодействие образует устойчивую систему административного законодательства [15, с. 183–187]. Данный подход показывает, что нормы административного права можно классифицировать и систематизировать, а также отслеживать формально-логические отношения между ними, выявлять системные связи и функциональное назначение. Таксономия в данном аспекте выступает методологическим инструментом, позволяющим выявлять фундаментальные закономерности для приращения знания в области административного права и его внедрения в практическую деятельность.

Актуальность применения в исследованиях категории таксономии права в современных условиях обусловлена неуклонно изменяющейся правовой действительностью под воздействием цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта. Усложнение правовых процессов, появление новых форм правового регулирования общественных отношений и расширение межуровневых связей требуют применения методологических инструментов, способных адекватно отражать многоуровневый характер современного права. Таксономия права обоснованно обладает огромным познавательным потенциалом, поскольку позволяет анализировать явления правовой действительности не только в ста-

тическом, но и в динамическом аспекте, выявляя закономерности изменения правовых структур и их адаптацию к новым условиям. Так, таксономический подход может быть использован при исследовании цифровых прав, правового регулирования применения искусственного интеллекта, трансформации судебных систем, становления и развития региональных правовых систем. Кроме того, таксономия права представляет собой перспективный методологический инструмент для исследования взаимодействия в рамках международной универсальной, национальных и региональных правовых систем (международного и внутригосударственного уровня). Выявление иерархии правовых институтов, норм и принципов позволяет глубже понять механизмы правового взаимодействия и устранить противоречия между различными субъектами, формирующими содержание правовой действительности.

Несмотря на возрастающий интерес к категории «таксономия права» в современной юридической науке в настоящее время отсутствует ее доктринальное закрепление, поэтому она используется фрагментарно, отсутствует единство в понимании содержания данной категории среди ученых, использующих ее в своих исследованиях. На нормативном уровне она также не имеет своего закрепления, что свидетельствует о ее сугубо научном, философско-правовом и компаративистском характере. Данное обстоятельство, с одной стороны, указывает на относительную новизну исследуемой категории, а с другой – подчеркивает необходимость ее дальнейшей теоретической разработки и концептуального обоснования.

Таксономия как категория – это не просто инструмент для классификации явлений правовой действительности. Ведь классификация позволяет получить знания о разнообразных объектах, их взаимодействии и взаимосвязи между собой. Таксономия выходит за рамки возможностей классификации, позволяет исследовать основополагающие принципы, методы и правила классификации, при этом выстраивая иерархическую структуру, где каждые

ее элементы взаимосвязаны между собой и одновременно находятся в состоянии соподчинения и взаимообусловленности. Проведенный анализ библиографических источников демонстрирует, что в юридической доктрине отсутствует целостное представление о таксономии права. Одни авторы используют данную категорию преимущественно как методологический инструмент, сближая ее с системным и структурно-функциональным подходами. В таком контексте таксономия права рассматривается как способ упорядочения правовых знаний, выявления взаимосвязей между правовыми явлениями и уровнями функционирования правовой системы. Другие исследователи трактуют таксономию права в узком смысле как разновидность классификации правовых явлений, направленную на систематизацию норм, институтов или отраслей права по определенным основаниям. Однако подобный подход не в полной мере отражает потенциал данной категории и фактически сводит ее к традиционным классификационным схемам.

Отсутствие единого подхода к определению таксономии права во многом обусловлено тем, что данная категория находится на стыке нескольких теоретико-методологических направлений: системного подхода; структурно-функционального анализа; сравнительного правоведения; теории типов права правовой системы. Также важным отличием категории «таксономия права» от других юридических категорий выступает ее динамичный характер, формируемый как ответ на усложнение правовой действительности, в то время как традиционные юридические категории обладают статическим содержанием, исключая некоторые, активно используемые в сравнительном правоведении.

Стоит отметить, что отсутствие собственного понятия ничуть не уменьшает научной значимости категории таксономии права. Напротив, данное обстоятельство в последующем предоставляет возможность сформулировать ее авторское определение, опираясь на достижения общей теории си-

стем, системного подхода и современных теоретико-правовых концепций, а также в целом сложившихся подходов к применению категории в различных областях науки. В этом аспекте категория «таксономия права» выступает не как устойчиво сформировавшаяся дефиниция, а как теоретико-методологическая модель, ориентированная на выявление внутренней иерархии, уровней и структурных связей актуальных правовых явлений.

В то же время с учетом проведенного доктринального анализа представляется возможным сформулировать следующее определение, носящее парадигмальный характер. Таксономия права – это междисциплинарная теоретико-правовая категория и одновременно методологический инструмент научного познания, представляющий собой иерархически организованную систему принципов, критериев и уровней структурирования правовых явлений, направленную на выявление их соподчиненности, функциональных связей и закономерностей развития в теоретико-исторических правовых науках (в рамках сравнительного правоведения), а также в публично-правовых, частно-правовых, уголовно-правовых и международно-правовых науках. В отличие от классификации, ориентированной преимущественно на внешнее распределение правовых объектов по группам, таксономия права позволяет исследовать внутреннюю структуру права, выявлять устойчивые структурные уровни правовых явлений, а также проследивать взаимосвязь между нормативным, институциональным и функциональным аспектами правового регулирования. Тем самым таксономия права обеспечивает более глубокое и комплексное понимание права как сложноорганизованного явления гуманитарного знания.

Предложенное определение позволяет рассматривать таксономию права не как факультативную категорию, а как самостоятельный элемент современного категориального аппарата юридической науки, обладающий значительным познавательным

потенциалом. Использование категории таксономии права в теоретико-правовых исследованиях способствует уточнению понятийного аппарата, систематизации юридических знаний и формированию целостного представления о многоуровневой организации правовой действительности.

Заключение

Таким образом, можно отметить, что становление юридической категории таксономии права берет свое начало в рамках исследований в области естественных наук. Последовательно категория выходит за их пределы и активно начинает использоваться в области других наук, в том числе в юриспруденции, что иллюстрирует ее универсальный характер. Особое значение для становления категории таксономии права в науке оказал системный подход, позволив рассмотреть различные сложные явления как целостную систему, однако он в данном случае имеет общий теоретико-методологический характер и в полной мере не может объективно раскрыть научный потенциал таксономии. Впрочем, становление и развитие системного подхода дало почву для рецепции таксономии в юриспруденцию, которая конкретизировала и дополнила системный подход и стала его специальным инструментом, позволяющим более глубоко исследовать внутреннюю иерархическую структуру сложных общеправовых явлений.

В современной юридической науке имеются научные подходы, применительно к ка-

тегории таксономии права, ее активно начали использовать для познания сложных общеправовых и государственных явлений в правовой среде, в конституционном праве, административном праве, а также в криминологии. Таксономия права служит методологическим инструментом для исследования права в целом, систематизации и классификации имеющихся знаний, способствуя при этом получению новых знаний, выявлению закономерностей, функциональных взаимосвязей между ее элементами, именуемыми таксонами.

В условиях усложнения современной правовой действительности таксономия права может рассматриваться как методологическая основа для дальнейших теоретико-правовых исследований, направленных на формирование целостного и системного понимания современного права и дальнейших перспектив его развития. Это позволяет говорить о таксономии не только как о дополняющем или факультативном аналитическом инструменте, но и как о перспективной юридической категории, способной инструментально содействовать внесению вклада в развитие современной юридической науки. Проведенное изучение и теоретический доктринальный обзор указывают на необходимость дальнейших исследований категории таксономии права, что может послужить теоретико-методологической базой для других новых исследований, а также стать шагом вперед для развития современной юридической науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Архипова Е. Ю., Баринков П. С. К вопросу о сущности и назначении правовых категорий // Право и государство. 2023. № 11. С. 78–79.
2. Пожарский Д. В. Охранительная функция государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 426 с.
3. Куликов Е. А. Философские категории в правовой науке и правовые категории: проблемы теории и методологии // Юридические исследования. 2017. № 10. С. 59–61.
4. Любутов А. С. Метод структурной таксономии: возможности применения для анализа социальных и духовных процессов // Научный результат. Социология и управление. 2019. № 4. С. 58–79.
5. Султанова Г. С. Таксономия Блума как инструмент интеллектуально развивающегося обучения студентов // Высшее образование сегодня. 2019. № 1. С. 14–17.
6. Владимирова О. М. Таксономия как подход классификации блогосферы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2023. № 2. С. 115–124.

7. Тищенко В. И. Об истоках «общей теории систем» Бертаналанфи // Ценности и смыслы. 2025. № 4. С. 98–100.
8. Соколов М. А. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Л. Бертаналанфи // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 3. С. 5–9.
9. Васильев Ю. С., Волкова В. Н., Козлов В. Н. Теории систем и системный анализ: истоки и перспективы // Системный анализ в проектировании и управлении: сборник научных трудов XXV Международной научной и учебно-практической конференции. Ч. 1. СПб., 2021. С. 7–10.
10. Грибков А. А. Теория познания и общая теория систем // Общество: философия, история, культура. 2023. № 7. С. 21–26.
11. Ображиев К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2012. № 1. С. 89–93.
12. Небрatenко Г. Г. Концептуализация правовой таксономии общества // Философия права. 2010. № 1. С. 38–43.
13. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. К вопросу о конституционной таксономии // Государство и право. 2020. № 1. С. 32–39.
14. Кабанов А. П. Криминологическая таксономия: понятие, содержание, таксономические единицы и основания их группировки // Всероссийский криминологический журнал. 2007. № 1-2. С. 25–29.
15. Ладушкин С. И. Таксономия дефинитивных норм в административной деятельности полиции // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году. Уфа, 2024. С. 183–187.

REFERENCES

1. Arkhipova E. Yu., Barinov P. S. On the question of the essence and purpose of legal categories // Law and the State. 2023. No. 11. P. 78–79. (In Russ.)
2. Pozharsky D. V. The protective function of the state: dis. ... Dr. of Law. Moscow, 2015. 426 p. (In Russ.)
3. Kulikov E. A. Philosophical categories in legal science and legal categories: problems of theory and methodology // Legal research. 2017. No. 10. P. 59–61. (In Russ.)
4. Lyubutov A. S. Method of structural taxonomy: possibilities of application for the analysis of social and spiritual processes // Scientific result. Sociology and management. 2019. No. 4. P. 58–79. (In Russ.)
5. Sultanova G. S. Bloom's taxonomy as a tool for intellectually developing student learning // Higher education today. 2019. No. 1. P. 14–17. (In Russ.)
6. Vladimirova O. M. Taxonomy as an approach to classifying the blogosphere // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological sciences. 2023. No. 2. P. 115–124. (In Russ.)
7. Tishchenko V. I. On the origins of Bertalanfi's «General theory of Systems» // Values and Meanings. 2025. No. 4. P. 98–100. (In Russ.)
8. Sokolov M. A. A systematic approach as a research program in the work of L. Bertalanfi // Bulletin of Perm State Humanitarian Pedagogical University. 2022. No. 3. P. 5–9. (In Russ.)
9. Vasiliev Yu. S., Volkova V. N., Kozlov V. N. Theories of systems and system analysis: origins and prospects // Systems analysis in design and management: Proceedings of the XXV International Scientific and Educational-Practical Conference. Part 1. St. Petersburg, 2021. P. 7–10. (In Russ.)
10. Gribkov A. A. Theory of cognition and general theory of systems // Society: philosophy, history, culture. 2023. No. 7. P. 21–26. (In Russ.)
11. Obrazhiev K. V. A systematic approach in jurisprudence: theoretical and methodological foundations // Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2012. No. 1. P. 89–93. (In Russ.)
12. Nebratenko G. G. Conceptualization of the legal taxonomy of society // Philosophy of Law. 2010. No. 1. P. 38–43. (In Russ.)
13. Umnova-Konyukhova I. A., Aleshkova I. A. On the issue of constitutional taxonomy // State and Law. 2020. No. 1. P. 32–39. (In Russ.)
14. Kabanov A. P. Criminological taxonomy: concept, content, taxonomic units and the bases of their grouping // All-Russian Journal of Criminology. 2007. No. 1-2. P. 25–29. (In Russ.)

15. Ladushkin S. I. Taxonomy of definitive norms in the administrative activities of the police // Collection of scientific papers on the results of scientific and representative events held at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2024. Ufa, 2024. P. 183–187. (In Russ.)

Информация об авторе:

Т. Ю. Игнатова, адъюнкт.

Information about the author:

T. Yu. Ignatova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.85:343.34 (470)

БОРЬБА С ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИЕЙ В РАМКАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

Рим Римович Каримов¹, Гузель Юрисовна Каримова²,
Игорь Анатольевич Асеев³

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

³ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

¹ karimov_rim@mail.ru, ² guzel-karimova-80@mail.ru, ³ aseev60@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы противодействия распространению идеологии терроризма. Проведен анализ современных методов борьбы с международным терроризмом с акцентом на Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 годы, принятый в Российской Федерации. Принятие данного плана стало важным шагом в борьбе с терроризмом, так как он охватывает широкий спектр мер, включая идеологические, социальные, технологические и международные аспекты. Важно отметить, что борьба с терроризмом не может быть эффективной без учета всех этих факторов. Цель исследования – проведение анализа современных направлений идеологического противодействия терроризму. В условиях, когда идеология играет ключевую роль в радикализации отдельных групп населения, важно рассмотреть, какие меры принимаются для противодействия распространению экстремистских и террористических идей.

Исследование позволило сформулировать ряд выводов. Во-первых, ослабление и в конечном итоге уничтожение идеологии терроризма приведет к значительному снижению уровня террористической активности. Во-вторых, эффективная борьба с идеологией терроризма способствует укреплению межкультурного и межрелигиозного диалога. Развенчание ложных утверждений, используемых террористами для оправдания своих действий, способствует правильному восприятию обществом реальной угрозы, исходящей от террористических организаций. Третьим важным аспектом является межгосударственное взаимодействие, которое включает в себя обмен информацией, проведение совместных операций по пресечению террористической деятельности, экстрадицию подозреваемых и обвиняемых, координацию усилий по борьбе с пропагандой терроризма.

Ключевые слова: идеология терроризма, национальная безопасность, международное сотрудничество, глобальные угрозы, антитеррористическое сознание, радикализация, экстремистские идеи, пропаганда, профилактика терроризма, гражданственность.

Для цитирования: Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., Асеев И. А. Борьба с террористической идеологией в рамках обеспечения безопасности государства и общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 32–40.

Original article

FIGHTING TERRORIST IDEOLOGY WITHIN THE FRAMEWORK OF ENSURING THE SECURITY OF THE STATE AND SOCIETY

Rim R. Karimov¹, Guzel Yu. Karimova², Igor A. Aseev³

^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

³ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

Abstract. The article discusses the issues of countering the spread of the ideology of terrorism. The analysis of modern methods of combating international terrorism is carried out, with an emphasis on the Comprehensive

© Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю., Асеев И. А., 2026

Plan for Countering the Ideology of Terrorism for 2024–2028, adopted in the Russian Federation. The adoption of this plan was an important step in the fight against terrorism, as it covers a wide range of measures, including ideological, social, technological and international aspects. It is important to note that the fight against terrorism cannot be effective without taking into account all these factors. Purpose of this investigation: to analyze modern trends in ideological counteraction to terrorism. In a context where ideology plays a key role in the radicalization of certain groups of the population, it is important to consider what measures are being taken to counter the spread of extremist and terrorist ideas.

The study allowed us to formulate a number of conclusions. Firstly, the weakening and, ultimately, the destruction of the ideology of terrorism will lead to a significant reduction in the level of terrorist activity. Secondly, the effective fight against the ideology of terrorism contributes to the strengthening of intercultural and interreligious dialogue. Debunking the false claims used by terrorists to justify their actions contributes to the correct perception of the real threat posed by terrorist organizations in society. The third important aspect is interstate cooperation, which includes information exchange, joint operations to curb terrorist activities, extradition of suspects and accused, and coordination of efforts to combat terrorist propaganda.

Keywords: ideology of terrorism, national security, international cooperation, global threats, anti-terrorist consciousness, radicalization, extremist ideas, propaganda, prevention of terrorism, citizenship.

For citation: Karimov R. R., Karimova G. Yu., Aseev I. A. Fighting terrorist ideology within the framework of ensuring the security of the state and society // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 32–40. (In Russ.)

Введение

Современный мир сталкивается с множеством вызовов, среди которых международный терроризм занимает одно из центральных мест. Этот феномен, имеющий глубокие исторические корни, продолжает эволюционировать, адаптируясь к новым условиям и технологиям, что делает его особенно опасным. В последние десятилетия терроризм стал не только локальной, но и глобальной угрозой, затрагивающей интересы и безопасность множества стран. Актуальность проблемы международного терроризма в современном контексте обусловлена не только его разрушительными последствиями для жизни людей и стабильности государств, но и тем, что методы борьбы с ним требуют постоянного обновления и адаптации к новым вызовам. В настоящее время в мире нет ни одного государства, которое не столкнулось бы с проблемой терроризма [1, с. 65].

Угрозы международного терроризма постоянно изменяются и увеличиваются, что в свою очередь крайне негативно сказывается на общемировой обстановке.

В 2023 году на глобальном уровне зарегистрировано более 2,5 тысяч террористических атак, в результате которых погибли или получили ранения люди. Особенно высокая террористическая активность фиксируется в Африке, Южной Азии и на Ближнем Востоке, где происходит более 90 % всех терактов¹.

В частности, отдельные авторы справедливо отмечают, что сегодня мы столкнулись с такой специфической формой, когда террор стал оружием не только (и не столько) собственно террористических групп и организаций, но он вышел на государственный уровень [2, с. 10].

Многие государства придерживаются комплексного подхода в противодействии терроризму. Так, Совет Европы нацелился на системную работу в рамках принятой стратегии борьбы с терроризмом на 2023–2027 годы, создавая новые инструменты и механизмы для противодействия. Эта стратегия отражает необходимость в более современных ответах на вызовы, исходящие от террористических группировок, которые становятся все более изощренными и разно-

¹ Обзор ситуации с террористической угрозой в 2023 году // The Washington Institute for Near East Policy. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/survey-2023-terrorism-threat-landscape/> (дата обращения: 28.08.2025).

образными в своих действиях¹. В свете широкого использования современных технологий для распространения экстремистских идей через Интернет борьба с терроризмом требует интеграции международного опыта для минимизации угроз, возникающих из киберпространства. Одним из примеров такого взаимодействия можно упомянуть принятую в Астане в октябре 2022 г. Программу сотрудничества государств – участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы².

Следует отметить, что в условиях дестабилизации и формирования нового мирового устройства особую озабоченность вызывает проблема глобального распространения терроризма. В этой связи нельзя не согласиться с мнением О. В. Брежнева о том, что только комплексный характер использования политических, социально-экономических, информационно-пропагандистских, правовых, специальных и иных мер позволит наиболее эффективно противостоять этому опасному социальному явлению [3, с. 12].

Таким образом, назрела необходимость обновления подходов в борьбе с терроризмом в свете изменяющихся его характеристик и тактик.

Методы

Использованы теоретические методы исследования, такие как анализ и синтез, а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы.

Результаты

На сегодняшний день в качестве одной из актуальных проблем необходимо отметить распространение идеологии терроризма. Способы, которыми идеология терроризма проникает в общество, требуют от государства скорейшего реагирования и конструктивного взаимодействия между правительственными и неправительственными структурами. Совершенствование образовательных методик,

развитие критического мышления и уход от крайностей должны стать основными элементами в противодействии идеологическому влиянию террористов.

Формирование устойчивого антитеррористического сознания у населения имеет первостепенное значение в борьбе с терроризмом в настоящее время. Современные методы идеологического противодействия должны быть направлены на предотвращение экстремистских идей и выработку критического отношения к террористической идеологии. Система идеологического противодействия должна учитывать не только существующие угрозы, но и стремительно изменяющуюся природу самих террористических группировок. В рамках данной системы необходимо развивать и реализовывать образовательные программы, которые помогут гражданам осознать механизмы влияния террористической пропаганды и способы защиты от нее [4, с. 27].

Идеология терроризма – это сложная и многогранная система убеждений, лежащая в основе насильственных действий, направленных на запугивание и дестабилизацию общества. Ее отличительные черты – крайняя категоричность, нетерпимость к инакомыслию и безапелляционное утверждение собственной правоты, исключаящее любые компромиссы [5, с. 896]. Однако упрощенное представление об идеологии терроризма как о монолите ошибочно. На самом деле она характеризуется внутренней двойственностью, проявляющейся в переплетении различных мотивов, часто противоречащих друг другу.

В основе деятельности многих террористических организаций лежат религиозные, политические или националистические идеи, которые интерпретируются экстремистскими группами в крайне радикальном ключе. Например, религиозный экстремизм

¹ Совет Европы принимает новую стратегию по борьбе с терроризмом на 2023–2027 годы // Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/portal/-/council-of-europe-adopts-new-counter-terrorism-strategy-for-2023-2027> (дата обращения: 28.08.2025).

² Противодействие терроризму и экстремизму // МВД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1848368/ (дата обращения: 09.09.2025).

может использовать священные тексты для оправдания насилия, представляя его как священную войну, целью которой является установление религиозного государства. Политические террористические группы часто стремятся свергнуть существующий режим, используя насилие как средство достижения своих политических целей, при этом идеализация насилия может принимать различные формы – от революционного романтизма до жестокой прагматичной борьбы за власть. Националистические организации, в свою очередь, могут обосновывать свои действия желанием восстановить независимость, защитить национальную идентичность или отомстить за исторические обиды.

Однако, помимо этих основных идеологических платформ, в мотивации террористов часто присутствуют и другие факторы. К ним относятся личная месть, жажда власти, стремление к признанию и просто желание принадлежать к чему-то большему, чем собственная жизнь. Это особенно актуально для молодых людей, склонных к импульсивным поступкам и легко поддающихся влиянию харизматичных лидеров. Важную роль также играют социальные и экономические факторы, которые создают благоприятную почву для распространения экстремистских идей, например бедность, социальное неравенство, чувство отчужденности и маргинализация.

Необходимо подчеркнуть, что идеология терроризма определяет не только субъективную сторону террористического акта (мотивы и цели исполнителей), но и его объективную сторону (методы, цели нападения, масштабы разрушений). Именно идеология формирует «образ врага», определяя объекты, против которых направлено насилие, и оправдывая применяемые методы. Поэтому понимание идеологии терроризма является ключевым элементом в борьбе с терроризмом, позволяя не только предотвращать теракты, но и разрабатывать эффективные стратегии противодействия терроризму и экстремизму на разных уровнях – от пропаганды и просвещения до непосредственного применения мер госу-

дарственного принуждения. Изучение этих сложных механизмов позволит разрабатывать более эффективные меры по борьбе с террористической идеологией.

Важно отметить, что образование играет ключевую роль в повышении «иммунитета» общества к террористическим идеям. Разработка различных курсов, проведение семинаров и лекций, призванных обучить граждан, особенно молодежь, распознавать и критично воспринимать идеологию, пропагандирующую террор, должна стать приоритетом для органов власти и общественных организаций. Справедливо отметила М. В. Варлен: «Образование и воспитание являются основой общественной жизни. От содержания, идей и принципов, положенных в фундамент образования и воспитания, и, конечно, уровня их реализации напрямую зависит направление совершенствования гражданского общества и перспектива развития российской государственности» [6, с. 88].

Таким образом, на работников сферы образования, учреждений общего и профессионального обучения возложена значительная ответственность, связанная с борьбой против идеологии и угроз терроризма среди молодежи. Чтобы успешно справляться с задачами, поставленными перед педагогическим сообществом, они должны быть хорошо подготовлены к этой деятельности [7, с. 40].

Важным шагом в борьбе с террористической идеологией стало принятие Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, утвержденного Президентом России 30 декабря 2023 г. № Пр-2610.

Данный план структурно состоит из общих положений; мер общей профилактики; мер адресной профилактики; мер индивидуальной профилактики; мер информационно-пропагандистского (разъяснительного) характера и защиты информационного пространства Российской Федерации от идеологии терроризма; мер кадрового и методического обеспечения профилактической работы и организационных мер.

Анализ содержания документа позволяет утверждать, что в реализации данного плана задействованы ряд органов федеральной и региональной власти, а также соответствующие должностные лица, уполномоченные на борьбу с различными проявлениями террористической деятельности [8, с. 155].

В Плате справедливо отмечено, что для эффективного противодействия идеологии терроризма необходима налаженная система взаимодействия между государственными, местными органами и общественными структурами. Установление организационных основ сотрудничества позволит улучшить координацию действий на уровне профилактики терроризма. Основные усилия должны направляться на выявление и устранение причин, способствующих радикализации различных групп населения. Организация круглых столов, конференций и дискуссий с участием различных социальных групп поможет выявить уязвимые места и предотвратить вовлечение их в террористическую деятельность¹.

Следует отметить, что информационные кампании – ключевой инструмент противодействия распространению террористической идеологии. Их эффективность напрямую зависит от грамотного планирования и реализации, а также от понимания аудитории и специфики используемых каналов коммуникации. Простые информационные буклеты уже недостаточно эффективны в современном мире. Необходимо создавать программы, включающие целенаправленный контент, адаптированный под разные возрастные и социальные группы. Например, для молодежи можно использовать интерактивные онлайн-игры, симуляции или короткие видеоролики, показывающие последствия терроризма на личном уровне – потеря близких, разрушение жизни, лишение свободы. Для старшего поколения более эффективными могут быть публичные лекции, встречи с экспертами и документальные

фильмы, подчеркивающие долгосрочные негативные последствия террористической активности для общества.

Успешные примеры противодействия терроризму – неотъемлемая часть таких кампаний. Важно показывать, как обычные люди активно противостоят терроризму и экстремизму, сообщая о подозрительной активности, поддерживая друг друга и участвуя в профилактических мероприятиях. Рассказы таких лиц, подкрепленные доказательствами их вклада в безопасность, обладают гораздо большей убедительной силой, чем сухие статистические данные. Также необходимо демонстрировать практические примеры успешной дерадикализации, акцентируя внимание на путях возвращения в общество людей, оказавшихся под влиянием экстремистских идей.

Современные технологии также играют решающую роль в распространении информации и контрпропаганды. Социальные сети, мессенджеры и даже игровые платформы представляют собой обширное поле для взаимодействия с аудиторией. Однако простого размещения информации здесь недостаточно. Необходимо разрабатывать определенный контент, использовать так называемых лидеров мнений и взаимодействовать с пользователями, быстро реагируя на распространение дезинформации и противодействуя террористической пропаганде. Важным аспектом является модерация комментариев и борьба с онлайн-травлей. Также эффективными могут быть геотаргетированные рекламные кампании, нацеленные на конкретные регионы или группы населения, где уровень подверженности террористическому и экстремистскому влиянию может быть выше.

Кроме того, необходимо учитывать культурные и религиозные особенности аудитории. Информационные кампании должны быть этически корректными, избегая обобщений и стигматизации целых

¹ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024 – 2028 годы: утв. Президентом Российской Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

групп населения. Необходимо подчеркивать важность терпимости, взаимопонимания и межкультурного диалога. Эффективность информационных кампаний должна постоянно оцениваться с помощью анализа обратной связи и мониторинга общественного мнения.

Важна также и совместная работа с местными сообществами, активное вовлечение граждан в процессы противодействия терроризму позволит создать определенное пространство для противодействия идеологическим факторам. Такие инициативы могут включать в себя учреждение молодежных центров, где молодежь будет иметь возможность обсуждать и анализировать актуальные проблемы и вызовы, с которыми они сталкиваются, следуя при этом принципам открытости и инклюзивности¹.

Создание устойчивого социального иммунитета против терроризма – это сложнейшая задача, требующая всестороннего и многоуровневого подхода, затрагивающего все слои общества. В этой связи не стоит полагаться лишь на силовые методы – долгосрочная безопасность может быть достигнута через формирование устойчивой социальной среды, невосприимчивой к террористической идеологии. Эта среда должна строиться на прочном фундаменте, включающем в себя профилактику, обучение и укрепление общественных институтов.

Идеологическое противодействие терроризму должно быть основано на тщательном анализе и глубоком понимании причин радикализации. Это не простое опровержение ложных утверждений террористических организаций, а грамотная работа с информацией, учет социальных, экономических и психологических факторов, способствующих распространению терроризма. Необходимо проводить социологические исследования, чтобы выявлять уязвимые группы населения и разрабатывать целевые программы по противодействию вербовке новых членов. Это

означает не только разработку эффективных контрпропагандистских материалов, но и активное сотрудничество с религиозными лидерами, общественными организациями, медиаструктурами и образовательными учреждениями, проведение профилактических мероприятий.

Профилактику следует начинать в раннем возрасте. Образовательные программы должны развивать критическое мышление и способность отличать достоверную информацию от различных информационных вбросов. Важно формировать уважение к разнообразию культур и религий, показывать неприемлемость насилия как способа решения конфликтов. Особое внимание следует уделять работе с молодежью, предоставляя им различные возможности для самореализации и предотвращая их попадание под влияние экстремистских идей.

Ключевым аспектом формирования устойчивого иммунитета среди молодежи к террористической идеологии является степень их гражданского самосознания. Необходимо отметить, что развитие гражданского самосознания включает не только формирование отрицательного отношения к террористическим идеям, но и получение навыков, позволяющих адекватно реагировать в тех ситуациях, когда человек сталкивается с незаконным контентом или рискует стать жертвой вербовки. Современные террористы активно используют интернет для своих целей. Международными террористическими организациями тиражируются специальные веб-сайты, интернет-магазины, предлагающие книги, аудио- и видеозаписи, другие товары экстремистского характера [9, с. 180].

Безусловно, каждый пользователь интернета обладает правом выбора подходящего контента и возможностью блокировки противоправной информации, что способствует созданию более безопасного интернет-пространства [10, с. 58].

¹ Противодействие идеологии терроризма // Комплексный центр социального обслуживания населения Красногвардейского района. URL: <https://www.csonkr.ru/protivodejstvie-ideologii-terrorizma> (дата обращения: 29.08.2025).

Социальное взаимодействие и работа с уязвимыми слоями населения играют важнейшую роль в борьбе с распространением террористической идеологии, способствуя профилактике и снижению рисков радикализации. Определение уязвимых групп часто основывается на их социально-экономическом, культурном и политическом статусе. Например, к таким группам могут относиться люди, сталкивающиеся с дискриминацией по признакам расы или вероисповедания. Для эффективной борьбы необходимо разрабатывать специализированные программы, ориентированные на повышение осведомленности и создание поддержки внутри этих групп.

Методические подходы к работе с уязвимыми слоями населения должны быть интегрированы в политические и социальные стратегии, чтобы сформировать единую модель профилактики¹.

Заключение

Создание устойчивого социального иммунитета против распространения идеологии терроризма – это сложнейшая, многогранная и длительная задача, требующая не просто постоянных усилий, но и адаптации к динамично изменяющейся геополитической и социально-экономической обстановке. Успех в борьбе с распространением террористической идеологии невозможен без глубокого, системного понимания корней радикализации, а также механизмов, которые превращают отдельные акты насилия в целенаправленные террористические кампании. Это понимание должно опираться не только на анализ идеологических факторов, но и на комплексное исследование социально-экономических условий, способствующих росту преступлений данной направленности. Например, высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи, чувство социальной несправедливости, дискриминация

по этническому или религиозному признаку – все это создает благодатную почву для вербовки новых членов для террористических организаций. Более того, роль информационных технологий в распространении экстремистской пропаганды и координации террористической деятельности требует разработки специальных мер противодействия, включая мониторинг онлайн-пространства и разработку эффективных стратегий противодействия дезинформации и манипуляциям.

Комплексный подход к противодействию распространению идеологии терроризма подразумевает применение не только силовых методов, но и активное использование инструментов «мягкой» силы. Такой подход может выражаться в реализации программ по повышению правовой грамотности населения, формировании толерантности и уважения к культурному многообразию, поддержке гражданских инициатив, направленных на противодействие экстремистским идеям в обществе.

Географические и культурные особенности государств также играют важную роль в разработке эффективных стратегий борьбы с террористической идеологией. Стратегии должны быть адаптированы к специфическим условиям каждой страны (региона), с учетом местных традиций, социальных норм и религиозных верований. Так, программы, эффективные в одной стране, могут оказаться совершенно неприемлемыми и даже контрпродуктивными в другой, поэтому необходимо учитывать тонкости межэтнических и межконфессиональных отношений, а также роль традиционных и общинных структур в предотвращении радикализации.

Международно-правовое сотрудничество в борьбе с распространением идеологии терроризма является не просто желательным, а абсолютно необходимым

¹ Защита уязвимых целей от террористических нападений (Глобальная программа по противодействию террористическим угрозам в отношении уязвимых целей) // United Nations. URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/2118451r-vt-mod1-introduction_web.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

условием для достижения успеха [11, с. 60]. Без обмена информацией, проведения совместных операций и координации усилий невозможно эффективно противостоять этой глобальной угрозе. Такое взаимодействие представляет собой совместную разработку международных правовых актов, борьбу с финансированием терроризма, предотвраще-

ние трансграничного перемещения террористов и распространение их идеологии. Таким образом, только комплексный, многоуровневый и адаптивный подход, учитывающий все указанные факторы, позволит создать действительно устойчивый социальный иммунитет против идеологии терроризма и обеспечить безопасность нашего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каримов Р. Р., Каримова Г. Ю. Противодействие терроризму в рамках СНГ: нормативные и институциональные аспекты // Человек: преступление и наказание. 2016. № 2 (93). С. 65–68.
2. Лапатников В. А. Противодействие идеологии терроризма в новых исторических условиях: взгляд на проблему // Вестник Нижегородского института управления. 2024. № 4 (74). С. 3–12.
3. Брежнев О. В. Проблемы противодействия терроризму в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 6 (163). С. 11–20.
4. Бельков О. А. Правовые основы идеологического противодействия терроризму // Власть. 2020. Т. 28, № 1. С. 27–31.
5. Сканцев А. А. О взаимодействии федеральных органов исполнительной власти при решении задач по противодействию идеологии русофобии в Российской Федерации // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник: материалы VI международной научно-практической конференции, Университет мировых цивилизаций, 22–24 ноября 2023 года. М.: Издательский дом «УМЦ», 2024. С. 896–901.
6. Варлен М. В. Научно-образовательное пространство и суверенное будущее российского государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 10 (155). С. 87–94.
7. Куликова Т. А. Обучение педагогических и управленческих кадров противодействию идеологии и угрозам терроризма в молодежной среде // Формирование информационной культуры молодежи как направление противодействия идеологии терроризма в современной России: правовые, исторические, психолого-педагогические и методические аспекты: сборник материалов международной научно-практической конференции, Тула, 16 ноября 2023 года. Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 2024. С. 40–43.
8. Ахмедов У. Н. Основные направления деятельности МВД России и его территориальных органов по реализации Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 2. С. 154–159.
9. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р., Насырова Е. В. Современные тренды в борьбе ООН с международным терроризмом // Государство и право. 2022. № 10. С. 176–183.
10. Локонова Е. Л., Железнякова А. В., Давлетшина А. Ф. К вопросу о противодействии идеологии терроризма в сети «Интернет» // Образование и проблемы развития общества. 2023. № 2 (23). С. 56–61.
11. Каримов Р. Р. К вопросу формирования международно-правового механизма сотрудничества государств в борьбе с терроризмом // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 60–63.

REFERENCES

1. Karimov R. R., Karimova G. Yu. Counteracting terrorism within the CIS: normative and institutional aspects // Man: crime and punishment. 2016. No. 2 (93). P. 65–68. (In Russ.)
2. Lapatinikov V. A. Counteracting the ideology of terrorism in new historical conditions: a look at the problem // Bulletin of Nizhny Novgorod Institute of Management. 2024. No. 4 (74). P. 3–12. (In Russ.)
3. Brezhnev O. V. Problems of counteracting terrorism in decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2024. Vol. 19, no. 6 (163). P. 11–20. (In Russ.)

4. Belkov O. A. Legal foundations of ideological counteraction to terrorism // *Vlast*. 2020. Vol. 28, no. 1. P. 27–31. (In Russ.)
5. Skantsev A. A. On the Interaction of Federal Executive Bodies in Addressing the Problems of Countering the Ideology of Russophobia in the Russian Federation // *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Yearbook: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, University of World Civilizations, November 22–24, 2023*. Moscow: UMC Publishing House, 2024. P. 896–901. (In Russ.)
6. Varlen M. V. Scientific and Educational Space and the Sovereign Future of the Russian State // *Actual Problems of Russian Law*. 2023. Vol. 18, no. 10 (155). P. 87–94. (In Russ.)
7. Kulikova T. A. Training of teaching staff and managers to counter the ideology and threats of terrorism among young people // *Formation of the information culture of youth as a direction of countering the ideology of terrorism in modern Russia: legal, historical, psychological, pedagogical and methodological aspects: collection of materials from the international scientific and practical conference, Tula, November 16, 2023*. Tula: Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy, 2024. P. 40–43. (In Russ.)
8. Akhmedov U. N. Main areas of activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia and its territorial bodies in the implementation of the Comprehensive Plan to Counter the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028 // *Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 2. P. 154–159. (In Russ.)
9. Nigmatullin R. V., Suleimanova R. R., Nasyrova E. V. Current Trends in the UN Fight Against International Terrorism // *State and Law*. 2022. No. 10. P. 176–183. (In Russ.)
10. Lokonova E. L., Zheleznyakova A. V., Davletshina A. F. On the Issue of Countering the Ideology of Terrorism on the Internet // *Education and Problems of Society Development*. 2023. No. 2 (23). P. 56–61. (In Russ.)
11. Karimov R. R. On the Issue of Forming an International Legal Mechanism for Cooperation between States in the Fight against Terrorism // *Russian Justice*. 2012. No. 2. P. 60–63. (In Russ.)

Информация об авторах:

Р. Р. Каримов, кандидат юридических наук, доцент;

Г. Ю. Каримова, кандидат юридических наук;

И. А. Асеев, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors:

R. R. Karimov, Candidate of Law, Associate Professor;

G. Yu. Karimova, Candidate of Law;

I. A. Aseev, Candidate of History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 18.09.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 18.09.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 351.745(470.57)“1878/1879”

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1879 Г.: ОПЫТ КВАНТИТАТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Сергей Михайлович Рязанов

Пермский институт ФСИН России, Пермь, Россия

s_ryazanov@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5137-3614

Аннотация. Целью статьи является анализ количественных показателей правоохранительной деятельности полицейских урядников Уфимской губернии. Данная губерния выбрана в силу достаточного числа опубликованных данных, которые могут быть подвергнуты компьютеризированной обработке. Для обработки сведений о деятельности полицейских применялись квантитативные методы исследования: формально-количественный, корреляционный (коэффициент Пирсона) и многомерный (кластерный) анализ. Опыт квантитативного исследования деятельности полицейских урядников Уфимской губернии показал свою эффективность, позволив создать типологию уряднических участков, а также провести сравнение с аналогичными показателями Вятской губернии. В заключении сделан вывод как о весьма скромных результатах работы института в первый год его существования, так и о причинах, которые к этому привели. Новизна исследования состоит в том, что выводы, полученные благодаря применению компьютерных технологий, стоят на более высоком уровне объективности, чем те, которые основываются на традиционном анализе исторических источников.

Ключевые слова: кластерный анализ, полицейская статистика, Урал, уряднический участок, «Уфимские губернские ведомости», цифровая гуманитаристика.

Для цитирования: Рязанов С. М. Правоохранительная деятельность полицейских урядников Уфимской губернии в 1879 г.: опыт квантитативного исследования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 41–51.

Original article

POLICING OF THE CONSTABLES OF UFA PROVINCE IN 1879: THE QUANTITATIVE RESEARCH

Sergey M. Ryazanov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia

s_ryazanov@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5137-3614

Abstract. The purpose of the article is to analyze quantitative indicators of policing of constables of the Ufa province. This province was chosen due to a sufficient number of published data that can be subjected to computerized processing. To process information on the activities of police officers, the quantitative methods of research were used: a formal-quantitative method, correlation and multivariate (cluster) analysis. The experience of quantitative research of the activities of constables in the Ufa province has proven its effectiveness, creating a typology of police stations, and allowed to compare them with similar indicators of the Vyatka province. In conclusion, a conclusion is made both about the very modest results of the institute's work in the first year of its existence, and about the reasons that led to this. The novelty of the study is that the conclusions of the study, due to the use of computer technologies, are at a higher level of objectivity than those based on traditional analysis of historical sources.

Keywords: cluster analysis, police statistics, Urals, constable districts, “Ufimskie Gubernskie Vedomosti”, digital humanities.

© Рязанов С. М., 2026

For citation: Ryazanov S. M. Policing of the constables of Ufa province in 1879: the quantitative research // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 41–51. (In Russ.)

Введение

В настоящее время полицейские урядники Российской империи изучены достаточно глубоко. Количество исследований, как специально им посвященных, так и тех, в которых им уделено сколько-нибудь внимания, значительно превосходит число работ, посвященных иным нижним чинам полиции: сотским и десятским, городовым и стражникам, несмотря на то, что последние существовали дольше и были гораздо более многочисленны. Тема полицейских урядников была впервые затронута в историко-юридической науке практически сразу после образования самого института. При этом уже в работах XIX в. были сформированы две диаметрально противоположные точки зрения. Исследователи из МВД Российской империи на основе тщательного анализа собранной информации считали новый институт надежным и необходимым [1, с. 78–85], а либеральные юристы, опираясь на действующие нормативные правовые акты, полагали его «более вредным, чем полезным» [2, с. 58–59]. В советские годы вопросы организации и функционирования института лишь вскользь упоминались в учебных пособиях и лекциях о дореволюционной полиции¹. Зато огромный интерес к полицейским урядникам проявили современные российские историки. Результаты этих трудов были обобщены Ч. Н. Ахмедовым в отдельной монографии, специально посвященной теме. При этом глава о деятельности полицейских урядников в работе отсутствует [3]. И это симптоматично. В целом в историографии вопросам учреждения института, обучения урядников, нормативно-правового обеспечения и социального состава уделяется значительно больше внимания. В то же время

вопросы деятельности полицейских урядников широко освещаются в общих работах по истории полиции Российской империи или ее отдельных регионов. Уже одно это как будто делает дальнейшее исследование темы бессмысленным.

С другой стороны, и уфимские урядники не были обделены вниманием исследователей, особенно если сравнить со степенью проработки темы по другим уральским губерниям. Существенный вклад в их исследование внесли И. А. Асеев [4], Р. Р. Каримов [5], А. С. Масалимов [6, с. 54–58], Е. П. Сичинский [7, с. 78–88], С. Х. Хакимов [8; 9] и др.

В то же время современные авторы, как и их дореволюционные коллеги, так и не пришли к какому-то консенсусу и продолжают высказывать диаметрально противоположные мнения на этот счет. И это несмотря на привлечение широчайшего массива источников как из центральных, так и из местных архивов. Это приводит к мысли, что, возможно, стоит вернуться к старым, уже введенным в научный оборот, но применить к ним иные методы.

Методы

Количественные методы представляют более надежными, чем традиционный, преобладающий в отечественной науке «иллюстративный» подход. Приведем для доказательства этой мысли простой пример, также связанный с полицейскими урядниками, пусть и казанскими. Д. А. Ялтаев написал в своей диссертации, что в 1887 г. при введении экзамена на должность «цель улучшения состава полицейских урядников <...> не выполнялась за счет формализма». Доказывал он это тем, что «выдающийся», по мнению местного исправника, полицейский страж-

¹ Мулукаев Р. С. Общеуголовная полиция дореволюционной России. Ее классовый характер: лекция. М.: Академия МВД СССР, 1979. С. 12; Мулукаев Р. С. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России: пособие для слушателей высшей школы МООП РСФСР. М.: Высшая школа МООП РСФСР, 1964. С. 20–21; и др.

ник Ф. Скворцов не получил должность, т. к. не сдал экзамен [10, с. 88–89]. Ученый при этом совершил очевидную «ошибку техасского стрелка», указывая на один выдающийся пример и игнорируя десятки, действительно неподходящих для этой работы подданных, которые, благодаря введению экзамена, не были допущены к полицейской службе. Цифровая гуманитаристика, несмотря на все недостатки дореволюционной статистики, с которой ей в данной ситуации придется иметь дело, все-таки выглядит более надежным инструментом, чем отдельные, вырванные из исторического контекста, примеры.

Делопроизводство Департамента полиции исполнительной в последние годы его существования просто переполнено сообщениями о деятельности полицейских урядников. Данные сведения также широко публиковались в местных «губернских ведомостях». В подавляющем своем большинстве они представляют собой текстовые сообщения о «действиях» полицейских. При этом их достаточно сложно сравнить между собой. По всей видимости, они просто копировали рапорт конкретного урядника о своих достижениях. Например, в одном и том же номере «Уфимских губернских ведомостей» сообщения о деятельности полицейских урядников могли выглядеть и как простое перечисление протоколов по различным типам правонарушений, так и подробным рассказом о раскрытии или предупреждении конкретного противоправного деяния. Второй способ описания информации встречался чаще¹. Для того чтобы создать некое законченное и сопоставимое представление о деятельности полицейских урядников различных губерний департамент полиции исполнительной была

создана специальная таблица, в которую заносились конкретные количественные результаты правоохранительной деятельности полицейских урядников за месяц. Данные документы также часто публиковались в официозной печати, пусть и не столь часто как текстовые сообщения. При этом в разных газетах таблицам уделялось разное внимание. В «Вятских губернских ведомостях» подробно опубликованы сведения с июня 1879 г. по март 1880 г., практически по всем уездам. В «Уфимских» публикация сведений продолжилась даже после марта 1880 г. Однако ежемесячно предоставлялись данные далеко не по всем уездам. Например, за декабрь 1879 г. есть сведения только по Златоустовскому, особенно редко предоставлялись данные по Белебеевскому. В «Оренбургских» опубликованы сведения только за август 1879 г. по 2 уездам из 5². В «Пермских губернских ведомостях» и вовсе ограничились текстами, не опубликовав ни одной таблицы.

В связи с тем, что наиболее тщательно «успехи полицейских урядников» освещались в «Вятских губернских ведомостях», первоначально было проведено количественное исследование именно этих данных. Однако насколько выводы, полученные на их основании, можно соотнести с другими территориями? Для ответа на этот вопрос и было проведено исследование уряднических участков Уфимской губернии. К сожалению, прямое сравнение здесь невозможно, т. к., во-первых, сведения по Вятской губернии обобщают первый год существования института с 15 августа 1878 г. по 31 августа 1879 г. [11], тогда как по Уфимской губернии до 1 января 1879 г. данных нет. За весь же календарный 1879 год представлены сведения лишь по Златоустовскому уезду. Для целей

¹ О полицейских урядниках Бирского уезда (продолжение) // Уфимские губернские ведомости. 1879. 9 июня. С. 3.

² Обзор успеха действий полицейских урядников Оренбургской губернии, за август месяц 1879 года // Оренбургские губернские ведомости. 1879. 17 нояб. С. 3; Обзор успеха действий полицейских урядников Оренбургской губернии, за август месяц 1879 года // Оренбургские губернские ведомости. 1879. 24 нояб. С. 2.

же настоящей публикации была охвачена вся губерния, что удалось сделать лишь за первые 7 месяцев (январь – июль) 1879 г.¹

Подробное описание как граф самой универсальной для всех губерний таблицы «Обзор успеха действий полицейских урядников <...> губернии за <...> месяц <...> года», публиковавшейся в «ведомостях», так и особенностей переноса этих сведений в базу данных в формате Microsoft Excel, которая была создана на ее основе, уже освещены автором в статье о правоохранительной деятельности вятских урядников [11, с. 87], а потому вновь на этом останавливаться не имеет смысла. Отметим лишь, что для сопоставимости данных графы базы данных полностью аналогичны тем, которые уже были созданы для Вятской губернии.

Для ее дальнейшего анализа использовались:

1) формально-количественный анализ, который позволил рассмотреть отдельные «показатели эффективности», ранжировать по ним уряднические участки;

2) корреляционный анализ – выявить взаимозависимости между различными показателями, а порой, что даже важнее, отсутствие такой взаимосвязи;

3) кластерный анализ метод k-средних – создать типологию уряднических участков в зависимости от особенностей правоохранительной деятельности в Уфимской губернии, а в дальнейшем при анализе участков в составе кластеров даже определить возможные причины неэффективности полицейских урядников.

В российской науке метод k-средних используется редко. Ученые предпочитают иерархический кластерный анализ [12; 13]. Однако, когда объектов для анализа много, в

данном случае 110 уряднических участков, пользоваться им нецелесообразно. Метод k-средних выглядит более перспективно. В отличие от иерархического кластерного анализа, который «в многомерном пространстве, соответствующем числу признаков, на основе которых проводится выделение типов, выявляет «скопления» сходных объектов» [14, с. 434], метод k-средних число кластеров определяет заранее, и программа сама «раскладывает» объекты по ним. Расчеты производились в шаблоне Microsoft Excel, взятом с сайта GitHub и использующем алгоритм «k-средних++», разработанный Д. Артуром и С. Васильевым [15].

Результаты

По мере своей эволюции, начиная с первой четверти XVIII в., полиция Российской империи из административного органа становилась правоохранительным. К моменту краха Российской империи этот процесс не был завершен, однако это не отменяет того факта, что борьба с преступностью в ее деятельности все больше выходила на первый план. И в рассматриваемых таблицах первым и наиболее значимым «успехом» Департамент считал «число открытых преступлений и проступков». В то же время в таблицах нет сведений о нераскрытых и уж тем более латентных преступлениях, а потому взятый в отрыве от других характеристик этот параметр мало о чем говорит. Всего полицейскими урядниками Уфимской губернии было «открыто» за 7 месяцев 1296 преступлений и проступков, т. е. в среднем менее 12 раскрытых дел на каждый уряднический участок. Если мы сократим вятские показатели за год (20) на 5 месяцев (согласно среднемесячным данным), то получим 11,5. Таким образом, «раскрываемость» на одного поли-

¹ Обзор успеха действий полицейских урядников Мензелинского уезда Уфимской губернии, за июль месяц 1879 года // Уфимские губернские ведомости. 1879. 13 окт. С. 1–2; Обзор успеха действий полицейских урядников Уфимской губернии, за июль месяц 1879 года // Уфимские губернские ведомости. 1879. 20 окт. С. 1–2; Обзор успеха действий полицейских урядников Уфимской губернии, за июль месяц 1879 года // Уфимские губернские ведомости. 1879. 3 нояб. С. 1–2; Обзор успеха действий полицейских урядников Уфимской губернии, за июль месяц 1879 года // Уфимские губернские ведомости. 1879. 17 нояб. С. 1–2; Обзор успеха действий полицейских урядников Уфимской губернии, за июль месяц 1879 года // Уфимские губернские ведомости. 1879. 8 дек. С. 1–2; Обзор успеха действий полицейских урядников Уфимской губернии, за август месяц 1879 года // Уфимские губернские ведомости. 1880. 12 янв. С. 1.

цейского урядника была в Уфимской губернии почти полностью аналогична вятской, с той лишь разницей, что участков в Вятской губернии, а следовательно, и раскрытых преступлений было больше. Кроме того, в Уфимской наблюдался меньший разброс по числу «открытых преступлений и проступков» в конкретном участке: от 0 до 47 (в Вятской губернии от 0 до 170). На подавляющем большинстве уряднических участков Уфимской губернии (83,6 %) было при этом раскрыто 20 дел и менее; в Вятской – 30 и менее (на 80,6 % участков), что с учетом вышеупомянутой разницы в 5 месяцев – заметно худший показатель. Более подробные сведения по Уфимской губернии представлены в таблице 1. Хотя бы частично объяснить низкую раскрываемость, как, впрочем, и последующие «провальные» показатели можно тем, что многие уряднические участки долго оставались вакантны. Так, на 9 уряднических участках, которые в июне – августе 1879 г. числились вакантными, было раскрыто 11 преступлений и менее, а среди участков с нулевыми показателями вакантные и вовсе составляли половину. Рассуждая логически, предположим, что число раскрытых преступлений и проступков было больше на участках с большим числом жителей и меньше на тех, где жителей жило меньше. Тем не менее, как и в Вятской губернии, какая-либо связь между показателями отсутствует. Коэффициент составил – 0,02.

Следующий показатель – «число задержанных обвиняемых в преступлениях» – составил за 7 месяцев 498 человек, в Вятской губернии – 881 за год. Таким образом, если учесть 5 недостающих месяцев, то показатели опять будут почти идентичны, а при пересчете на 1 полицейского урядника выглядят даже лучше, чем в Предуралье: 4,5 против 2,9. Разброс в работе урядников в данном случае почти идентичен предыдущему показателю и вновь меньше, чем в Вятской губернии: от 0 до 44 задержанных против от 0 до 95. Тем не менее, если обратиться к «успехам» отдельных урядников, то получится, что подавляющее большинство (89,1 %) задержали не более 10 человек, а на 30 (30,9 %) уряднических участках не было задержано ни одного подозреваемого. Впрочем, в Вятской губернии, несмотря на дополнительные 5 месяцев, участков с нулевым числом задержанных было больше как в абсолютных, так даже в относительных цифрах (67; 38,3 %). Для сравнения: участков с «нулевой» раскрываемостью преступлений в обеих губерниях было поровну. При этом, в отличие от Вятской, в Уфимской прослеживается слабая корреляция между этим показателем и величиной населения – 0,22. Она, как видим, обратная, т. е. чем меньше население участка, тем больше в нем задержанных преступников. В то же время, что более логично, присутствует прямая корреляция между раскрытыми преступлениями и задержанными

Таблица 1

**Число раскрытых преступлений на уряднических участках Уфимской губернии
с 1 января по 31 июля 1879 г.**

Число раскрытых преступлений	Доля уряднических участков
0	3,6 %
1–10	52,7 %
11–20	27,3 %
21–30	10 %
31–40	2,8 %
41–50	3,6 %

ми обвиняемыми – 0,55, что практически не отличается от аналогичного показателя Вятской губернии. Как и в случае вятских урядников, относительно слабая сила корреляции (меньше 0,8) говорит о том, что даже если дело было раскрыто, подозреваемого часто задержать не удавалось.

Важным показателем можно считать «число нарушителей паспортного режима», сюда же отнесены сбежавшие преступники, дезертиры, уклоняющиеся от воинской обязанности. Последних, впрочем, было немного. Всего уфимскими урядниками был пойман 231 «бродяга», вятскими – 476, а пермскими (по сведениям за первые полгода) – 161¹. Таким образом, даже при учете недостающих 5 месяцев, вятские показатели на этот раз превосходят уфимские. При рассмотрении конкретных уряднических участков чаша весов также склоняется в сторону Вятки. На 47 (42,7 %) уряднических участках Уфимской губернии не задержано ни одного правонарушителя, а на 107 (97,2 %) – не более 10. Всякая корреляция с числом жителей в участке при этом отсутствует (0,11), как, впрочем, и в Вятской губернии.

Множество пунктов «Обзора успехов деятельности <...> полицейских урядников» было посвящено возвращенными потерпевшим лошадям, скоту, имуществу, деньгам. Все это наводит на мысль, что центральные власти рассматривали полицейских урядников не только как институт борьбы с народничеством, как полагают многие ученые [16, с. 82], но и в правоохранительном ключе. В анализируемой базе данных учтена лишь общая стоимость имущества и денег. Она составила за первые 7 месяцев 1879 г. 11823,6 р. Вятские же полицейские урядники, несмотря на большее количество, за целый год сумели вернуть примерно столько же. Причина на этот раз объясняется неточностью финансовых расчетов в Вятской губернии, в то время как в Уфимской данные представлены лучше. Подтверждается это не только казусами, которые были подробно рассмотрены в предыдущей статье

[11, с. 89], но и значительно более высокой корреляцией между количеством возвращенных лошадей и оценкой всего возвращенного урядниками имущества и денег (0,93). Таким образом, именно по этим сведениям можно более уверенно судить о действительной борьбе полицейских урядников с корыстными преступлениями. И низкий коэффициент корреляции между числом раскрытых преступлений и проступков со стоимостью возвращенного имущества (0,38) на этот раз однозначно говорит, что даже по раскрытым делам вернуть имущество потерпевшим удавалось редко.

Однако, пожалуй, наиболее сильно работа урядников Уфимской губернии отличалась от Вятской по числу дознаний о происшествиях. Их в Уфимской губернии было за 7 месяцев всего 1097. Это в 4 раза меньше Вятского показателя. Такую большую разницу невозможно списать ни на недостающие 5 месяцев, ни на то, что самих урядников в Вятской губернии было на 60 % больше (175). При этом 8 (7,3 %) полицейских Уфимской губернии вообще не вели дознаний сверх упомянутых в других графах, а 105 (95,4 %) – произвело за год не более 30. Корреляции с числом жителей в участке нет (0,05).

Таким образом, квантитативное исследование уже на этом этапе явно указывает на недостаточно активную работу подавляющего большинства полицейских урядников. Также относительно высокая (0,3–0,4) корреляция между, казалось бы, не связанными между собой показателями таблицы говорит о том, что одни и те же полицейские урядники были успешны сразу по нескольким направлениям и наоборот. Тем не менее подтвердить данную гипотезу сможет только многомерный анализ данных, который рассматривает не каждый показатель в отдельности или во взаимосвязи с каким-то одним, а все 6 сразу. При этом, как видно из таблицы 2, большинство полицейских урядников оказались не на высоте. То же имело место и в Вятской губернии.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 40. Д. 15. Л. 167–168.

Таблица 2

**Результаты кластерного анализа методом k-средних правоохранительной деятельности
полицейских урядников Уфимской губернии с 1 января по 31 июля 1879 г.**

Показатели	Кластеры					
	1	2	3	4	5	6
Число уряднических участков	5	1	19	63	4	18
Доля уряднических участков	4,5 %	0,9 %	17,3 %	57,3 %	3,6 %	16,4 %
Среднее число раскрытых преступлений	25,6	44	22,3	6,6	30,5	9,05
Среднее число возвращенных лошадей	11	38	2,2	0,7	3,25	1,3
Средняя стоимость возвращенного имущества (руб.)	387,27	2283	102,06	39,94	220,05	126,02
Среднее число задержанных обвиняемых	7,4	40	2,1	2,2	36	5,2
Среднее число иных задержанных	5,4	0	1,1	0,7	2	7,3
Среднее число иных дознаний	38	18	14,8	5,7	6,5	12,3

Данные кластеры можно условно охарактеризовать как:

- 1) высокоэффективные, перегруженные дознаниями (4,5 %);
- 2) высокоэффективные, с низким уровнем бродяжничества (0,9 %);
- 3) высокоэффективные, с низким уровнем конокрадства (17,3 %);
- 4) низкоэффективные (57,3 %);
- 5) высокоэффективные, со средним уровнем конокрадства (3,6 %);
- 6) среднеэффективные (16,4 %).

Особняком, как видим, стоит 5 участок 2 стана Стерлитамакского уезда, выделенный в отдельный, 2 кластер. Он не имеет аналогов не только в Уфимской, но и в Вятской губернии. Вообще кластеры, полученные в Уфимской и Вятской губерниях, достаточно сложно соотнести, из-за большой разницы в числе дополнительных дознаний, о чем уже было сказано выше, и ряда других осо-

бенностей. Тем не менее доля тех участков, которые условно отнесены к высоко- и среднеэффективным, в Уфимской губернии несколько выше, чем в Вятской (42,7 % против 36 %) [11, с. 89].

От чего же зависели успехи полицейских урядников уфимской полиции? Опубликованная таблица располагает следующими факторами для анализа: население участка, роль непосредственного руководителя (станового пристава), сословное происхождение полицейского. Несмотря на то, что корреляционный анализ наталкивал на мысль о некоторой, пусть и очень слабой, зависимости между численностью населения и отдельными показателями эффективности, при рассмотрении их всех в совокупности (в виде кластеров) какой-либо закономерности не отмечено. В то же время в Вятской губернии среди высоко- и среднеэффективных кластеров отсутствовали урядниче-

ские участки с населением более 25 тыс., а подавляющее большинство участков с населением от 20 до 25 тыс. принадлежало к низкоэффективным (21 из 23). В Уфимской губернии подобные участки отсутствовали вовсе, а население подавляющего большинства не превышало 15 тыс. (84,5 %) Именно этим можно отчасти объяснить более высокую эффективность, а также меньшее число дознаний по происшествиям, т. к. в более населенных вятских участках они, безусловно, происходили чаще.

Более явно прослеживается зависимость между принадлежностью к кластеру и нахождением уряднического участка

в определенном стане (уезде) Уфимской губернии. 4 кластер достаточно многочисленный и нет ничего удивительного в том, что, например, все 6 полицейских урядников 2 стана Белебеевского уезда попали именно в него. Однако, например, то, что 3 из 5 урядников 1 кластера располагались во 2 стане Уфимского уезда, не может быть простым совпадением. Последний участок стана был в июле 1879 г. вакантен и относился к 3, тоже «успешному» кластеру. В целом полицейские урядники Уфимского уезда показали наилучший результат. Полные данные по уездам представлены в таблице 3.

Таблица 3

Распределение результатов кластерного анализа правоохранительной деятельности полицейских урядников по уездам Уфимской губернии с 1 января по 31 июля 1879 г. (%)

Уезд	Исправник	Кластеры					
		1	2	3	4	5	6
Белебеевский	Филиппов			20%	80%		
Бирский	Вышенский			4,7%	71,4%	4,7%	19,2%
Златоустовский	Крживицкий			13,3%	26,7%	20%	40%
Мензелинский	Рубинский	5,6%		11,1%	61,1%		22,2%
Стерлитамакский	Бельский		5,6%	5,6%	83,2%		5,6%
Уфимский	Соколов	22,2%		50%	11,1%		16,7%

Рассмотрев объективные факторы, стоит, наконец, выяснить, насколько сами полицейские урядники могли влиять на свои «успехи». Огромная текучка кадров в рассматриваемый период мешает провести полноценный анализ. Во-первых, в силу того, что представленные под отдельным урядником «успехи» могли по большей части принадлежать ранее уволенному полицейскому. Во-вторых, из-за вакансий оставшиеся на службе урядники постоянно переводились из одного участка в другой, что также делает невозможным подсчет их «успехов». Таким образом, в исследовании будут участвовать только те полицейские урядники, которые служили, согласно списку от 16 декабря 1878 г., и не были в последующем пе-

реведены на другие участки. Данный список содержит следующие социально значимые характеристики: возраст, вероисповедание, образование, опыт государственной службы, сословие¹. От всего этого могли теоретически зависеть успехи урядника.

Полицейских урядников, которые отвечают выдвинутому выше критерию, насчитывалось в Уфимской губернии не многим более четверти (29; 26,4 %), для сравнения в Вятской губернии с ноября 1878 г. по сентябрь 1879 г. продолжала служить на прежних участках почти половина (81; 47,6 %). Среди «старослужащих» 31 % (9 человек) принадлежит к наименее эффективному 4 кластеру, а 48,3 % (14) – к наиболее успешным 1, 3 и 5 кластерам. Социальные ха-

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 455–486.

рактеристики «эффективных» и «неэффективных» полицейских оказались достаточно неожиданными. Половина «успешных» урядников (1, 3 и 5 кластеры) не имела никакого опыта государственной службы и систематического образования, тогда как в 4 кластере, напротив, преобладали люди с опытом государственной и военной службы, образованные (почти половина окончила гимназии и уездные училища по 3 разряду).

Заключение

Таким образом, опыт применения количественных методов исследования деятельности полицейских урядников показал высокую степень эффективности, в особенности многомерный (кластерный) анализ. Формально-количественный метод продемонстрировал малую результативность полицейских урядников Уфимской и Вятской губерний по всем направлениям. Корреляционный анализ, в свою очередь, не позволил объяснить это такими факторами, как размер участка или число жителей в нем. Кластерный же анализ не только создал типологию уряднических участков, но и помог разобраться в причинах «неэффективности» работы на большинстве из них.

По большому счету он подтвердил мысль, которая уже высказывалась автором в предшествующих публикациях в качестве гипотезы. На количественные показатели правоохранительной деятельности полиции

Российской империи объективные факторы оказывали гораздо большее влияние, чем субъективные. Так, большой размер уряднических участков в Вятской губернии перегружал полицейских дознаниями о происшествиях и не позволял столь же хорошо, как в Уфимской, выполнять другие задачи. В развитых в торговом и промышленном отношении уездах, Уфимском и Златоустовском, происходило больше правонарушений, справиться с которыми институтам традиционного общества без помощи полиции в конце 1870-х гг. было уже не под силу, а потому и нагрузка на полицейского урядника была там значительно выше.

Нисколько не отрицая важность курсов для полицейских урядников, экзаменов на знание Инструкции и уж тем более надзора за их деятельностью, все же стоит отметить, что малая результативность во многих участках объяснялась, видимо, не ленью или неподготовленностью полицейского, а тем, что на территории либо происходило очень мало правонарушений, либо с ними справлялись общинные институты, не вмешивая в это полицию. В дальнейшем, по мере модернизации российского общества и роста населения, ситуация начала меняться и наличного штата урядников в Уфимской губернии стало уже не хватать¹. К сожалению, в силу отсутствия сопоставимых массивов данных это нельзя доказать математически.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие, 1855–1880. СПб.: Министерство внутренних дел, 1880. 183 с.
2. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М.: А. П. Мамонтов и К°, 1885. 160 с.
3. Ахмедов Ч. Н. Институт полицейских урядников: профессиональная подготовка и социально-материальное обеспечение его деятельности (вторая половина XIX – начало XX века): монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. 224 с.
4. Асеев И. А., Масалимов А. С. К вопросу о реформировании полиции Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Уфимской губернии) // Вестник ВЭГУ. 2016. № 2. С. 32–40.
5. Каримов Р. Р., Хакимов С. Х. Организация и деятельность полицейских урядников Уфимской гу-

¹ Отношение уфимского губернатора министру внутренних дел Российской империи о необходимости увеличения штатов полиции губернии. 25 сентября 1898 г. // Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922): сб. док. и материалов / отв. ред. Г. В. Мордвинцев. Уфа: [б. и.], 2016. С. 19, 20.

бернии в 70–90-е гг. XIX в.: историко-правовой аспект // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 3 (89). С. 25–32.

6. Масалимов А. С. Реформы полиции Российской империи в XIX–XX веков: достижения, просчеты, влияние на развитие государственного аппарата: монография. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2011. 152 с.

7. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия: монография. М.: Майор, 2005. 224 с.

8. Хакимов С. Х. Основные этапы и особенности формирования органов полиции дореволюционной Башкирии (к постановке проблемы) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 1 (79). С. 19–24.

9. Хакимов С. Х. Формирование института полицейских урядников Уфимской губернии (80-е – 90-е гг. XIX в.) // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии: материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Н. Ф. Демидовой. Уфа: УФИЦ РАН, 2021. С. 283–290.

10. Ялтаев Д. А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах (по материалам чувашских уездов): дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 289 с.

11. Рязанов С. М. Правоохранительная деятельность полицейских урядников Вятской губернии в начальный период существования института: опыт количественного исследования // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2025. № 2 (63). С. 85–91.

12. Кузьмин Ю. В. Эволюция истребителей между мировыми войнами: применение кластерного анализа в истории техники // Историческая информатика. 2021. № 1. С. 66–130.

13. Жуков Д. С., Канищев В. В. Кластерный анализ как средство выявления типов демографического поведения (русское сельское население, европейская часть России, начало XX–XXI в.) // Новейшая история России. 2022. Т. 12. № 2. С. 454–476.

14. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 486 с.

15. Arthur D., Vassilvitskii S. K-Means++: the Advantages of Careful Seeding // SODA '07: Proceedings of the Eighteenth Annual ACM-SIAM Symposium on Discrete Algorithms. New Orleans: SIGACT, 2007. 1027–1035.

16. Тот Ю. В. Реформа уездной полиции Александра II // Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие: сб. науч. тр. СПб.: Президентская библиотека, 2019. С. 72–84.

REFERENCES

1. A Brief Overview of the Activities of the Ministry of Internal Affairs for the Twenty-Five Years, 1855–1880. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1880. 183 p. (In Russ.)

2. Tarasov I. T. Police in the Era of Reforms. Moscow: A. P. Mamontov and Co., 1885. 160 p. (In Russ.)

3. Akhmedov Ch. N. The Institute of Police Officers: Professional Training and Social and Material Support for Its Activities (Second Half of the 19th – Early 20th Century): monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. 224 p. (In Russ.)

4. Aseev I. A., Masalimov, A. S. On the Issue of Reforming the Police of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century (based on materials from Ufa province) // Vestnik VEGU. 2016. No. 2. P. 32–40. (In Russ.)

5. Karimov R. R., Khakimov S. Kh. Organization and activities of police officers of Ufa province in the 1870s – 1890s: historical and legal aspect // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 3 (89). P. 25–32. (In Russ.)

6. Masalimov A. S. Police reforms of the Russian Empire in the 19th – 20th centuries: achievements, miscalculations, and influence on the development of the state apparatus: monograph. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. 152 p. (In Russ.)

7. Sichinsky E. P. Police of the Southern Urals during the crisis of autocracy: monograph. Moscow: Mayor, 2005. 224 p. (In Russ.)

8. Khakimov S. Kh. The Main Stages and Features of the Formation of the Police Bodies of Pre-

Revolutionary Bashkiria (towards the Statement of the Problem) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 1 (79). P. 19–24. (In Russ.)

9. Khakimov S. Kh. Formation of the Institute of Police Officers in Ufa Province (1880s – 1890s) // The State Administration Apparatus in the Romanov Empire: The Efficiency of Power Structures and Bureaucracy: Proceedings of the All-Russian Scientific Symposium Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of the Prominent Russian Historian and Archaeographer N. F. Demidova. Ufa: Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, 2021. P. 283–290. (In Russ.)

10. Yaltayev D. A. District Police in the Kazan Province in 1862–1917 (Based on Materials from the Chuvash Districts): Diss. ... Cand. of History. Cheboksary, 2004. 289 p. (In Russ.)

11. Ryazanov S. M. Law Enforcement Activities of Police Officers of Vyatka Province in the Initial Period of the Institute's Existence: A Quantitative Study // Bulletin of the Altai State Pedagogical University. 2025. No. 2 (63). P. 85–91. (In Russ.)

12. Kuzmin Yu. V. Evolution of Fighters between the World Wars: Application of Cluster Analysis in the History of Technology // Historical Informatics. 2021. No. 1. P. 66–130. (In Russ.)

13. Zhukov D. S., Kanishchev V. V. Cluster analysis as a means of identifying types of demographic behavior (Russian rural population, European Russia, early 20th – 21st centuries) // Modern history of Russia. 2022. Vol. 12. No. 2. P. 454–476. (In Russ.)

14. Kovalchenko I. D. Methods of historical research. Moscow: Nauka, 486 p. (In Russ.)

15. Arthur D., Vassilvitskii S. K-Means++: the Advantages of Careful Seeding // SODA '07: Proceedings of the Eighteenth Annual ACM-SIAM Symposium on Discrete Algorithms. New Orleans: SIGACT, 2007. P. 1027–1035.

16. Tot Yu. V. Reform of the district police of Alexander II // The Era of Great Reforms: history and documentary heritage: collection of scientific papers. St. Petersburg: Presidential Library, 2019. P. 72–84. (In Russ.)

Информация об авторе:

С. М. Рязанов, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author:

S. M. Ryazanov, Candidate of History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.08.2025; одобрена после рецензирования 29.09.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 15.08.2025; approved after reviewing 29.09.2025; accepted for publication 19.03.2026.

**ЦЕННОСТНО-ПРАВОВОЕ ЯДРО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА:
ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРИНЦИПЫ****Арина Юрьевна Чумаченко**Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
706arisha@bk.ru, ORSID: 0009-0000-2646-942X

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью концептуализации устойчивых основ правовой и политической жизни многонационального российского общества в условиях современных геополитических вызовов и ценностной трансформации. Проблема заключается в предполагаемом отсутствии в категориальном аппарате теории государства и права системной совокупности, адекватно описывающей константный ценностно-правовой фундамент, изолированный от переменчивых структур, определяющий цивилизационную идентичность и реакции социума на изменения. Разработано и введено в научный дискурс понятие «ценностно-правовое ядро государства и общества». Выявлен и описан комплекс его специфических признаков, отличающих его от смежных категорий, сформулированы и раскрыты принципы, составляющие внутреннюю сущность явления, предложено определение ценностно-правового ядра государства и общества. Концепция ценностно-правового ядра предоставляет новый теоретический инструментарий для системного анализа и прогнозирования социально-политических и правовых процессов, обеспечивая основу для консолидации общества и выработки последовательной государственной политики, синхронизированной с фундаментальными ценностями российской цивилизации.

Ключевые слова: ценностно-правовое ядро, теория государства и права, правосознание, правовая культура, цивилизационная идентичность, традиционные ценности, суверенитет, политико-правовое явление.

Для цитирования: Чумаченко А. Ю. Ценностно-правовое ядро государства и общества: понятие, признаки и принципы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 52–68.

Original article

**THE VALUE-LEGAL CORE OF THE STATE AND SOCIETY:
CONCEPT, FEATURES AND PRINCIPLES****Arina Yu. Chumachenko**Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia
706arisha@bk.ru, ORCID: 0009-0000-2646-942X

Abstract. The relevance of the study is driven by the need to conceptualize the stable foundations of the legal and political life of multinational Russian society in conditions of contemporary geopolitical challenges and value transformations. The problem lies in the absence of a term in the categorical framework of the theory of state and law that adequately describes the constant value-legal foundation determining civilizational identity and societal responses to change. The concept of the “value-legal core of the state and society” has been developed and introduced into scholarly discourse. A set of its specific features, which distinguish it from related categories, has been identified and described. The principles constituting the internal essence of the phenomenon have been formulated and elaborated upon. Finally, a definition of the value-legal core of the state and society is proposed. The concept of the value-legal core provides a new theoretical toolkit

for the systemic analysis and forecasting of socio-political and legal processes. It establishes a foundation for consolidating society and developing consistent state policy synchronized with the fundamental values of Russian civilization.

Keywords: value-legal core, theory of state and law, legal consciousness, legal culture, civilizational identity, traditional values, sovereignty, political and legal phenomenon.

For citation: Chumachenko A. Yu. The value-legal core of the state and society: concept, features and principles // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 52–68. (In Russ.)

Введение

Ясность понимания необходимости исследования политико-правового явления ценностно-правового ядра государства и общества назревает достаточно длительный период времени, предвещая трансформации научной парадигмы социально-политических процессов настоящего. Полагаем, что нулевой точкой переосмысления можно считать начало специальной военной операции на бывших территориях Украины. Жители Крыма выразили коллективное народное желание стать частью Российской Федерации в 2014 году, а Донбасса – в 2022. При этом в период с 2014 по 2022 год стремление народа оставаться частью российской цивилизации не было подавлено репрессивными мерами, осуществляемыми киевским режимом. Напротив, геноцид части гражданского населения со стороны государства способствовал формированию и активному функционированию народного ополчения Донбасса. Это проявление консолидации народов, разделенных государственными границами, объяснимо единым культурным кодом, ценностным фундаментом, сформированным в процессе исторического развития. Если в постсоветский период ценностные ориентиры бывших граждан Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР) трансформировались при помощи скрытого воздействия, латентно внедрялись неолиберальные ценности, пренебрежение к смыслам русского мира, то с 2014 года правящие элиты активно и гласно, на государственном уровне, взяли курс на искоренение всего российского, чествования фашизма, унификации правопонимания в соответствии с моделью западного нигилизма. Именно

резонанс политико-правовых устремлений властных элит и народа демонстрирует ценностно-правовое ядро украинского государства и общества в состоянии распада. В то же время ценностно-правовые ориентиры и культурный код населения Крыма и Донбасса остались синхронны с российской цивилизацией, что привело к единению коллективной народной воли и политической направленности власти Российской Федерации, к консолидации народов в российскую семью по собственному инициативному желанию. Этот пример обнаруживает цивилизационные константные основы в сознании народов, связанных общей историей, определяющие реакции на политическую и правовую действительность. В таком явлении усматривается политико-правовая природа, основанная на матрице фундаментальных ценностей, идей и смыслов российской цивилизации. Изменения ценностно-правовой ориентированности государства и общества теоретически могут происходить в любой непродолжительный период. Имплантация в сознание масс ненависти к определенной нации, социокультурной группе, религиозной конфессии посредством информационного воздействия, в том числе манипулятивного, представляется вполне реалистичной и подтверждается множественными историческими примерами. Поэтому неуместно обсуждать константность ценностного качественного содержания и коррелируемую им правовую составляющую какого-либо объединения народов без разделения составляющих на части статики и динамики. Такой вектор размышлений ведет к нескольким теоретическим положениям, которые и являются ключевыми

в усмотрении природы политико-правового явления ценностно-правового ядра государства и общества. Во-первых, все правовые явления в обществе коррелируются с ценностным качественным содержанием сознания социума на уровне масс и индивидуумов. Другими словами, изменения ценностного запроса общества влияют на правовую политику в целом, так как модель желаемого бытия формируется исходя из тех целей, которые ставит перед собой объединение народов и правовых средств их достижения. Во-вторых, каким бы образом не менялась социальная действительность, некоторые ценности остаются неизменными, исторически присущими определенной цивилизационной вехе развития. Соответственно, и в правовом воплощении существуют параллели этому ценностному конструкту, которые могут быть представлены конкретными политико-правовыми фактами или лакунами в этой области. Сочетание константных ценностных элементов и правовых их воплощений представляет собой ценностно-правовое ядро государства и общества. Тогда как изменяющиеся их части – то, что окружает ядро и находится в постоянной динамике, соответствуя временным вызовам и тенденциям. Основопологающей целью усмотрения системы этих констант является их влияние на реакции государства и общества в условиях ускорения динамики переменных структур. Научное, политическое или социальное прогнозирование последствий тех или иных изменений общественной и правовой жизни представляется неполноценным без учета ценностно-правового ядра государства и общества как систематизированного политико-правового явления.

Методы

Исследование носит теоретико-прикладной характер. В качестве основного был использован системный подход, позволивший рассмотреть ценностно-правовое ядро как комплексное системное политико-правовое явление. Сравнительно-правовой метод применялся для анализа и разграниче-

ния понятий «ценностно-правовое ядро», «правосознание», «правовая культура», «правовое воспитание» и «суверенитет». Историко-правовой метод способствовал пониманию генезиса и устойчивости ценностно-правовых констант. Метод концептуализации был ключевым для синтеза нового научного понятия на основе анализа существующих политико-правовых реалий и теоретических конструктов. Также использовался аналитический метод для обработки данных социологических исследований и нормативных правовых актов, приведенных в качестве примеров.

Результаты

В настоящее время приходится констатировать, что категориальный аппарат теории государства и права не располагает термином для конкретизированного определения такой межинституциональной субстанции, которая усматривается как явление, консолидирующее и разобщающее народ и властный аппарат на базе неизменных ценностно-правовых основ, незыблемо существующих в коллективном и индивидуальном сознании цивилизационных групп. Для того чтобы определиться с понятием или так называемой природой ценностно-правового ядра современного российского государства и общества, необходимо дифференцировать указанное политико-правовое явление от схожих теоретических конструктов, выявить специфические характеристики (признаки) последнего.

Так, на первый взгляд, ценностно-правовое ядро государства и общества, прямо или косвенно, сопряжено с правовым сознанием. Ученые дореволюционного периода заложили основы трактовки правосознания как духовного феномена. Б. А. Кистяковский акцентировал его неразрывную связь с нравственными идеалами и ключевую роль в генезисе правопорядка [1, с. 73]. И. А. Ильин определял его как естественное чувство права и правоты, особого рода инстинктивное правочувствие, проводя принципиальное различие между правосознанием и законосознанием, подчеркивая его онтологический

статус универсалии, синтезирующей психологические и правовые аспекты¹. Общим для ученых той эпохи было понимание правосознания как нравственного основания права, обладающего приоритетом над позитивными нормами. В нем усматривался источник критики действующего законодательства и формирования идеала желаемого права.

В советский период правосознание рассматривалось через призму марксистско-ленинского подхода, редуцировалось до формы или элемента общественного сознания как совокупности чувств, идей и отношения к праву. Выделялись два структурных элемента: правовая идеология (систематизированные представления о праве) и правовая психология (эмоции, привычки, настроения). Такой подход вел к деформации юридического мышления, игнорировались дореволюционные наработки. Правосознание изучалось статично, без связи с поведением, а его содержание сводилось к отражению передовой социалистической идеологии [2, с. 1164].

С началом периода перестройки в аспекте понимания правосознания насупила эпоха поиска новых парадигм. Катализатором этого процесса являлась фрагментарность правосознания. Отказ от социалистических ценностей при отсутствии новых ориентиров породил правовой нигилизм. Рассогласованность между заимствованными западными либеральными ценностями и традиционными коллективистскими установками ускорила темпы научных дискуссий в области вопроса о несинхронности изменений правосознания и законодательства. В. С. Нерсисянц разработал теорию правового цивилизма с акцентом на верховенство прав человека, а В. В. Сорокин, анализируя «незрелое», переходное правосознание, характеризовал его противоречивостью и отставанием правовой психологии от реформ [3, с. 293].

Современные научные исследования, также обусловлены поиском нового подхо-

да к пониманию явления правосознания. Ю. А. Тихомиров описывает правовое сознание как «момент покоя» в правовой динамике, выполняющий функцию опережающего отражения будущих правовых решений. Правосознание выполняет роль стабилизирующего элемента в непрерывно меняющейся правовой реальности. Оно сохраняет ценностные константы (справедливость, законность, права человека), обеспечивая преемственность права даже в условиях реформ. В отличие от советской трактовки (где правосознание сводилось к отражению идеологии), автор подчеркивает его активную функцию – удержание баланса между традицией и инновациями [2, с. 1165]. В. М. Шамаров предлагает трансформацию традиционного понятия «правовое сознание» за счет включения в его содержание суверенно-государственного аспекта, в виду объективной необходимости на фоне проведения специальной военной операции [4, с. 26].

Данные исследования демонстрируют понимание необходимости поиска новых подходов к осмыслению политико-правовых процессов действительности и направлены на трансформацию осмысления природы правового сознания. Новая интерпретация фундаментальных научных категорий, продиктованная геополитическими изменениями либо аномалиями, не укладывающимися в рамки существующей научной парадигмы, видится возвращением к научному подходу советского этапа. Также появляется мысль о возможности утраты научной объективности, энтропии научного знания в целом. Даже в условиях холодной войны западные юристы не включали «антикоммунизм» в определение правосознания.

Ценностно-правовое ядро является не внутренней политической составляющей субъектов правоотношения, а внешнеполитической конъюнктурой. В этой связи оно обладает мультисубъектным признаком,

¹ Ильин И. А. О сущности правосознания. Глава 1. Проблема // *Odinblago.ru*: сайт электронной библиотеки Одинцовского благочиния Одинцовской епархии Русской Православной Церкви. URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/ilin/o_sushnosty_pravosozn/1/ (дата обращения: 10.08.2025).

дифференцирующим его от правосознания. Ценностно-правовое ядро государства и общества включает в себя производные от правового сознания явления, не входящие в него, такие как правовую гражданскую инициативную деятельность, реакцию общества и власти на геополитические изменения. Субъектами ценностно-правового ядра государства и общества выступают коллективные институты, транслирующие ценностно-правовые установки (органы государственной власти и местного самоуправления, общественные фонды и организации), и индивидуальные (государственные должностные лица, должностные лица местного самоуправления).

В продолжение мысли в данном направлении обнаруживается признак многоцелевого воздействия – объектом выступает не только правовая действительность, но политические события, социально-политическое конструирование, государственная политика в целом. Таким образом, круг объектов воздействия ценностно-правового ядра государства и общества гораздо шире, он охватывает и систему права, и систему законодательства, властную и политическую системы.

Значимые расхождения усматриваются между ценностно-правовым ядром государства и общества и правовым воспитанием. Правовое воспитание, являясь составной частью общегражданского воспитания, включающего в себя различные виды воспитания: патриотическое, культурное, трудовое, дошкольное, школьное, семейное, идеологическое, правовое и др.), представляет собой целенаправленную деятельность общественных структур, средств массовой информации, трудовых коллективов посредством различных форм в целях формирования высокого уровня правосознания и правовой культуры граждан¹, в виду этого тесно связано с политико-правовым явлением ценностно-правового ядра государства и общества в аспекте трансляции ценностных ориентиров, но дифференцируется рядом отличительных характеристик.

Правовое воспитание предусматривает инициативные действия, направленные от властных структур к социуму, тогда как ценностно-правовое ядро государства и общества проявляет и динамичную, и статичную природу. Механизмы правового воспитания опираются на подвижную систему ценностей и правовой действительности, тогда как ценностно-правовое ядро, определяя константные части культуры, права, политики, идеологии, духовно-нравственных ориентиров, сформированных в процессе исторического развития российской цивилизации, предусматривает формирование правовой культуры (правосознания и правопонимания, как ее элементов) синхронно с фундаментальной устойчивой матрицей ценностей. Другими словами, обладает признаком интеграции статики и динамики внедрения в индивидуальное и групповое сознание, а также в коллективное бессознательное.

Из этого суждения формируется и признак многоформатности воспитательного воздействия, обусловленный тем, что ценностно-правовое ядро охватывает не только правовой вид воспитательной деятельности, но и общегражданское воспитание в целом, в области константных основ его составных частей, имеет значительное психологическое и доправовое влияние.

Больше всего дискуссионных тем может возникнуть в области соотношения правовой культуры и ценностно-правового ядра государства и общества. Культура в самом общем смысле – проявление специфики социального бытия в знаково-символических формах, а правовая культура – ее часть, связанная с правовыми явлениями. Культура определенного народа диктует строение правовой реальности в соответствии с идентичным ценностным запросом. Правовая культура – духовная и материальная система правовой жизни социума, детерминируемая общественно-экономическим строем и оцениваемая исходя из достигнутого уровня развития правосознания, правовой деятельности, юридической техники и эволюции человека как субъекта права [5]. В широком

¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 121.

смысле правовая культура охватывает все правовые ценности, существующие в определенное время в определенном государстве, с учетом мирового опыта¹. Правовое сознание является частью правовой культуры, а правопонимание – теоретический уровень правосознания, на котором происходит осмысление того, что представляет собой право². Усматривается общность природы явлений культуры (правовой культуры, правосознания, правопонимания) и ценностно-правового ядра государства и общества в аспекте проявления нарратива социальной жизни в связи с правовым определенным социума, однако наличествует ряд специфических характеристик и отличий. Культура в классическом научном понимании трансформируется в условно короткие промежутки времени, посредством информационного влияния, взаимодействия различных наций. В культуре в целом и в каждой из ее частей содержатся как константные неизменные структуры, традиционно присущие российскому обществу в процессе исторического развития, так и подвижные, находящиеся в состоянии постоянной трансформации. Правовая культура, структурными элементами которой выступают правосознание и правопонимание, также обладает гибкой природой, приспособляема и изменчива к условиям различных политических режимов. Ценностно-правовое ядро государства и общества обладает фундаментальной природой, сочетает и систематизирует константные части ценностно-правовых установок (правовой культуры, правового сознания, правопонимания), сложившихся в цивилизационные архетипы поведенческих реакций, закрепленных в сознании масс, как ценностно-идейные базовые установки, выработанные и закрепленные историческими циклами. Традиционный российский ценностный нарратив, содержащийся в каждом элементе социальной жизни общества, «базовые на-

стройки» сознания, которые, вступая во взаимодействие с меняющимся содержанием элементов, реагируют и создают аномалии в политико-правовой действительности, необъяснимые с точки зрения существующих научных парадигм. Таким образом ценностно-правовое ядро государства имеет признак устойчивости, отличающий его от правовой культуры.

Также усматривается признак культурной целостности, указывающий на то, что ценностно-правовое ядро государства и общества интегрирует константные части не только правовой культуры, но и политической, духовно-нравственной, традиционной, социальной, идеологической, материальной, языковой, другими словами, всех составных элементов культуры в целом.

Особое внимание стоит уделить признаку цивилизационной ориентированности. Правовая культура, являясь частью культуры в общем понимании, неразрывно связана с воздействием на ценностную ориентированность масс. Внедряемые поведенческие модели, чуждые российской цивилизации культуры проникают в социальную и правовую реальность, воздействуют на культуру в целом, правовую культуру в частности, в ее качественном состоянии. Посредством переформатирования качественного состояния социального сознания масс необратимо меняется и качественное состояние правовой культуры. Таким образом, происходит размывание цивилизационной идентичности русского мира, ведущее к противоречивости фундаментальных ценностно-правовых установок и динамично меняющихся. Это утверждение подтверждается масштабным исследованием ученых Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В ходе опроса в 2022 году менее 50 % респондентов (от 14 до 30 лет) дали категоричный положительный ответ на вопрос о готовности к актив-

¹ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. С. 122.

² Честнов И. Л. Теория государства и права: учебное пособие. Ч. 2. Теория права. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. С. 4.

ному участию в общественно-политической жизни страны на регулярной основе. Наблюдается тенденция снижения процента с уменьшением возраста опрашиваемых [6, с. 636]. Исследования последних лет показывают, что наиболее актуальными для российской молодежи являются ценности мира, безопасности, прав человека, свободы, законности, справедливости. Молодое поколение в значительной степени ориентируется на ценности самовыражения [6, с. 633], однако в свете последних политических событий в молодежной среде набирают популярность традиционные ценности. Традиционные и духовно-политические ценности для молодого поколения остаются базовыми, однако подвергается деформации само понимание этих категорий [6, с. 670]. «Базовые настройки» вступают в конфликт с установками западного ценностного нигилизма, создавая ценностно-правовую неопределенность, психологическую напряженность. Ценностно-правовое ядро государства и общества является цивилизационным «якорем», ориентиром идентичности конкретного цивилизационного образования.

Также существует косвенная отличительная характеристика ценностно-правового ядра государства и общества и правовой культуры – признак психологической регуляции сознания масс. В 1903 году В. М. Бехтерев писал: «В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве «живого контагия» (*contagium vivum*) или т. наз. микробов, что, на мой взгляд, нелишне вспомнить и о «психическом контагии» («*contagium psychicum*»), приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и не видимы под микроскопом, но тем не менее подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду и передаются чрез слова, жесты и движения окружающих лиц, чрез книги, газеты и пр., словом, где бы мы ни нахо-

дились, в окружающем нас обществе мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными»¹. Если предположить, что информационное воздействие деструктивной идеологии (антитрадиционной), вступая в конфликт с фундаментальными настройками российской цивилизации (ценностно-правовым ядром), создает вакуум в умах масс. То логично и обоснованно на фоне установленной ценностной неопределенности молодежи выглядит рост психологических заболеваний среди населения². Безусловно, версия генеза психологических девиаций в обществе, вызванных ценностно-правовой неопределенностью, трансляцией различных ценностных ориентиров, конфликтом традиционных смыслов и деструктивных неолиберальных насаждаемых, не инвариантна, является дополнением к другим, исследуемым учеными. Но ее значимость имеет научное обоснование. Клиническая психиатрия более 40 лет изучает феномен индуцированного психоза, проявляющегося как на индивидуальном уровне, так и в массовом сознании. Ученые приводят в пример деструктивные культы и секты. Само по себе индукционное психическое расстройство характерно проявлением симптоматики у здорового человека в процессе индукции смыслов от источника трансляции. При блокировании индукции (изоляции от источника) нередко исчезает симптоматика [7]. Белорусский психолог А. В. Сериков при исследовании явления игрового переживания как фактора устойчивости к психосоматическим расстройствам приходит к выводам, что «в современном мире со всех сторон звучат противоречивые, но уверенные голоса, сообщающие о том, как нужно жить, как нужно выглядеть, к чему нужно стремиться, наполняющие сознание человека противоречивыми тенденциями,

¹ Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб: Издание К. Л. Риккера, 1908.

² Около 4 млн. россиян страдают психическими заболеваниями // Interfax.ru: сайт информационного агентства России. URL: <https://www.interfax.ru/russia/945840> (дата обращения: 10.08.2025).

затрудняющими формирование его идентичности, что и повышает риск аффективных нарушений [8, с. 120]».

С. Г. Кара-Мурза, описывая явление манипуляции сознанием, наделял его отличительной черной скрытности. Рассуждая о природе проявлений, между строк усматривал явление, рассматриваемое нами как ценностно-правовое ядро государства и общества. Ученый указывает, что константный традиционный конструкт, присущий российской цивилизации, – знание, хранящееся в глубинах исторической памяти, есть «эффективное устройство аварийной сигнализации», действующее не на основе рационального мышления (на которое ориентировано манипулятивное воздействие), а автоматически. Также в связи с предположением о психологическом напряжении масс, связываемым с ценностно-правовой неопределенностью, интерес вызывает явление расщепления сознания (шизофренизации), по терминологии автора, на которое ориентировано манипулятивное воздействие в целях достижения своих целей [9, с. 113–122].

Правовая культура, как и культура в целом, не обладает характеристиками, на базе которых возможно исследование и разработка методов устранения отдаления константного, аутентичного, присущего российской цивилизации ценностного запроса общества и его правового воплощения, от динамичного и изменчивого запроса и его реализации в правовой действительности. Тогда как ценностно-правовое ядро является системой, отражающей этот константный конструкт, позволяющий его обособить, изучить обособлено от переменных. Взгляд на социальную и правовую действительность с такого ракурса открывает новые перспективы научной деятельности в аспекте психологического состояния масс.

Также нельзя в этой связи не отметить очевидность и иных перспективных сфер исследований, таких как экономическая, образовательная, трудовая. Усмотрение константного смыслового конструкта и его правового отображения, разделение его с динамичными элементами открывают ши-

рокий спектр научно-исследовательских перспектив, которые в свою очередь ведут к углублению понимания социально-политических и правовых процессов настоящего времени и экстраполяции таковых. Этот признак ценностно-правового ядра государства и общества, определяющий различие с явлением правовой культуры, как и культуры в целом, не обладающей подобным потенциалом, можно также отнести к косвенным и назвать признаком развития новых парадигм научного познания. Фундаментальный ценностный запрос и его правовое воплощение контрастирует с глобалистическим мировосприятием. На этом фоне возрастает активность научной деятельности в области вычленения традиционных фундаментальных ценностей, присущих российской цивилизации. Однако исследования носят общий характер, наблюдается разрозненность научных подходов к изучению, что создает достаточно большой объем фрагментарной и разрозненной информации, не систематизированной в рамках единой модели. Ценностно-правовое ядро государства и общества предполагает концепцию, в соответствии с которой направленность научной деятельности синхронизируется с системой ценностей (материальные, духовные, моральные, общечеловеческие, политические, личностные, социальные, правовые) в их фундаментальной части. При этом проводит параллели каждого ценностного константного запроса в конкретной сфере с соответствующим правовым содержанием. Такой системный подход обеспечивает осознание контуров российской идентичности, заполнение пробелов в осознании этих основ. Как пример современных исследований, несущих потенциал в этом направлении и требующих более системного подхода, можно привести следующие.

Группой ученых Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова выделена категория духовно-политических ценностей русской цивилизации, определяющих общенациональную и политическую идентичность [6, с. 30], к которой

отнесены: вера (духовность), государство, достоинство, единая история, жизнь, знание, культура, личность, милосердие, мир, народовластие, национальные традиции, нравственность, Отечество, правда, русский язык, самоограничение, свобода, семья, справедливость, честность [6, с. 669].

В. Э. Багдасарян подчеркивает, что закрепленные законодательно традиционные ценности недостаточно конкретизированы, нет четкого разграничения между традиционными, нетрадиционными и антитрадиционными ценностями, отсутствуют механизмы противодействия угрозам внедрения антитрадиционных ценностей, не предусмотрена связь с образовательными стандартами, уголовным правом, международными стратегиями. Если в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» закреплены 17 ценностей, причисленных к традиционным, то автор исследования описывает более 30, исключая из понятия традиционных (закрепленных в законодательстве) «справедливость», «права и свободы человека», «гражданственность» и «гуманизм» [10, с. 27–29]. Ученый выделяет кластер не желаемых или предпочтительных ценностей, ведущих к развитию страны исходя из логических доводов, а фундаментально присущих россиянам, закрепленных в народном сознании в процессе исторической эволюции.

Научная деятельность в направлении конкретизации фундаментальных ценностных ориентиров российской цивилизации находится в активной фазе. Однако фактором стагнации видится отсутствие структурированной системы, которая бы задавала вектор различным научным направлениям, интегрировала бы результаты исследования

истории, философии, психологии, социологии, политологии, правоведения в рамках единой системы, связывая фундаментальные ценности, их толкование и правовую действительность.

Немаловажным видится размышление о соотношении ценностно-правового ядра государства и общества и суверенитета. Понятие и виды суверенитета – достаточно дискуссионная тема. Государственный суверенитет определяется как верховенство в собственных пределах, независимость и самостоятельность во внешних и внутренних делах [11, с. 1]. Он может рассматриваться на внутреннем уровне (контроль над территорией, населением и ресурсами) и внешнем (международный правовой суверенитет, признание равноправия на международной арене). Некоторые ученые высказывают мнение об абсурдности такого деления [12, с. 10], так как усматривают невозможность качественного их различия. Другими словами, если внутри страны государство независимо и идентично выстроено, то и на международной арене не может быть иного. На наш взгляд, достаточно спорное суждение, но в условиях современной глобализации очевидна зависимость ряда государств от международных организаций, что влечет утрату внешнего суверенитета и внутреннего, как следствие. При передаче части прав суверена наднациональным организациям «государство теряет свою субъектность (контроль над экономикой и политикой), а по сути, над всей страной, что дает повод для манипуляций более крупным государствам, используя государство для извлечения прибыли, а суверенитет как декларативную форму власти».¹ Во избежание подобного Россия вынужденно покинула Совет Европы², что является демонстративным примером.

В современном российском обществе государственный суверенитет совмеща-

¹ Серов Е. А. Понятие и особенности суверенитета государства в его историческом генезисе: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2017. С. 31.

² О выходе России из Совета Европы (справочный материал) // МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1834254/ (дата обращения: 13.08.2025).

ется с народным. В самом общем смысле народный суверенитет – это верховенство права народа регулировать политику государства. Все государственные решения зависят от коллективных народных решений, в прямом порядке или представительном. В. В. Путин указал, что вопросы укрепления суверенитета российской цивилизации во всех сферах и на различных уровнях выступают на первый план¹. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ², который сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, возрождая суверенную государственность России³, принял решение о создании и развитии русского мира современности. Суверенитет нации – неоднозначный вопрос, зависящий от осознания нации, как объединения народов или как конкретного народа в составе страны. В условиях федерального государственного устройства сувереном является не какое-то конкретное национальное объединение из состава государства, а весь народ, объединенный в единую нацию. Цивилизационный суверенитет не отражает политической консолидации народов и более приемлем к

мононациональным цивилизациям. Поэтому думается более точно по отношению к России применять сопряженный термин суверенитета нации и цивилизации, рассматривая единение российских народов как единую нацию и цивилизацию – национально-цивилизационный суверенитет России. Конституция России определяет суверенитет исключительно Российской Федерации и не допускает его существование на уровне субъектов⁴, что подчеркивает осознание российских народов как единой нации. Также ученым сообществом предлагаются различные модели осознания суверенитета в свете активной цивилизационной эволюции России в современности. Л. Земанек пишет о всеобъемлющем российском суверенитете как о консервативной государственной парадигме⁵. А. Г. Дугин предлагает концепцию интегрального суверенитета, включающего в себя цивилизацию, культуру, образование, науку, экономику, финансы, ценности, идентичность, политическую систему и суверенитет. А. Г. Дугин рассуждает о качестве государства – его полисуверенитете, включающем в себя понятия цивилизационного суверенитета, культурного, образовательного, экономического, финансового, ценностного⁶. Само слово «интегральный», использован-

¹ Итоги года с Владимиром Путиным: Владимир Путин в прямом эфире подвел итоги года и ответил на вопросы журналистов и жителей страны // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994> (дата обращения: 13.08.2025).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

⁴ См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 г. № 10-П. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Российский всеобъемлющий суверенитет: Консервативная государственная парадигма – Перспективы // Перспективы: сайт сетевого издания Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы. URL: https://www.perspektivy.info/rus/gos/rossijskij_vseobjemlushhij_suverenitet_konservativnaja_gosudarstvennaja_paradigma_2022-03-12.htm (дата обращения: 10.08.2025).

⁶ Дугин А. Г. Интегральный суверенитет // Katehon.com: сайт информационно-аналитического издания «Катехон». URL: <https://katehon.com/ru/article/integralnyy-suverenitet> (дата обращения: 10.08.2025).

ное ученым, – отсылка к математическому понятию (интеграл), инструменту, позволяющему «склеить» бесконечно много маленьких частей чего-либо в одно целое.

При рассмотрении российского суверенитета на внутреннем уровне обнаруживается общность природы с ценностно-правовым ядром государства и общества в аспекте влияния ценностного содержания народного сознания на политическую и правовую жизнь государства. Однако наличествует ряд отличительных характеристик. Суверенитет носит субъектный характер, конкретизирует суверена, формирует механизм его влияния, но не определяет смысловую суть такового. Мысли о необходимости исследования интегрального суверенитета уходят корнями именно в эту проблему, но невозможны к качественному изучению без превентивного разделения константного ценностно-правового конструкта от трансформируемого. Из этого следует признак фиксации основ созидания политической реальности, обозначающий ценностно-правовое ядро государства и общества как систему, фиксирующую фундаментальные неизменные ценностные ориентиры, отраженные в правовой составляющей, присущие определенному объединению народов как единой нации, в конкретной ипостаси развития. Продолжая мысль можно выделить признак незыблемости, представленный тем, что ценностно-правовое ядро существует независимо от государственных трансформаций, тогда как суверенитет конкретного государства зависит от закона, определяющего суверена и механизмы осуществления им своих прав.

Таким образом, можно выделить ряд признаков (отличительных характеристик) ценностно-правового ядра от схожих категорий: мультисубъектность; многоцельность воздействия; интеграция статики и динамики внедрения в индивидуальное и групповое сознание, а также в коллективное бессознательное; многоформатность воспитательно-го воздействия); устойчивость; культурная целостность, цивилизационная ориентиро-

ванность; психологическая регуляция сознания масс; развитие новых парадигм научного познания; фиксация основ созидания политической реальности; незыблемость.

Любое политико-правовое явление помимо особенностей, выделяющих его из ряда, имеющих общности природы, явлений, обладает и внутренними мотивационными характеристиками, в самом общем смысле подразумевающими под собой исходные начала, основные положения, выражающие сущностный, содержательный, а не внешний аспект – принципы.

Принцип системности. Ценностно-правовое ядро государства и общества включает в себя ряд взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов общественной жизни конкретного государства-цивилизации на определенном этапе исторического развития в их фундаментальной, константной ценностно-ориентированной части, отражающейся в праве, объединяя таким образом категориальные понятия в уникальную межинституциональную систему. Общественная жизнь сочетает экономическую, политическую, социальную и духовную сферы, ценностное содержание которых в своей исторически присущей российской цивилизации константной основе отражается в праве. Систематизированная совокупность этих ценностных и правовых основ и их взаимодействие представляют собой ценностно-правовое ядро, остальные подвижные и гибкие элементы этих сфер и их правовые воплощения находятся за его пределами. Именно усмотрение системы статичной составляющей необходимо для дальнейшего исследования ценностной основы современного российского общества в связи с правовым отражением, выявления пустот (несоответствий наполненности). В качестве примера проявления ценностно-правового ядра государства и общества, демонстрирующего его системную природу, можно привести пример, зарождающийся в экономической сфере, но затрагивающий и политическую, социальную, духовную. Экономическая сфера обуславливает производство, распределение и потребление мате-

риальных благ и отношения в рамках этой деятельности. Неoliberalная политика диктует смыслы индивидуальной выгоды, игнорируя коллективное благо. Одним из деструктивных проявлений такой идеологии, внедряемой в культуру россиян, является переход общества в эру потребительской активности. Предметы быта (одежда, техника) имеют привлекательный внешний вид, вырабатываются в больших количествах, зачастую не пригодны к ремонту и имеют низкую стоимость. Выгоду от реализации таких товаров приносит не сам факт продажи, а частота покупок аналогичных товаров при выходе из строя приобретенных ранее. При индивидуалистическом мышлении такого рода экономическая традиция, прививаемая россиянам капиталистической смысловой моделью, вполне приемлема и удобна. Активное развитие маркетплейсов, реализующих комфорт для потребительской активности, диктует правовые изменения: инициация проекта «Маркетплейс» Банком России в 2017 году в целях создания законодательной базы для дистанционной розничной продажи финансовых продуктов (услуг) по всей стране в режиме «не выходя из дома», без географических ограничений и обязательного посещения офиса финансовых организаций¹; принятие Федерального закона от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»²; дополнения в Закон о защите прав потребителей³ (п. п. 1.2, 1.3 ст. 9, п. 2.1 ст. 12). Безусловно, технологическое развитие в тождественности с современными

мировыми тенденциями содержит в себе перспективу эволюции экономических процессов, как следствие совершенствования и в других сферах общественной жизни. Однако этот процесс сочетает в себе как динамичную ценностную составляющую (новые тенденции, совершенствование), так и константную (контроль качества, отсутствие вреда здоровью граждан и экологии). Коллективистские установки вступают в противоречие с капиталистическими нарративами в аспекте превалирования духовного над материальным. Человек в своем бытии не может обойтись без материальных благ, также не может не оптимизировать механизмы их получения, но в определенных ситуациях выбор человека и общества зависит от базовых настроек сознания, традиционной статичной ценностной составляющей [10, с. 176]. В июле 2025 года Президент Российской Федерации подписал закон, регулирующий платформенные отношения российской экономики⁴, который начнет действовать с сентября 2026 года, усиливая контроль качества продукции. Закон не распространяет свое действие на перепродаваемые товары⁵, что снижает его значимость в решении выхода российского общества из потребительской зависимости. Из изложенного видно, что часть ценностного запроса образуется на базе динамичных смыслов, другая часть – традиционных, соответственно, и правовая действительность отражает как первые, так и вторые. В самом упрощенном смысле отсутствует система, дифференцирующая константные идентичные ценности и те, что находятся в движении, реагируя на

¹ Маркетплейс. Банк России // Банк России. URL: https://cbr.ru/fintech/market_place/ (дата обращения: 10.08.2025).

² О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы: федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 211-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ С сентября 2026 года маркетплейсы начнут подтверждать качество товара // Всероссийский центр сертификации продукции и услуг «Гарант». URL: <https://cs-garant.ru/sertifikatsiya-na-marketplejsah/> (дата обращения: 10.08.2025).

вызовы современности. В свою очередь эта хаотичность проникает в правовую сферу от процесса законотворчества до введения законных положений в социальную действительность.

Принцип стабильности. Ценностно-правовое ядро государства и общества стабильно к воздействиям, незыблемо в своей константной основе. Правовое сознание, правовая культура, правопонимание, идеология и другие явления общественной жизни могут трансформироваться в согласии с теорией поколений [13, с. 46], однако их традиционно-фундаментальные части, укоренившиеся в умах народа как ценности и смыслы российской цивилизации, отфильтрованные в концентрат процессом исторической эволюции, незыблемы и константны, влияют на поведение масс на сознательном и неосознанном (рефлекторном) уровнях. В своем единстве они представляют ценностно-правовое ядро государства и общества. Доводы в пользу того, что фундаментальные ценности личности и коллектива зависят от информационного воздействия и у каждого поколения будут различны, не имеют отношения к описываемому явлению. Ценностные ориентиры, традиционно-присущие русскому миру, формируются в индивидуальном и коллективном сознании при взаимодействии с традиционной культурой, в процессах духовно-нравственной трансмиссии, существуют незыблемо, но степень их осознания вариативна в каждом поколении, в каждой социокультурной группе. Приведение осознания к единому – задача, решение которой зависит от усмотрения явления ценностно-правового ядра государства и общества, рассмотрения социальной реальности через его призму.

Принцип аполитизированности. Ценностно-правовое ядро государства и общества существует автономно от политических циклов и партикулярных интересов. Природа его формирования обусловлена длительной социокультурной эволюцией и ценностно-правовой трансляцией от поколения к поколению. К примеру, правосознание, правовая культура, правопонимание

(в трансформируемой их части) носят гибкий характер и изменчивы под воздействием государственного принуждения, идеологического информационного влияния. Ценностно-правовое ядро русского мира являет собой исторически сформировавшуюся, устойчивую систему базовых элементов (константные основы культуры в общем и правовой культуры, правосознания, правопонимания в частности), определяющих суть цивилизации, глубинную коллективно-бессознательную модель восприятия права, конструирования политико-правовой действительности.

Принцип национальной и исторической идентичности. Ценностно-правовое ядро государства и общества не может рассматриваться как общая категория, без учета цивилизационного и исторического аспекта. Фундаментальный ценностный базис конкретного общества на определенном этапе исторической эволюции, его взаимодействие с политическими и правовыми явлениями конкретного государства – природообразующий фактор ценностно-правового ядра государства и общества.

Принцип гуманности. Президент России описал суть рассматриваемого нами явления следующими словами: «Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились. Мы должны всецело поддерживать институты, которые являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение. Закон может защищать нравственность и должен это делать, но нельзя законом установить нравственность. Попытки государства вторгаться в сферу убеждений и взглядов людей – это, безусловно, проявление тоталитаризма. Это для нас абсолютно неприемлемо. Мы и не собираемся идти по этому пути. Мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную

духовно-нравственную основу общества. Именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России»¹. Константные основы ценностного запроса российского общества и его отражение в правовом эквиваленте выстроены на базе добра и справедливости как регуляторов жизненного нарратива русского мира. Ценностно-правовое ядро государства и общества систематизирует гуманные ценности и их правовое воплощение, отделяя их от чуждых (или видоизмененного их понимания), приобретаемых в процессе культурной мировой диффузии. Так, к примеру, категория ценности «справедливость», актуальная к обсуждению и неоднозначная в различных пониманиях, имеет для социума важное значение. Ответы на вопросы: «Что для граждан России есть справедливость?», «Каким образом она должна проявляться в политической, правовой и социальной действительности?», будут отличаться от западных формулировок. Ввиду глобализации в сознании россиян не существует единой модели российской справедливости, что ведет к неоднозначности и хаотичности ценностно-правовых запросов. Ценностно-правовое ядро призвано систематизировать традиционные константные ценности для приведения осознания этих категорий к единому значению посредством правовых решений. Формирование ценностно-правового запроса социума на базе традиционных ценностей в согласии осознания этих ценностей приведет к инициативному стремлению коллективной народной воли следовать в унисон с властью России по пути цивилизационного развития. Лишь на базе единой ценностно-смысловой матрицы может быть воздвигнута цивилизация.

Принцип мультикультурности. Ценностно-правовое ядро государства и общества консолидирует многокультурный российский социум на базе единых духовных скреп всего российского общества; интегрирует общие смыслы и конструкции духовной культуры (традиций, религиозных догм, стереотипов, артефактов, этики, языка, символов и др.), сформированных единым историческим наследием; сводит их в отдельную субстанцию, присущую всей российской цивилизации; систематизирует, обеспечивая процесс поэтапной трансплантации в правовую, политическую и социальную реальность.

Принцип аутентичности. Объединяя различные социокультурные группы едиными цивилизационными узами, способствует осознанию каждого человека и общества в целом, себя частью государства-цивилизации [14, с. 7], уникального в своей совокупности явлений многокультурия и единой идеологии развития.

Принцип деглобализации. Само понятие глобализации не так однозначно, как представляется на первый взгляд. С одной стороны, это объективный процесс интернационализации экономик и народов различных государств (процесс сближения государств и обществ, их взаимного влияния в экономической, культурной, политической сферах жизни), с другой – «за видимостью свободной конкуренции и движения финансов скрывается власть (в экономике, политике и даже духовной жизни) «глобальных игроков», способных прямо или косвенно подчинять своему влиянию национальные государства, экономики, социальную, политическую и культурную жизнь народов, а также международные организации [15, с. 177]». Другими словами, в процессе глобализации содержатся как элементы, способствующие прогрессу (международный обмен опытом в технологической, научной,

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Владимир Путин огласил ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements%20/17118> (дата обращения: 11.08.2025).

культурной сферах), так и ведущие к утрате государственного суверенитета на внешнем и внутреннем уровнях в силу зависимости от сценариев, диктуемых властными элитами других государств и глобальных корпораций. Тенденции и смыслы, транслируемые другими государствами и находящие свое место в жизни россиян, так же как и обратный процесс, не является нежелательным или неестественным в условиях современности. Проблема видится в неразрывном смешении идентичных фундаментальных ценностей и смыслов российской цивилизации и тех, что привносятся из иных объединений народов. Соответственно, в этом сочетании формируется и правовое воплощение этого спаянного ценностного запроса, создавая конфликт традиций и инноваций. Видоизменяется не только сам перечень ценностных основ российской цивилизации, но их понимание. Концепция ценностно-правового ядра государства и общества предполагает изолированное рассмотрение фундаментальных ценностей определенного цивилизационного образования, формируемого на их основе запроса и правовую его реализацию. Россия открыта для обмена в области культуры, технологий, экономической сферы, для совместной деятельности государств, направленной на развитие всей человеческой семьи. Именно это создает пространство для глобализации в понимании утраты государством суверенитета и идентичности фактически существующих лишь в декларируемой форме. Члены социума, составляющие цивилизационное образование в своей совокупности, должны отделять свои идентичные фундаментальные ценности и смыслы от временных, изменчивых; осознавать и понимать смысл уникальной совокупности ценностей в соответствии с толкованием, сформированным в процессе эволюции русского мира. На современном этапе ценностно-правовой неопределенности российского социума принятие этого факта за основу дает импульс скоординированному формированию правовой действительности в соответствии с матрицей фундаментальных аутентичных ценностных

ориентиров государства-цивилизации. Этот процесс можно охарактеризовать как эволюцию государства в государство-цивилизацию, соответственно, как нивелирующий деструктивное содержание воздействия глобализации на развитие государства.

Заключение

Подводя итоги, предлагаем определить ценностно-правовое ядро государства и общества как политико-правовое явление, представляющее собой исторически сформировавшуюся, устойчивую систему духовно-нравственных, психологических, правовых, культурных, политических, идеологических констант, которые структурируют цивилизационную идентичность, интегрируют историческую память, а также основополагающие способы правотворчества и правоприменения в систему права и законодательства, обеспечивая преемственность правопонимания, правовой культуры, правосознания поколений.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что концепция ценностно-правового ядра заполняет лауну в теоретико-правовом знании. Она позволяет системно анализировать и прогнозировать реакции государства и общества на вызовы исходя из понимания их глубинных, аутентичных основ. В отличие от существующих подходов, акцент на константности и системности позволяет отделять традиционные фундаментальные ценности от временных и насаждаемых, что имеет высокую практическую значимость для законотворчества, государственного управления и образовательной политики. Перспективы исследования видятся в применении данной концепции для разработки конкретных механизмов синхронизации правовой политики с ценностно-правовым ядром, а также сравнительного анализа различных государств-цивилизаций.

Проведенное исследование позволило разработать и теоретически обосновать концепцию ценностно-правового ядра государства и общества. Введено в научный оборот и определено соответствующее понятие, выявлен комплекс его отличитель-

ных признаков и сформулированы основополагающие принципы. Установлено, что данное явление выполняет системообразующую функцию, обеспечивая цивилизационную идентичность, правовую преемственность и социальную консолидацию. Предложенная типология создает основу для диагностики состояния обще-

ства и государства. Внедрение концепции в научный и экспертный дискурс открывает новые возможности для углубленного понимания современных политико-правовых процессов в России, а также для выработки стратегических решений, направленных на укрепление национального суверенитета и устойчивое цивилизационное развитие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Скворцов В. П. Проблемы правосознания в учении Б. А. Кистяковского // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, ТГУ. 2001. № 4 (24). С. 73–76.
2. Тихомиров Ю. А. Правовое сознание в условиях социальной динамики // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 12. С. 1164–1171.
3. Сорокин В. В. Общее учение о государстве и праве переходного периода: монография // М.: Юрлитинформ, 2010. 422 с.
4. Шамаров В. М. Трансформация содержания понятия «правосознание» в условиях специальной военной операции // Военно-юридический журнал. 2024. № 5. С. 26–31.
5. Гуляихина В. Н. Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Юридические исследования. 2013. № 4. С. 135–158.
6. Русские ценности: Традиционные смыслы и их отражение в сознании современной молодежи: коллективная монография / С. В. Перевезенцев, А. В. Селезнева, Т. В. Евгеньева [и др.]. М.: Квадрига, 2024. 720 с.
7. Смоляков С. В., Бирюкова П. С., Левченко Е. В. Индуцированное бредовое расстройство // Innova. 2021. № 2 (23). С. 21–24.
8. Сериков А. В. Способность к игровому переживанию как условие устойчивости личности к психосоматическим расстройствам // Культурно-историческая психология. 2017. Т. 13, № 4. С. 118–126.
9. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Родина, 2025. 432 с.
10. Багдасарян В. Э., Лукашенко С. П. Традиционные ценности: стратегия цивилизационного возрождения / науч. ред. Ю. Ю. Иерусалимский. Ярославль, 2022. 248 с.
11. Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы // Россия в глобальной политике. 2004. Т. 2, № 3. С. 18–25.
12. Иванов В. В. Теория государства. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
13. Карасев А. П. Критический анализ теории поколений В. Штрауса и Н. Хоува // Право, экономика и управление: теория и практика: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 29 августа 2022 года / ред. Э. В. Фомин. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. С. 44–49.
14. Чжан В. Китай, нарратив цивилизационного государства и его значение (Zhang Weiwei. China, the Civilizational State Narrative and its Implications) // Российское китаеведение. 2023. № 2 (3). С. 7–15.
15. Бузгалин А. В. Альтернативы глобализации (еще раз о том, что такое глобализация) // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2002. № 17. С. 176–186.

REFERENCES

1. Skvortsov V. P. Problems of legal consciousness in the teachings of B. A. Kistyakovskiy // Bulletin of Tambov University. Series: Humanities, TSU. 2001. No. 4 (24). P. 73–76. (In Russ.)
2. Tikhomirov Yu. A. Legal consciousness in the context of social dynamics // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2020. Vol. 90, no. 12. P. 1164–1171. P. 73–76. (In Russ.)
3. Sorokin V. V. General doctrine of the state and the law of the transitional period: monograph. Moscow: Yurлитinform, 2010. 422 p. P. 73–76. (In Russ.)

4. Shamarov V. M. Transformation of the content of the concept of “Legal consciousness” in the context of a special military operation // Military law journal. 2024. No. 5. P. 26–31. P. 73–76. (In Russ.)
5. Gulyaikhina V. N. Legal culture as an object of scientific research: methodological approaches, structure, and evaluation criteria // Legal studies. 2013. No. 4. P. 135–158. P. 73–76. (In Russ.)
6. Russian values: traditional meanings and their reflection in the consciousness of modern youth: a collective monograph / S. V. Perevezentsev, A. V. Selezneva, T. V. Evgenyeva [et al.]. Moscow: Quadriga, 2024. 720 p. P. 73–76. (In Russ.)
7. Smolyakov S. V., Biryukova P. S., Levchenko E. V. Induced delusional disorder // Innova. 2021. No. 2 (23). P. 21–24. P. 73–76. (In Russ.)
8. Serikov A. V. The ability to experience gaming as a condition of personality resilience to psychosomatic disorders // Cultural-historical psychology. 2017. Vol. 13, no. 4. P. 118–126. P. 73–76. (In Russ.)
9. Kara-Murza S. G. Manipulation of consciousness. Moscow: Rodina, 2025. 432 p. P. 73–76. (In Russ.)
10. Baghdasaryan V. E., Lukashenko S. P. Traditional values: strategy of civilizational revival / scientific ed. Yu. Yu. Ierusalimsky. Yaroslavl. 2022. 248 p. P. 73–76. (In Russ.)
11. Zorkin V. D. Apology of the westphalian system // Russia in global politics. 2004. Vol. 2, no. 3. P. 18–25. P. 73–76. (In Russ.)
12. Ivanov V. V. Theory of the state. Moscow. Publishing house of the State University – Higher School of Economics, 2010. 288 p. P. 73–76. (In Russ.)
13. Karasev A. P. Critical analysis of the theory of generations by W. Strauss and N. Howe // Law, economics and management: theory and practice: proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference, Cheboksary, August 29, 2022 / ed. E. V. Fomin. Cheboksary: Limited liability company “Publishing House Sreda”, 2022. P. 44–49. P. 73–76. (In Russ.)
14. Zhang W. China, the civilizational state narrative and its implications // Russian sinology. 2023. No. 2 (3). P. 7–15. (In Russ.)
15. Buzgalin A. V. Alternatives to globalization (once again about what globalization is) // Diary of the Altai school of political studies. 2002. No. 17. P. 176–186. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Ю. Чумаченко, адъюнкт.

Information about the author:

A. Yu. Chumachenko, adjunct.

Статья поступила в редакцию 02.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 02.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ ТРАНСПОРТА БЕЗ ЛИЦЕНЗИИ**

Константин Александрович Власов

Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова,
Хабаровск, Россия, vka-mail@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные вопросы применения административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии. Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных представлений о сущности правового регулирования транспортной деятельности, а также в обосновании необходимости совершенствования системы лицензирования как элемента обеспечения правопорядка в экономической сфере. В статье установлено, что одной из причин распространенности деятельности без лицензии являются несовершенство механизмов государственного контроля и отсутствие эффективных санкций. Разработаны рекомендации для органов власти по оптимизации процедур лицензирования и контроля за предпринимательской деятельностью.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, лицензирование, незаконная перевозка, административная ответственность, правовое регулирование, лицензия.

Для цитирования: Власов К. А. Административная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 69–76.

Original article

**ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR CARRYING OUT BUSINESS
ACTIVITIES IN THE TRANSPORT SECTOR WITHOUT A LICENSE**

Konstantin A. Vlasov

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov,
Khabarovsk, Russia, vka-mail@mail.ru

Abstract. This article discusses certain issues related to the application of administrative liability for carrying out entrepreneurial activities in the field of transport without a license. The theoretical significance of the study lies in the development of scientific understanding of the essence of legal regulation of transport activities, as well as in justifying the need to improve the licensing system as an element of ensuring law and order in the economic sphere. The article establishes that one of the reasons for the prevalence of activities without a license is the imperfection of state control mechanisms and the lack of effective sanctions. Recommendations for government agencies to optimize the procedures for licensing and monitoring of entrepreneurial activities are developed.

Keywords: business activity, licensing, illegal transportation, administrative liability, legal regulation, license.

For citation: Vlasov K. A. Administrative responsibility for carrying out business activities in the transport sector without a license // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 69–76. (In Russ.)

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью выявления причин, способствующих функционированию нелегальных перевозчиков, анализа последствий такой деятельности для государства и добросовестного бизнеса, разработки предложений по совершенствованию механизма правового регулирования и лицензирования в сфере транспорта. В условиях цифровизации и внедрения интеллектуальных транспортных систем возрастает потребность в модернизации существующих нормативных правовых актов для повышения эффективности контроля и профилактики незаконной деятельности. Недобросовестные участники рынка пренебрегают требованиями к техническому состоянию транспорта и профессиональной подготовке персонала и обходят установленные нормы и правила.

Целью исследования является определение правовой природы, причин и последствий осуществления предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии. Для достижения данной цели необходимо решение задач, направленных на анализ действующего законодательства Российской Федерации в области лицензирования транспортной деятельности, выявление проблем и разработку предложений по повышению эффективности правоприменительной практики и совершенствованию системы государственного контроля.

Методы

Исследование базируется на изучении положений нормативных правовых актов и эмпирических источников. Проводится анализ законодательства Российской Федерации, регулирующего порядок лицензирования транспортной деятельности и правоприменительной практики в отношении лиц, осуществляющих перевозки без лицензии.

В качестве методов исследования используются анализ нормативно-правовой базы, системный и структурный методы. Анализ нормативно-правовой базы направлен на изучение федеральных законов и

нормативных актов в сфере лицензирования. Системный метод рассматривает предпринимательскую деятельность в области транспорта с позиции механизмов государственного контроля, принципов свободной конкуренции, вопросов безопасности и защиты прав потребителей. Структурный метод применяется для выделения и анализа субъектов незаконной деятельности, формы и последствия правонарушений при обходе лицензионных требований.

Результаты

Осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии представляет собой правовое, социальное и экономическое явление, которое противоречит установленным нормам федерального законодательства. Согласно правовому регулированию Федеральным законом от 4 мая 2011 г. № 99 «О лицензировании отдельных видов деятельности» обязательному лицензированию подлежат все виды пассажирских перевозок (за исключением перевозки силами пожарной охраны, полиции, медицинских служб и др.). Однако на практике широкое распространение получила деятельность в данной сфере без получения разрешительного документа [1, с. 17].

Перевозка пассажиров автобусами без лицензии осуществляется вне зоны правового регулирования и не обеспечивает надлежащий уровень контроля за техническим состоянием транспортных средств, профессиональной пригодностью водителей, их физическим и психологическим состоянием, соблюдением норм безопасности дорожного движения [2, с. 120]. Лицензионная модель предполагает наличие у перевозчика правового статуса (регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или создание юридического лица) и выполнение обязательных требований по снижению риска причинения вреда жизни и здоровью пассажиров.

Действующее законодательство требует от соискателя лицензии соблюдения ряда условий, среди которых наличие лицензии на осуществление медицинской деятельности

или заключенного договора с организацией, уполномоченной на проведение медицинских осмотров водителей, наличие ответственного за обеспечение безопасности дорожного движения, прошедшего аттестацию [3, с. 45]. Перевозчик обязан обеспечить оснащение автобусов тахографами, аппаратурой спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS, организовать техническое обслуживание и проводить технический контроль транспортных средств в установленные сроки, допускать к эксплуатации только автобусы, прошедшие технический и медицинский контроль перед рейсом или сменой, и осуществлять передачу информации о персонале и пассажирах в централизованные базы персональных данных [4, с. 39].

После получения лицензии предпринимательская деятельность по перевозке пассажиров остается под контролем со стороны государства – в форме плановых и внеплановых проверок, цель которых заключается в соответствии перевозчика установленным лицензионным требованиям, особенно в части соблюдения норм безопасности дорожного движения и правил эксплуатации транспортных средств [5, с. 188]. Перевозчик обязан поддерживать соблюдение требований на момент получения лицензии и регулярно подтверждать это в процессе осуществления деятельности.

Когда эти обязательные процедуры воспринимаются потенциальными перевозчиками как чрезмерно сложные, затратные и бюрократически обремененные, субъекты предпочитают обходить правовые механизмы регулирования и осуществлять деятельность без лицензии [6, с. 64]. Они не уплачивают государственную пошлину, не регистрируются в ЕГРИП или ЕГРЮЛ, не приобретают страховые полисы для пассажирских перевозок, не заключают договоры на медицинские осмотры и не ведут учет трудового времени водителей. В результате

они действуют вне пределов правового поля и формируют условия, при которых нарушаются права потребителей транспортных услуг и подвергается опасности их жизнь и здоровье.

Такой способ ведения деятельности называется частью 1 статьи 14.1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)¹, которая предусматривает административную ответственность за осуществление предпринимательской деятельности в области транспорта без лицензии. Повторное совершение аналогичного правонарушения по части 2 той же статьи влечет за собой серьезные последствия, включая конфискацию транспортного средства и приостановление деятельности на срок до 90 суток. Законодатель подчеркивает высокую степень общественной опасности подобных деяний и стремится пресечь их на корню посредством жестких санкций [7, с. 51].

Если субъект осуществляет деятельность по перевозке пассажиров для собственных нужд без регистрации в качестве предпринимателя и лицензии, его действия квалифицируются по части 1 статьи 19.20 КоАП РФ. Данная норма предусматривает в качестве санкции предупреждение, административный штраф, дисквалификацию, приостановление деятельности [8, с. 21]. Когда деяние носит систематический характер и приносит значительную прибыль, происходит возбуждение уголовного дела по статье 171 Уголовного кодекса Российской Федерации. Статья квалифицирует такие действия как незаконное предпринимательство. Так, согласно решению суда ООО «ТехноПром» было привлечено к административной ответственности за нарушение условий лицензии, связанное с отсутствием передачи информации о местоположении транспортных средств через систему «ЭРА-ГЛОНАСС»². Нарушение требований к оснащению авто-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Решение Свердловского областного суда № 72-695/2024 от 7 августа 2024 г. по делу № 72-695/2024. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CnEa0rfJelrV> (дата обращения: 12.04.2025).

бусов аппаратурой спутниковой навигации и обеспечению передачи навигационных данных относится к исполнению лицензионных условий допуска к перевозкам пассажиров автобусами. Следовательно, такое поведение подлежит квалификации по ст. 14.1.2 КоАП РФ: по ч. 3 – как нарушение условий лицензии, а при наличии признаков «грубости» (прямо указанных в Положении о лицензировании) – по ч. 4. Статья 12.31.1 КоАП РФ, напротив, регулирует эксплуатационные требования обеспечения безопасности уже законно осуществляемой деятельности; она применяется, когда речь идет о нарушениях правил безопасности движения, а не о несоблюдении условий допуска к деятельности. Отсюда общий критерий: все, что относится к «режиму допуска», – это зона ст. 14.1.2, а не ст. 12.31.1 [3].

В деле ООО «ТехноПром» ошибка состояла в вменении ч. 6 ст. 12.31.1 КоАП РФ при фактическом нарушении лицензионных условий. Поскольку элементы состава эксплуатационного правонарушения (ст. 12.31.1) не были доказаны, суд правомерно прекратил производство по п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием состава по вмененной норме. Корректная правовая оценка должна была проводиться в координатах ст. 14.1.2 КоАП РФ с определением конкретной части: ч. 3 – при «обычном» несоблюдении условий (например, неоснащении/неидентификации навигационной аппаратуры либо непередаче данных), ч. 4 – при «грубом» нарушении, влекущем возможность административного приостановления деятельности. Такая квалификация обеспечивает верный выбор санкции и защищает публичные интересы, ради которых установлен лицензионный режим: безопасность пассажиров, добросовестную конкуренцию и гарантии потребителя.

В качестве путей решения проблемы ошибочной правовой квалификации действий ООО «ТехноПром» можно предложить перекалфикацию правонарушения. Квалификация действий ООО «ТехноПром» должна быть изменена с одной статьи на другую. Действия компании квалифицированы по части 6 статьи 12.31.1

КоАП РФ. Отсутствие системы спутниковой навигации на транспортных средствах является нарушением лицензионных требований. Правомерно квалифицировать правонарушение по статье 14.1.2 КоАП РФ, которая касается нарушений лицензионных условий в транспортной деятельности. Отсутствие спутниковых систем на транспортных средствах является нарушением условий лицензированного вида деятельности [9, с. 427]. Статья 14.1.2 регулирует требования к лицензированным перевозчикам и обязательность установки таких систем в транспортных средствах. Перекалфикация правонарушения назначит справедливое наказание согласно действительным обстоятельствам.

В ходе повторного рассмотрения необходимо внимательно проанализировать все факты, которые подтверждают или опровергают наличие правонарушения. Правомерность действий приведет к неверной квалификации. Суду необходимо выяснить, действительно ли на транспортных средствах ООО «ТехноПром» отсутствовали спутниковые навигационные системы, является ли это нарушением лицензионных требований и на каких основаниях произошло нарушение. Следует выявить причины отсутствия системы навигации, временные рамки для ее установки или другие объективные факторы, в процессе повторного рассмотрения представить новые доказательства – экспертные заключения, отчеты и разъяснения по условиям лицензирования транспортных услуг. Нарушение условий лицензии должно квалифицироваться по статье 14.1.2 КоАП РФ, а не по статьям по безопасности перевозок. Разъяснение установит правовую квалификацию и избежать правовых неопределенностей [10, с. 26]. В случае установления факта нарушения лицензионных условий (неоснащение транспортных средств навигационными системами) следует скорректировать размер штрафа согласно санкциям за нарушение условий лицензии.

При принятии решения по неправильной квалификации административного правонарушения ООО «ТехноПром» суд исходил из

того, что компания привлечена к ответственности за нарушение ч. 6 ст. 12.31.1 КоАП РФ, связанное с необеспечением передачи информации о местоположении транспортных средств через систему ЭРА-ГЛОНАСС¹. Суд, анализируя обстоятельства дела ООО «ТехноПром», исходил из функционального критерия разграничения составов: нормы главы 12 КоАП РФ (включая ч. 6 ст. 12.31.1) охраняют текущую эксплуатационную безопасность движения (медосмотр, тахограф, навигация и передача данных и т. п.), тогда как ст. 14.1.2 защищает публичный порядок допуска к предпринимательской деятельности в области транспорта, то есть исполнение лицензионных требований как условий законного ведения этой деятельности. Поскольку инкриминированное «необеспечение передачи навигационных данных ЭРА-ГЛОНАСС» вытекает именно из лицензионных условий перевозок автобусами, такое поведение подлежит квалификации по ст. 14.1.2 КоАП РФ: по ч. 3 – как нарушение условий лицензии либо по ч. 4 – как грубое нарушение условий, если налицо признаки «грубости», перечисленные в Положении о лицензировании (перечень утвержден Правительством Российской Федерации). Привлечение же по ч. 6 ст. 12.31.1 КоАП РФ не подтверждено элементами состава, вследствие чего производство правомерно прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием состава административного правонарушения [3].

Критерий выбора между ч. 3 и ч. 4 ст. 14.1.2 КоАП РФ определяется характером несоблюдения лицензионных условий. Если выявлено «обычное» нарушение (например, разовый сбой в передаче данных при наличии организованных процедур контроля и устранении нарушений), применяется ч. 3. Если же нарушение относится к перечню «грубых» (системное неоснащение/неидентификация аппаратуры, отсутствие организационных элементов, прямо названных в Положении, игнорирование предписаний),

возможна квалификация по ч. 4 с риском административного приостановления деятельности до 90 суток. Для юридических лиц по ч. 3 предупреждение не применяется (санкция императивно штрафная), тогда как для должностных лиц и ИП закон допускает предупреждение при выполнении критериев ст. 4.1.1 КоАП РФ; при «грубости» вопрос о приостановлении решается с учетом конкретных обстоятельств и угрозы охраняемым интересам [4].

От правильной квалификации напрямую зависят и материальные, и процессуальные последствия. Неверная подмена лицензионного состава «эксплуатационным» приводит к неправильному выбору санкции, нарушает принцип соразмерности и единообразия практики и фактически лишает правоприменителя инструментов лицензионного контроля (включая приостановление деятельности при «грубости» и учет повторности). В ситуации «ТехноПром» это выразилось в том, что вмененная норма (ч. 6 ст. 12.31.1) не охватывала фактические признаки деяния как несоблюдение условий допуска, поэтому суд обоснованно прекратил дело по отсутствию состава вмененного правонарушения, указав на корректную плоскость квалификации – ст. 14.1.2 КоАП РФ [8].

Содержательно такая логика совпадает с доктринальной трактовкой лицензирования перевозок автобусами как публично-правового фильтра риска. Лицензионные требования – это не «технические мелочи», а проверяемые условия доступа к опасной деятельности, и их несоблюдение посягает на сам режим допуска, а не только на текущую эксплуатацию. Отсюда:

1. Отсутствие лицензии и нарушение ее условий – самостоятельные составы в рамках ст. 14.1.2 КоАП РФ.

2. «Навигационные» и иные «цифровые» элементы (ГЛОНАСС/ЭРА-ГЛОНАСС, передача данных) рассматриваются как элементы лицензионных условий, а не как малозначительные эксплуатационные дефекты.

¹ Решение Свердловского областного суда № 72-721/2024 от 28 августа 2024 г. по делу № 72-721/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/KF9y09xYh3db> (дата обращения: 12.04.2025).

3. При квалификации учитываются «грубость» и повторность, что влияет на вид и меру ответственности [1].

В материальном плане нарушение лицензионного порядка затрагивает базовые принципы правового регулирования экономической деятельности: добросовестную конкуренцию (нелегальный перевозчик искусственно снижает издержки, игнорируя обязательные расходы на исполнение условий), стандарты безопасности (отказ от технологической и организационной дисциплины повышает аварийные риски), защиту потребителя (пассажир теряет минимальные гарантии качества и прослеживаемости услуги) и общественную ответственность бизнеса. Легальный перевозчик принимает на себя обязанность поддерживать регулируемый и контролируемый процесс перевозки; уклонение же от лицензионных норм выводит деятельность в «серую» зону, где минимизируются издержки за счет безопасности, а риски перекладываются на общество [9].

Наконец, осуществление перевозок без лицензии вообще образует иной, более базовый состав ч. 1 ст. 14.1.2 КоАП РФ с самостоятельными правовыми, социальными и экономическими последствиями. Практика показывает устойчивость попыток обходить разрешительный режим (в том числе подменной «лицензионных» нарушений ссылками на эксплуатационные статьи), что требует от суда точного соблюдения функционального критерия при квалификации и учета актуальной редакции нормы (включая расширение перечня нарушений и детализацию санкций в последние годы) [8].

Вывод по делу ООО «ТехноПром» заключается в следующем. Установленные нарушения относятся к сфере исполнения лицензионных условий допуска к перевозкам пассажиров автобусами. Следовательно, оценка правомерности поведения должна проводиться в плоскости ст. 14.1.2 КоАП РФ, а не по ч. 6 ст. 12.31.1 КоАП РФ, которая регулирует иные, эксплуатационные требования безопасности уже законно осуществляемой деятельности. Применение

«чужой» нормы повлекло отсутствие признаков состава по вмененной статье и, как результат, прекращение производства по п. 2 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ за отсутствием состава правонарушения.

При корректной квалификации правоприменитель обязан определить, к какой части ст. 14.1.2 КоАП РФ относится выявленное поведение: к ч. 3 – если имеет место несоблюдение обычных лицензионных условий; к ч. 4 – если установлено «грубое» нарушение условий, прямо поименованных в лицензионном Положении; к ч. 1 – если деятельность ведется без лицензии как таковой.

От выбранной части зависят и меры воздействия: для юридического лица по ч. 3 законом предусмотрен штраф; при «грубости» по ч. 4 возможно административное приостановление деятельности; при повторности по ч. 2 применяются более строгие последствия. Такая адресная реакция восстанавливает баланс публичных интересов, для защиты которых и установлен лицензионный режим: безопасность пассажиров, добросовестная конкуренция на рынке услуг и гарантии потребителя.

Заключение

Осуществление предпринимательской деятельности в сфере пассажирских перевозок без лицензии является нарушением федерального законодательства с правовыми, социальными и экономическими последствиями. Несоблюдение обязательных лицензионных требований ставит под угрозу безопасность пассажиров и нарушает нормы конкуренции, приводит к рискам для здоровья и жизни людей. Практика незаконной деятельности в этой области остается актуальной, так как некоторые предприниматели предпочитают обходить бюрократические процедуры.

Правильная правовая квалификация нарушений при отсутствии лицензии является основой обеспечения справедливого правосудия. Ошибочная переквалификация правонарушений, как показано на отдельных примерах, может привести к юридическим неопределенностям и не-

правильным санкциям. Суды должны правильно учитывать обстоятельства дела с

учетом всех требований законодательства о лицензировании.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Исаев М. М. О некоторых вопросах возможности запрета на осуществление деятельности по перевозке пассажиров автобусами в случае создания опасности причинения вреда // Актуальные проблемы административного права и процесса. 2023. № 2. С. 15–19.
2. Чукреев А. А. Деятельность владельцев агрегаторов информации об услугах по перевозке пассажиров и багажа легковым такси – деятельность, создающая опасность причинения вреда? // Актуальные проблемы частного права. Казань, 2024. С. 119–122.
3. Исаев М. М. Лицензирование как универсальный разрешительный режим в сфере перевозок пассажиров автобусами // Современное общество и право. 2023. № 4 (65). С. 41–49.
4. Руткаускас С. И., Руткаускене М. П. Приостановление деятельности как мера административного воздействия, применяемая органом, осуществляющим лицензионный контроль деятельности по перевозкам пассажиров и багажа // Интернаука. 2022. № 6-4 (229). С. 38–39.
5. Юдина А. М. Некоторые особенности договорного регулирования деятельности исполнителей транспортных услуг по перевозке грузов и пассажиров // Уральский научный вестник. 2023. Т. 1, № 4. С. 184–190.
6. Семенов А. В., Васильева Е. Ю. Совершенствование процедуры лицензирования перевозок пассажиров автобусами // Вестник Государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова. 2024. № 4 (49). С. 63–65.
7. Исаев М. М. К вопросу о лицензировании перевозок пассажиров автобусами в Российской Федерации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2023. № 3 (67). С. 48–55.
8. Исаев М. М. Некоторые вопросы совершенствования института лицензирования перевозок пассажиров автобусами в целях предупреждения неоднократных нарушений требований по обеспечению безопасности дорожного движения // Безопасность дорожного движения. 2023. № 4. С. 19–23.
9. Копылова В. А. Административная ответственность за отсутствие лицензии на перевозку пассажиров и багажа // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования. Новосибирск, 2024. С. 425–433.
10. Ватолина А. А. Лицензирование как форма легитимации субъектов предпринимательства // Экономика. Социология. Право: материалы III Международной научно-практической конференции. Саратов, 2021. С. 25–27.

REFERENCE

1. Isaev M. M. On Some Issues of the Possibility of Prohibiting the Carriage of Passengers by Buses in the Event of a Danger of Causing Harm // Current Issues of Administrative Law and Procedure. 2023. No. 2. P. 15–19. (In Russ.)
2. Chukreev A. A. Activities of Owners of Information Aggregators on Passenger and Luggage Transportation Services by Light Taxi – Activities that Create a Danger of Causing Harm? // Current Issues of Private Law. Kazan, 2024. P. 119–122. (In Russ.)
3. Isaev M. M. Licensing as a Universal Permit Regime in the Sphere of Passenger Transportation by Buses // Modern Society and Law. 2023. No. 4 (65). P. 41–49. (In Russ.)
4. Rutkauskas S. I., Rutkauskene M. P. Suspension of Activities as an Administrative Measure Applied by the Body Exercising Licensing Control over Passenger and Baggage Transportation Activities // Internauka. 2022. No. 6-4 (229). P. 38–39. (In Russ.)
5. Yudina A. M. Some Features of Contractual Regulation of the Activities of Providers of Transport Services for the Transportation of Freight and Passengers // Ural Scientific Bulletin. 2023. Vol. 1, no. 4. P. 184–190. (In Russ.)
6. Semenov A. V., Vasilyeva E. Yu. Improving the Licensing Procedure for Passenger Transportation by Bus // Bulletin of the Admiral F. F. Ushakov State Maritime University. 2024. No. 4 (49). P. 63–65. (In Russ.)

7. Isaev M. M. On the Issue of Licensing Passenger Transportation by Bus in the Russian Federation // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2023. No. 3 (67). P. 48–55. (In Russ.)

8. Isaev M. M. Certain Issues of Improving the Institute of Licensing Passenger Transportation by Buses in Order to Prevent Repeated Violations of Road Safety Requirements // Road Safety. 2023. No. 4. P. 19–23. (In Russ.)

9. Kopylova V. A. Administrative Liability for the Lack of a License for the Transportation of Passengers and Baggage // Scientific Community of Students. Interdisciplinary Research. Novosibirsk, 2024. P. 425–433. (In Russ.)

10. Vatolina A. A. Licensing as a Form of Legitimization of Business Entities // Economics. Sociology. Law: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. Saratov, 2021. P. 25–27. (In Russ.)

Информация об авторе:

К. А. Власов, кандидат юридических наук.

Information about the author:

K. A. Vlasov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 13.11.2025; одобрена после рецензирования 10.12.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 13.11.2025; approved after reviewing 10.12.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 351.743:351.75 (470)

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ ОТ НАРКОТИКОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Виктор Васильевич Шумский¹, Владимир Васильевич Ткаченко²,
Василий Васильевич Колениченко³

^{1, 2, 3} Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина,
Белгород, Россия

¹ shumskvic121968@yandex.ru, ² tkachenkovlad@yandex.ru,

³ koleni4enko77@mail.ru

Аннотация. Наркотическая зависимость не только разрушает жизни людей, но и негативно сказывается на здоровье общества в целом, увеличивая уровень преступности, снижая производительность труда и приводя к экономическим потерям. Существующие механизмы административной ответственности часто оказываются неэффективными из-за ряда объективных и субъективных факторов.

В целях совершенствования реабилитационного процесса предлагается принять меры, связанные с лечением, созданием поддерживающего окружения, защитой прав наркопотребителей после прохождения курса реабилитации, и возможности бывшим пациентам обрести новые навыки и умения, необходимые для успешного трудоустройства.

Ключевые слова: наркомания, наркотизация, наркотические средства, потребление наркотиков, незаконный оборот наркотиков, профилактика наркомании, реабилитация, комплексный подход, административные правонарушения.

Для цитирования: Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В. К вопросу защиты населения от наркотиков: актуальные проблемы и решения // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 77–82.

Original article

THE ISSUE OF PROTECTING THE POPULATION FROM NARCOTICS: CURRENT PROBLEMS AND SOLUTIONS

Viktor V. Shumsky¹, Vladimir V. Tkachenko², Vasily V. Kolenichenko³

^{1, 2, 3} Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin,
Belgorod, Russia

¹ shumskvic121968@yandex.ru, ² tkachenkovlad@yandex.ru,

³ koleni4enko77@mail.ru

Abstract. Drug addiction not only destroys people's lives, but also has a negative impact on the health of society as a whole, increasing crime rates, reducing labor productivity, and causing economic losses. Existing mechanisms for administrative responsibility are often ineffective due to a combination of objective and subjective factors.

In order to improve the rehabilitation process, it is proposed to implement a set of measures related to treatment, creating a supportive environment, protecting the rights of drug users after completing rehabilitation, and providing opportunities for former patients to acquire new skills and abilities necessary for successful employment.

Keywords: drug addiction, drug abuse, drugs, drug consumption, drug trafficking, drug prevention, rehabilitation, comprehensive approach, administrative offenses.

© Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В., 2026

For citation: Shumsky V. V., Tkachenko V. V., Kolenichenko V. V. The issue of protecting the population from narcotics: current problems and solutions // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 77–82. (In Russ.)

Введение

В настоящее время наркотизация общества является серьезной проблемой, затрагивающей все слои населения. Понимание факторов, способствующих началу употребления наркотиков, требует глубокого анализа социальных, психоэмоциональных и биологических аспектов. Наркотическая зависимость не только разрушает жизни людей, но и негативно сказывается на здоровье общества в целом, увеличивая уровень преступности, снижая производительность труда и приводя к экономическим потерям. Эффективное решение проблемы требует комплексного подхода, включающего в себя как предотвращение, так и лечение зависимостей.

Методы

Исследование основано на комплексном использовании общенаучных методов познания в совокупности с эмпирическими и теоретическими подходами.

Результаты

Одна из проблем борьбы с наркоманией находится в психологической плоскости – неясность жизненного пути у истоков становления личности, отсутствие целей у человека, масса свободного времени, ощущение внутренней пустоты и одиночества [1, с. 83].

Потребление наркотиков остается одной из наиболее острых социальных проблем современности, представляя серьезную угрозу для здоровья населения, безопасности общества и экономического развития страны. Несмотря на наличие законодательной базы, направленной на борьбу с наркоманией, практика применения административной ответственности за потребление наркотиков сталкивается с рядом существенных проблем, снижающих эффективность мер профилактики и ресоциализации наркозависимых лиц.

Число несовершеннолетних, которым рекомендовано обратиться в лечебные учреждения в связи с употреблением наркотических веществ, согласно данным комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Белгородской области за 2024 год – 29, однако обратились всего 12. Вместе с тем комиссией рассмотрено административных материалов по ст. 6.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) 18, по ч. 2 ст. 20.20 КоАП РФ – 22¹.

В соответствии с данными, полученными из УМВД России по Белгородской области, за период с 2023 по 2024 г. по административным правонарушениям, пре-

Таблица

Совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 6.8, 6.9, 20.20 (ч. 2, 3) КоАП РФ, в Белгородской области, за период с 2023 по 2024 г.

Статья	Общее количество дел		в т.ч. совершенные несовершеннолетними		2024			2023		
	2024	2023	2024	2023	суд	мвд	кдн	суд	мвд	кдн
6.8	99	95	0	2	94	3	0	83	1	1
6.9	1038	1068	18	14	982	10	18	988	0	12
20.20 ч.2, 3	1268	1326	22	30	536	710	22	594	700	27
ВСЕГО	2405	2489	36	46	1612	723	36	1665	701	40

¹ Статистический отчет о деятельности территориальных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав муниципальных районов и городских округов Белгородской области за 2024 год. URL: https://belregion.ru/documents/Статистический_отчет_2024_год.xlsx (дата обращения 27.09.2025).

дусмотренным ст. 6.8, 6.9, 20.20 (ч. 2, 3) КоАП РФ, можно проследить следующую динамику (таблица)¹.

Анализ данных показывает, что наметилась динамика к снижению совершения таких правонарушений в связи с частичным блокированием каналов поступления наркотиков на территорию Белгородской области.

Существующие механизмы административной ответственности часто оказываются неэффективными из-за ряда объективных и субъективных факторов. Несовершенство законодательства, недостаток ресурсов для проведения профилактических мероприятий и реабилитации, а также слабая координация действий различных государственных органов приводят к тому, что административная ответственность за потребление наркотиков не всегда достигает своей цели – предупреждения правонарушений и помощи зависимым людям. Кроме того, следует учитывать постоянно меняющуюся картину употребления наркотиков, появление новых психоактивных веществ и необходимость адаптации законодательства к этим изменениям.

Доказательство факта употребления наркотиков зачастую сопряжено с трудностями. Для установления данного факта требуются специальные методы исследования (например, анализ крови, мочи), которые не всегда доступны или проводятся несвоевременно. Отсутствие объективных и достоверных доказательств может привести к освобождению виновных лиц от ответственности.

Один из основных факторов, способствующих употреблению наркотиков, – это социальное окружение. Люди, находящиеся в группах, где употребление наркотиков становится нормой, имеют больше шансов на вовлечение в эту практику. Друзья и сверстники могут оказывать давление, подталкивая к первому употреблению. Особенно это характерно для молодежи, которая часто стремится соответствовать ожиданиям сверстников, что может вести к рисковому поведению.

На уровень наркотизации оказывают влияние такие факторы, как социально-эко-

номическое положение, развитие «клубной» молодежной субкультуры. Поэтому, наряду с занятостью и карьерными перспективами, одним из важных факторов социализации молодежи является вовлечение ее в созидательные процессы.

В связи с ростом незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, которые оказывают серьезное влияние на все аспекты общественной жизни во всех странах, государство обязано принимать соответствующие меры для противодействия указанной проблеме.

Стоит отметить, что незаконный оборот наркотических средств накладывает негативные отпечатки как на общество и государство в целом, так и на такие сферы жизни, как образование, здравоохранение, социально-экономические отношения.

Безусловно, необходимо проводить культурные и профилактические мероприятия среди молодежи и органов власти. Конечно же, важно усовершенствовать законодательство на основе анализа практики в государстве [2, с. 23].

Употребление наркотиков обусловлено множеством факторов, включая социальные, психологические, биологические и культурные аспекты. Понимание этих факторов крайне важно для разработки эффективных стратегий профилактики и лечения зависимостей. Решение проблемы требует комплексного подхода, включающего образование, поддержку и терапию. Программы профилактики, основанные на сочетании социальной, эмоциональной и образовательной деятельности, более эффективны, чем просто узкоспециализированные меры.

Подвергнутые анализу фактические данные свидетельствуют о том, что незаконный оборот наркотических средств является фактором, представляющим угрозу общественному порядку, общественной безопасности и здоровью людей, обуславливает высокую смертность группы населения, втянутой в наркопотребление [3, с. 82].

¹ УМВД России по Белгородской области // 31.мвд.рф. (дата обращения: 28.09.2025).

Существующая система профилактики наркомании зачастую носит формальный характер и не учитывает специфику различных социальных групп и регионов. Отсутствие комплексного подхода ослабляет результативность профилактических мер.

Осуществляется недостаточное количество культурных мероприятий, направленных на раскрытие опасности потребления и распространения наркотиков. И, конечно же, большой поток негативной информации содержится в сети Интернет, которая пропагандирует оборот наркотиков [4, с. 729].

Излишне говорить о том, что административное наказание влечет определенные негативные последствия, к примеру:

- могут лишиться права управления транспортным средством (если есть подозрение, что лицо село за руль в состоянии наркотического опьянения);

- могут поставить на учет в наркологическом диспансере, о чем станет известно работодателю;

- информация о привлечении к административной ответственности будет занесена в базу МВД, что тоже не пойдет на пользу, деловая репутация будет подорвана.

Отметим, что с научной точки зрения административные правонарушения считаются звеньями в цепи формирования преступного поведения [5, с. 151]. Как отмечает А. Н. Дерюга, «целенаправленно исследование степени зависимости административных правонарушений и преступлений никто не занимался, однако и без этого можно с уверенностью сказать, что количество первых часто перерастает в качество вторых» [6, с. 128].

В некоторых странах обсуждается вопрос о декриминализации потребления наркотиков, что вызывает острые дискуссии. Сторонники декриминализации утверждают, что это позволит снизить нагрузку на правоохранительные органы и нап्रा-

вить ресурсы на лечение и реабилитацию наркозависимых. Однако противники этого подхода указывают на потенциальный рост потребления наркотиков и связанные с этим негативные социальные последствия. Даже при привлечении к административной ответственности система реабилитации наркозависимых часто оказывается недостаточно развитой.

Если говорить о противодействии наркотизации населения, то нужно обязательно вспомнить, что в настоящее время Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 утверждена и приведена в действие Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, цель которой заключается в сокращении числа больных наркоманией, а также лиц, которым установлен диагноз «пагубное потребление наркотиков»¹.

По нашему мнению, необходимо больше внимания уделять молодому населению страны. Работа с молодежью по профилактике совершения преступлений в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ положительно повлияет на снижение уровня преступности [7, с. 104].

Ежегодно Росмолодежь проводит все-российские и региональные молодежные образовательные форумы, цель которых – создание позитивной альтернативы вовлечению молодежи в социально-негативную деятельность, в том числе в употребление наркотиков [8, с. 105].

В данном контексте интересна практика Белгородской области в привлечении религиозных организаций к реабилитации лиц, употребляющих наркотические вещества. В 2013 году в селе Малые Маячки Прохоровского района Белгородской области основан и эффективно функционирует митрополичий реабилитационный центр «Воскресение». В задачу центра входит реабилитация боль-

¹ Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733. Доступ из информационно-правового портала «Гарант».

ных наркоманий, нуждающихся в помощи, желающих избавиться от пагубного пристрастия и духовно очиститься, сделать это в естественных природных условиях. Одновременно митрополичий реабилитационный центр «Воскресение» может принять более двух десятков наркозависимых граждан.

В то же время хотелось бы обратить внимание на малочисленный штат отделов и служб подразделений по контролю за оборотом наркотиков, а особенно в территориальных ОМВД России на районном уровне [9].

Актуальность данной проблемы и взаимодействие с государственными органами и общественными организациями несомненно будут формировать среду, в которой наркотики не будут являться способом уйти от жизненных трудностей. Необходимо уделять внимание причинам и условиям возникновения наркотической зависимости без боязни отторжения общества. Правовая пропаганда и профилактика, направленные на недопущение употребления запрещенных веществ, развитие программ антинаркотической реабилитации станут залогом будущего без наркотиков.

В целях совершенствования реабилитационного процесса, по нашему мнению, необходимо реализовать следующие меры:

- разрабатывать персонализированные программы лечения, учитывающие потребности конкретного наркозависимого человека;
- помимо медицинской помощи, должна проводиться работа с семьей и близкими людьми пациента, направленная на создание поддерживающего окружения. Важно также обеспечить доступ к психотерапии, групповым занятиям и программам социального восстановления;

– организационно-правовые меры, направленные на защиту прав наркопотребителей после прохождения курса реабилитации, позволят снизить социальную изоляцию и повысить шансы на успешную интеграцию в общество;

– создание специализированных центров профессионального обучения и карьерного сопровождения даст возможность бывшим пациентам обрести новые навыки и умения, необходимые для успешного трудоустройства;

– повышение уровня информированности населения о проблемах наркотической зависимости и путях преодоления стереотипов способствует формированию позитивного отношения к лицам, прошедшим реабилитацию.

Заключение

Эффективная система реабилитации предполагает комплексный подход, включающий медицинскую помощь, социальное сопровождение, профессиональное обучение и мероприятия по повышению осведомленности общества. Только совместными усилиями государства, медицинских учреждений, общественных организаций и самих пациентов можно добиться положительных результатов в борьбе с наркоманией.

Таким образом, совершенствование правовой базы, правоприменительной деятельности, формирование ядра кадрового состава подразделений по контролю за оборотом наркотиков МВД России высококвалифицированными специалистами даст возможность более эффективно применять меры административного принуждения, повысить уровень индивидуальной и общей профилактики, успешно решить задачи по реабилитации больных наркоманией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дружинина Л. В. Субъект преступлений, предусмотренных ст. 228, 228.1 УК РФ // Проблемы науки. 2019. № 12 (48). С. 81–85.
2. Павловская Н. В. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 28 с.
3. Щербич А. Н. К вопросу о состоянии и тенденциях наркопреступности в Российской Федерации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 2 (47). С. 77–83.
4. Ганаева Е. Э. Коррупция в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Молодой ученый. 2019. № 24 (104). С. 728–730.

5. Каневский Л. Л. Актуальные проблемы совершенствования ранней профилактики преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних // Правоведение. 1999. № 1 (224). С. 151–159.
6. Дерюга А. Н., Шаклеин С. Н. Административная пенология: современные предпосылки исследования // Административное право и процесс. 2021. № 5. С. 28–33.
7. Сурхаев А. Д., Михайлов В. С. Незаконный оборот наркотических средств: к вопросу употребления и распространения молодым населением в современной России // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. 2025. № 1(56). С. 99–105.
8. Куликов А. В., Шелег О. А. Особенности субъективной стороны незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: научная полемика и меры предупреждения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 3. С. 102–107.
9. Мовсесян А. Э. Проблемы квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 1. С. 110–112.

REFERENCES

1. Druzhinina L. V. The subject of crimes under Articles 228, 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Problems of Science. 2019. No. 12 (48). P. 81–85. (In Russ.)
2. Pavlovskaya N. V. Corruption in the field of countering drug trafficking: criminological and criminal law aspects: abstract of the dissertation. ... Candidate of Law. Moscow, 2016. 28 p. (In Russ.)
3. Shcherbich A. N. On the state and trends of drug crime in the Russian Federation // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (47). P. 77–83. (In Russ.)
4. Ganaeva E. E. Corruption in the field of countering illicit drug trafficking: criminological and criminal law aspects // Young Scientist. 2019. No. 24 (104). P. 728–730. (In Russ.)
5. Kanevsky L. L. Current Issues in Improving Early Prevention of Crimes and Other Delinquencies by Minors // Jurisprudence. 1999. No. 1 (224). P. 151–159. (In Russ.)
6. Deryuga A. N., Shaklein S. N. Administrative Penology: Modern Research Prerequisites // Administrative Law and Procedure. 2021. No. 5. P. 28–33. (In Russ.)
7. Surkhaev A. D., Mikhailov V. S. Illicit Drug Trafficking: On the Use and Distribution of Drugs by Young People in Modern Russia // Bulletin of Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. 2025. No. 1 (56). P. 99–105. (In Russ.)
8. Kulikov A. V., Sheleg O. A. Features of the Subjective Aspect of Illicit Trafficking in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, and Their Analogs: Scientific Debate and Prevention Measures // Laws of Russia: Experience, Analysis, and Practice. 2023. No. 3. P. 102–107. (In Russ.)
9. Movsesyan A. E. Problems of Qualifying Crimes Related to Illicit Trafficking in Narcotic Drugs, Psychotropic Substances, or Their Analogs // Humanities, Social Sciences, and Economics. 2018. No. 1. P. 110–112. (In Russ.)

Информация об авторах:

В. В. Шумский, без ученой степени;
В. В. Ткаченко, кандидат экономических наук, доцент;
В. В. Колениченко, без ученой степени.

Information about the authors:

V. V. Shumsky, no academic degree;
V. V. Tkachenko, Candidate of Economics, Associate Professor;
V. V. Kolenichenko, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 15.10.2025; одобрена после рецензирования 01.12.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 15.10.2025; approved after reviewing 01.12.2025; accepted for publication 19.03.2026.

**НАСЛЕДОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ СТОЛКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР:
ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ РАЗДЕЛА ИМУЩЕСТВА И ИМПЕРАТИВНЫЕ
НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ксения Александровна Киселёва

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

aksinya.verner@list.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному междисциплинарному анализу правовых и этнопсихологических коллизий, возникающих в сфере наследственного права в полиэтничном российском обществе. Исследуется противоречие между императивными нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (часть третья)¹ (далее – ГК РФ), основанными на либерально-индивидуалистической парадигме, и традиционными этнокультурными системами наследования, базирующимися на принципах коллективизма, родовой иерархии и сакрального отношения к родовому имуществу. На основе анализа доктринальных позиций в области юридической антропологии (В. А. Тишков, Н. И. Новикова), цивилистики (А. Л. Маковский, О. Ю. Шилов) и этнопсихологии (Т. Г. Стефаненко) выделяются ключевые точки напряжения: приоритет мужского наследования, концепция неделимости «родительского гнезда» и родовой земли, неприятие завещательных свобод, ограничивающих права членов рода. Автор доказывает, что прямое игнорирование этих традиций правоприменителем ведет к социальной дестабилизации, а их слепая легитимация – к подрыву единого правового пространства. В работе предлагается модель дифференцированного подхода, сочетающего строгое соблюдение императивных норм ГК РФ при судебном разрешении споров с активным использованием на досудебной стадии примирительных процедур (медиации), адаптированных к культурному контексту. Обосновывается необходимость разработки методических рекомендаций для нотариусов и судей в полиэтничных регионах по выявлению и учету этнокультурного фактора в рамках оценки добросовестности и согласия наследников, а также усиления правового просвещения с учетом этнопсихологических особенностей восприятия права. Делается вывод о необходимости восприятия наследственного права не только как техники перераспределения имущества, но и как социально-психологического института, требующего культурно-чувствительного подхода в правоприменении.

Ключевые слова: наследственное право, этнокультурные традиции, обычай, правовой плюрализм, Гражданский кодекс Российской Федерации, юридическая антропология, этнопсихология, медиация, нотариальная практика, столкновение культур.

Для цитирования: Киселёва К. А. Наследование в условиях столкновения культур: этнические традиции раздела имущества и императивные нормы Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 83–89.

Original article

**INHERITANCE IN THE CONTEXT OF CULTURE CLASHES:
ETHNIC TRADITIONS OF PROPERTY DIVISION AND MANDATORY NORMS
OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

Ksenia A. Kiseleva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russia, aksinya.verner@list.ru

Abstract. This article is devoted to a comprehensive interdisciplinary analysis of legal and ethnopsychological conflicts arising in the field of inheritance law in a multiethnic Russian society. The article examines the contradiction between the mandatory norms of the Civil Code of the Russian Federation (Part Three) (hereinafter – CC RF), based on a liberal-individualistic paradigm, and traditional ethnocultural systems of inheritance based on the principles of collectivism, clan hierarchy, and a sacred attitude towards ancestral property. Based on the analysis of doctrinal positions in the field of legal anthropology (V. A. Tishkov, N. I. Novikova), civilistics (A. L. Makovsky, O. Yu. Shilokhvost), and ethnopsychology (T. G. Stefanenko), key points of tension are identified: the priority of male inheritance, the concept of the indivisibility of the «parental nest» and ancestral land, and the rejection of testamentary freedoms that limit the rights of family members. The author argues that the direct disregard of these traditions by law enforcers leads to social destabilization, while their blind legitimization undermines a unified legal framework. The paper proposes a differentiated approach that combines strict adherence to the mandatory provisions of the Russian Civil Code in judicial dispute resolution with the active use of pre-trial conciliation procedures (mediation) adapted to the cultural context. The paper substantiates the need to develop methodological recommendations for notaries and judges in multiethnic regions to identify and consider ethnocultural factors in assessing the good faith and consent of heirs, as well as to strengthen legal education, taking into account the ethnopsychological characteristics of law perception. The article concludes that inheritance law must be viewed not only as a technique for the redistribution of property, but also as a socio-psychological institution requiring a culturally sensitive approach in law enforcement.

Keywords: inheritance law, ethnocultural traditions, custom, legal pluralism, Civil Code of the Russian Federation, legal anthropology, ethnopsychology, mediation, notarial practice, clash of cultures.

For citation: Kiseleva K. A. Inheritance in the context of culture clashes: ethnic traditions of property division and mandatory norms of the Civil code of the Russian Federation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 83–89. (In Russ.)

Введение

В современной юридической науке Российской Федерации приобретает особую актуальность проблема нормативного регулирования взаимодействия публичной власти и носителей различных культурных идентичностей. Единство правового поля государства, обусловленное целостностью его геополитического пространства, детерминирует процесс взаимной адаптации не только социокультурных практик, но и правовых норм, закрепленных в законодательстве Российской Федерации. Данный процесс порождает феномен региональной вариативности в применении единых предписаний федерального законодательства, что проявляется в схожести и одновременно существенном различии правоприменительных подходов, обусловленных локальными культурными особенностями. Подобная ситуация вступает в системное противоречие с фундаментальным принципом единства государственной власти и единообразия пра-

воприменения на всей территории Российской Федерации.

Так, наследственное право, закрепленное в части третьей ГК РФ, представляет собой квинтэссенцию либеральных цивилистических начал: свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ), формального равенства наследников по закону (ст. 1141 ГК РФ), примата индивидуальной воли над коллективным интересом. Однако правовая реальность в полиэтнической Российской Федерации сталкивается с альтернативными нормативными системами – этнокультурными традициями наследования, которые формировались веками и остаются мощным регулятором социальных отношений в многонациональных коллективах. Вышеупомянутые традиции, будучи неформальными, обладают высокой психологической легитимностью в своей среде, порождая ситуацию глубокого межкультурного конфликта на уровне правосознания и правоприменения [1, с. 205].

В частности, ключевой пример коллизии формального и традиционного права обнаруживается в сфере наследственных отношений. Принцип свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ), являющийся краеугольным камнем либеральной цивилистики, вступает в системное противоречие с устоявшимися этнокультурными традициями ряда народов России, например с обычаем наследования родового имущества исключительно по мужской линии.

Типична ситуация, когда завещание, правомерно составленное в пользу дочери (или иного лица, не соответствующего традиционному критерию), оспаривается представителями рода. Основанием для оспаривания служит не формальный дефект волеизъявления, а его содержательное несоответствие коллективной норме, обладающей в данной среде высшей легитимностью. Хотя суд, исходя из примата индивидуальной воли, обязан защитить права наследника по завещанию, правоприменительный акт зачастую не разрешает, а консервирует конфликт. Победитель в юридическом процессе может быть фактически лишен возможности реализовать свое право в силу непреодолимого социального давления и непризнания решения общиной.

Таким образом, единая норма ГК РФ наталкивается на вариативность правоприменительных последствий, обусловленную не правовой, а социокультурной реальностью, что ставит под сомнение практическое воплощение принципа единства гражданско-правового регулирования на всей территории Российской Федерации.

Отметим, что в силу многоаспектности, проблемы межнациональных (межэтнических) конфликтов, охватывающих все сферы общественной жизни, до сих пор не нашли своего полного разрешения. Президент России В. В. Путин многократно высказывал свою озабоченность по поводу работы системы мониторинга межэтнических конфликтов, отмечая, что «в настоящее время она только

регистрирует произошедшие события, вместо того чтобы выявлять потенциальные точки напряженности и возможные угрозы»¹.

Несомненно, управление межэтническими отношениями неразрывно связано с активным изучением этнических ценностей, проявляющихся в процессе коммуникативного диалога государства и граждан, что, в свою очередь, определяется во многом совокупностью факторов, где далеко не последнее место занимают такие социально-правовые феномены, как культура и психология [2, с. 191].

Методы

Решение поставленных задач осуществлялось на основе современных общенаучных методов познания, таких как анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия, сравнение, абстрагирование, обобщение и классификация, а также специальных методов, включая сравнительно-правовой и социологический.

Результаты

Действующее российское законодательство допускает обычай как источник права (ст. 5 ГК РФ), однако его применение в наследственных отношениях крайне ограничено императивным характером большинства норм раздела V ГК РФ. Как отмечает А. Л. Маковский, наследственное право в своей основе публицистично, так как регулирует переход прав в момент, когда волеизъявление собственника уже не может быть исправлено [3, с. 78]. Этнокультурная традиция, в свою очередь, согласно исследованиям юридического антрополога В. А. Тишкова, функционирует как «живое право», основанное не на письменной норме, а на коллективном восприятии, санкциях общественного мнения и психологической привязанности к родовым устоям [4, с. 112].

Яркой иллюстрацией противоречия между императивными нормами ГК РФ и «живым правом» традиции служит практика наследования родового имущества (например, родовых земель или дома-крепости – «гала»)

¹ Татьяна Замахина. Путин поручил скорректировать Стратегию государственной национальной политики // Российская газета. 2023. 17 мая.

в республиках Северного Кавказа. Согласно местным обычаям, такое имущество неразрывно связано с родом (тейпом, фамилией) и не может быть выведено из его владения, переходя строго по мужской линии.

Наследник по закону или завещанию, не соответствующий данному традиционному критерию (например, дочь, вышедшая замуж в другой род), сталкивается с непреодолимым социальным сопротивлением, несмотря на формальную законность своих прав. Санкцией за нарушение обычая становится не судебный иск, а мощное давление общественного мнения, бойкот или даже насильственное воспрепятствование владению.

Таким образом, императивная норма части третьей ГК РФ, гарантирующая переход имущества к указанному наследнику, де-юре побеждает, но де-факто оказывается парализованной неформальным, но легитимным в своей среде обычаем-вето. Это подтверждает тезис о публицистичности наследственного права, которое в подобных случаях не столько регулирует переход прав, сколько фиксирует правовой тупик, возникший из-за столкновения двух несовместимых нормативных систем в «моменте истины» – после смерти наследодателя.

Накопленный эмпирический и теоретический материал позволяет осуществить типологизацию основных форм исследуемого противоречия. Картография этих коллизий эксплицирует не случайные расхождения, а устойчивые парадигмальные разрывы между легалистским подходом формального права и коммунитарной природой традиционного нормативного регулирования.

Между тем ключевые точки коллизий могут быть систематизированы следующим образом:

1. Свобода завещания против родовой императивности.

Традиционные системы (особенно на Кавказе, а также в отдельных регионах Си-

бири) часто в императивном порядке предписывают порядок наследования (принцип майората – переход к старшему сыну, недопустимость отчуждения родовой земли/дома «чужакам», в том числе по завещанию) [5; 6]. Завещание, нарушающее эти каноны, воспринимается не как реализация свободы, а как акт социального предательства, что ведет к оспариванию его по ст. 1131 ГК РФ под надуманными предлогами (давление, неспособность отдавать отчет)¹.

2. Формальное равенство долей против иерархического распределения.

Текст норм ст. 1142, 1143 ГК РФ о равных долях наследников одной очереди вступает в противоречие с традиционным приоритетом мужчин над женщинами, старших над младшими, кровных родственников над супругами. Психологически для носителя традиционной культуры раздел имущества поровну между сыном и дочерью может восприниматься как глубоко несправедливый.

3. Индивидуальная собственность против коллективной родовой собственности.

Юридическая конструкция общей долевой собственности наследников (ст. 1164 ГК РФ) плохо соответствует традиционному представлению о неделимости «родительского дома» или родовой земли. Фактический отказ от раздела с сохранением имущества в общем пользовании при юридически оформленных долях создает почву для долгосрочных конфликтов и «спящих» прав» [7, с. 311].

С точки зрения этнопсихологии, по Т. Г. Стефаненко, указанные традиции выполняют ключевые социально-психологические функции: поддержание целостности и иерархии рода, сохранение идентичности через связь с родовой землей (место как центр памяти), обеспечение социальной защиты через механизмы взаимной ответственности [8, с. 205]. Нарушение этих норм вызывает не просто имущественный спор, а экзистенциальную угрозу целостности социальной

¹ О признании недействительным завещания под влиянием заблуждения, связанного с культурными особенностями: определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 июля 2021 г. по делу № 18-КГ21-8-К6. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

группы, что объясняет высочайшую эмоциональную напряженность таких конфликтов. Нотариус или суд, действующие строго в рамках ГК РФ, в глазах общественности могут восприниматься как деструктивный внешний элемент, что, в свою очередь, подрывает авторитет государства и приводит к уходу конфликта в «тень» (неформальные суды старейшин, самосуд).

Суды, следуя принципу верховенства федерального закона, как правило, отказывают в применении обычая, если он прямо противоречит императивной норме (например, отказывают в признании преимущественного права старшего сына). Однако это не решает конфликт, а лишь переводит его в латентную фазу. Более того, возникает проблема квалификации: попытки признать завещание недействительным под предлогом «непонимания» завещателем последствий (ст. 177 ГК РФ) из-за культурных установок или доказательств «порочащих обстоятельств» наследника, не соответствующего традиционному моральному облику. Суд оказывается в роли невольного арбитра в ценностном споре, для которого у него нет легальных полномочий.

Рассмотрение возможностей разрешения выявленных коллизий требует дифференцированного подхода, выделяя меры, осуществимые в рамках действующего правового поля (*de lege lata*), и концептуальные предложения по совершенствованию законодательства (*de lege ferenda*).

В этих целях целесообразным представляется развитие следующих направлений:

1. Приоритет превентивных и примирительных процедур. Ключевой стратегией гармонизации коллизий является смещение акцента с постудебного разрешения споров на их предупреждение и досудебное урегулирование. Реализация данного подхода предполагает развитие двух взаимодополняющих направлений.

1.1. Развитие института культурно-сенситивной медиации. Для обеспечения легитимности процедуры и эффективного учета неформальных нормативных систем целесообразно включать в медиационный процесс в качестве ассистирующих медиаторов

авторитетных и одновременно правограмотных представителей соответствующего локального сообщества. Это создает необходимый баланс между правовыми стандартами и традиционными устоями.

1.2. Специализированная подготовка нотариусов в полиэтничных регионах. На нотариуса возлагается превентивная функция по диагностике потенциальных конфликтов на стадиях удостоверения завещания и открытия наследства. В рамках разъяснительной работы, выступающей инструментом «мягкой силы», нотариус способствует осознанию наследодателем не только юридических, но и социально-правовых последствий его волеизъявления. Информирование об альтернативных инструментах, таких как завещательный отказ или возложение (ст. 1137, 1139 ГК РФ), позволяет минимизировать конфликтогенный потенциал решения [9, с. 22].

2. Гибкая интерпретация и применение инструментария ГК РФ. Несомненно, реализация существующих гражданско-правовых институтов с учетом социального контекста может смягчить остроту противоречий. Для этого необходимо:

2.1. Активное содействие заключению соглашения о разделе наследства (ст. 1165 ГК РФ). Нотариусы и суды должны стимулировать наследников к использованию данного механизма, допуская в его рамках отступление от принципа равенства долей в пользу распределения, соответствующего традиционным представлениям, при условии добровольного и информированного согласия всех участников. Критически важным становится обеспечение реальной свободы воли наследников, в особенности тех, кто может подвергаться скрытому социальному давлению.

2.2. Расширительное толкование оснований преимущественного права (ст. 1168 ГК РФ). При предоставлении преимущественного права на неделимую вещь наряду с формальным критерием совместного проживания правоприменителю следует учитывать культурно и исторически обусловленную связь наследника с объектом (например, многолетнее ведение на земле традиционно-

го хозяйства, обеспечивающего сохранность рода) [10, с. 71].

2.3. Учет обычая в контексте оценки добросовестности и злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ). Действия наследника, формально соответствующие закону, но грубо и цинично попирающие устоявшиеся в сообществе традиции исключительно для извлечения материальной выгоды в ущерб коллективным интересам, могут быть квалифицированы как злоупотребление субъективным гражданским правом [11, с. 185].

Таким образом, обычай де-факто становится критерием установления границ допустимого поведения в рамках оценочных категорий гражданского закона [12, с. 107].

3. Этнопсихологически ориентированное правовое просвещение. Эффективность правовых механизмов напрямую зависит от их восприятия в конкретной культурной среде. Поэтому трансляция знаний о наследственном праве должна осуществляться не в виде абстрактных догм, а через призму локальных ценностей, с использованием кейсов и сценариев, демонстрирующих, как легальные инструменты могут служить защите семейного и родового единства, позволяя транслиро-

вать традиционные ценности в современное правовое поле [13, с. 156].

Заключение

Рекапитулируя вышесказанное, отметим, что наследование в условиях полиэтнического государства неизбежно становится полем для столкновения культур [14, с. 210]. Прямолинейное навязывание императивных норм ГК РФ без учета этнопсихологического контекста малоэффективно и социально опасно. Выход видится не в создании параллельных правовых систем, а в развитии гибкого, культурно-чувствительного правоприменения в рамках существующего закона [15, с. 105]. Гражданское право, в особенности его диспозитивные и процедурные институты (соглашения, медиация), обладает достаточным потенциалом для работы в качестве «переводчика» между разными «нормативными мирами». Ключевая роль в этом процессе должна отводиться нотариату и суду как институтам, способным не только применять право, но и распознавать, а затем аккуратно интегрировать легитимные социальные нормы в правовое русло, обеспечивая тем самым подлинную социальную стабильность и уважение к закону в его многообразных проявлениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений // Этнографические исследования. Книга вторая. Этнос. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2002.
2. Выготский Л. С. Сознание как проблема психологии поведения // Собрание сочинений. Т. 1. М.: Педагогика, 1982. 292 с.
3. Маковский А. Л. О кодификации наследственного права (некоторые итоги и перспективы) // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 74–85.
4. Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
5. Накохова Р. Р. Психологические особенности системы ценностных ориентаций личности представителей этносов Северного Кавказа. М.: Линкор, 2007. 271 с.
6. Гудыма А. П. Развитие коренных малочисленных народов Севера: основания социально-философского анализа: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Новосибирск, 2005 36 с.
7. Шиловост О. Ю. Споры о наследовании: теория и судебная практика. М.: Норма, 2021. 416 с.
8. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: учебник для вузов. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.
9. Тимошкина О. А. Конституционно-правовые основы деятельности нотариата по защите социально-экономических прав граждан: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 168 с.
10. Шмаков В. Н., Дерюга Н. Н. Место и роль преимущественных прав в гражданском законодательстве России // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2012. Т. 14, № 3. С. 69–73.
11. Яковлева Ю. В. Генезис представлений о правовом феномене «злоупотребление правом» // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2022. № 1. С. 179–192.

12. Варвенко А. С., Желонкин С. С., Жукавин В. В. Теоретико-правовые положения о принципе добросовестности в гражданском праве // Ленинградский юридический журнал. 2020. С. 105–113.
13. Абраменков М. С., Сараев А. Г. Наследственное право. М.: Юрайт, 2019. 346 с.
14. Южанин М. А. Социально-правовая концепция «коллективных прав» этносов // Социология власти. 2012. № 1. С. 202–211.
15. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сборник статей / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.

REFERENCES

1. Shirokogorov S. M. Ethnos. A study of the basic principles of change in ethnic and ethnographic phenomena // Ethnographic studies. Book two. Ethnos. Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2002. (In Russ.)
2. Vygotsky L. S. Consciousness as a problem of behavioral psychology // Collection of Works. Vol. 1. Moscow: Pedagogy, 1982. 292 p. (In Russ.)
3. Makovsky A. L. On the codification of inheritance law (some results and prospects) // Journal of Russian law. 2020. No. 5. P. 74–85. (In Russ.)
4. Tishkov V. A. Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology. Moscow: Nauka, 2003. 544 p. (In Russ.)
5. Nakokhova R. R. Psychological Features of the System of Value Orientations of the Personality of Representatives of the Ethnic Groups of the North Caucasus. Moscow: Linkor, 2007. 271 p. (In Russ.)
6. Gudyma A. P. Development of indigenous peoples of the north: foundations of socio-philosophical analysis: abstract of dissertation ... Doctor of Philosophy. Novosibirsk. 2005. 36 p. (In Russ.)
7. Shilokhvost O. Yu. Inheritance disputes: theory and judicial practice. Moscow: Norma, 2021. 416 p. (In Russ.)
8. Stefanenko T. G. Ethnopsychology: textbook for universities. 5th ed. Moscow: Aspect Press, 2017. 352 p. (In Russ.)
9. Timoshkina O. A. Constitutional and legal foundations of the notary's activities in protecting the socio-economic rights of citizens: abstract of dissertation ... Cand. of Law. Moscow, 2014. 168 p. (In Russ.)
10. Shmakov V. N., Deryuga N. N. The place and role of preemptive rights in the civil legislation of Russia // Asia-Pacific Region: economics, politics, law. 2012. Vol. 14, No. 3. P. 69–73. (In Russ.)
11. Yakovleva Yu. V. Genesis of concepts about the legal phenomenon of "Abuse of law" // Historical and legal problems: A new perspective. 2022. No. 1. P. 179–192. (In Russ.)
12. Varvenko A. S., Zhelonkin S. S., Zhukavin V. V. Theoretical and legal provisions on the principle of good faith in civil law // Leningrad law journal. 2020. P. 105–113. (In Russ.)
13. Abramnikov M. S., Saraev A. G. Inheritance law. Moscow: Yurait, 2019. 346 p. (In Russ.)
14. Yuzhanin M. A. The social and legal concept of "collective rights" of ethnic groups // Sociology of power. 2012. No. 1. P. 202–211. (In Russ.)
15. Barth F. Introduction // Ethnic groups and social boundaries. Social organization of cultural differences: a collection of articles / edited by F. Barth; translated from English by I. Pilshchikov. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2006. 200 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

К. А. Киселёва, кандидат юридических наук.

Information about the author:

K. A. Kiseleva, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 22.12.2025; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 22.12.2025; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Айнур Ильдарович Бадретдинов

Уфимский юридический институт МВД России,
Уфа, Россия, badretdinov.ainur@rambler.ru

Аннотация. В статье представлено историко-правовое исследование становления и развития уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в России. Исследование охватывает период с древнерусского государства до современности, выявляя ключевые этапы правового регулирования в данной сфере и отношение общества к проблеме продажи несовершеннолетним алкоголя и его употребления на разных периодах исторического развития. Автор рассматривает эволюцию запретов на употребление алкоголя несовершеннолетними от церковных и моральных норм до законодательных ограничений и запретов административного и уголовно-правового характера. На основе проведенного исследования выявлены исторические закономерности становления и развития уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, проблемы эффективности действующих механизмов ответственности и предложены направления совершенствования действующего законодательства, а также профилактической работы в исследуемой сфере общественных отношений.

Ключевые слова: уголовная ответственность, розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции, историко-правовой анализ, административная преюдиция, Устав о питейном сборе, Русская Православная Церковь, трезвенническое движение, профилактика алкоголизма, употребление алкоголя, правовое регулирование, защита несовершеннолетних, алкогольная продукция.

Для цитирования: Бадретдинов А. И. Историко-правовые аспекты формирования уголовной ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции в дореволюционной России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 90–101.

Original article

**HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION
OF CRIMINAL LIABILITY FOR THE RETAIL SALE OF ALCOHOLIC
BEVERAGES TO MINORS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA**

Ainur I. Badretdinov

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ufa, Russia, badretdinov.ainur@rambler.ru

Abstract. The article presents a historical and legal study of the formation and development of criminal liability for the retail sale of alcoholic beverages to minors in Russia. The study covers the period from the Old Russian state to the present day, it identifies the key stages of legal regulation in this area and the attitude of society towards the issue of selling alcoholic beverages to minors and alcohol consumption at different stages of historical development. The author examines the evolution of prohibitions on alcohol consumption by minors, from religious and moral norms to legislative restrictions and administrative and criminal prohibitions.

Based on the conducted research, the historical patterns of the formation and development of criminal liability for the retail sale of alcoholic beverages to minors, the problems of the effectiveness of the current liability mechanisms have been identified, and the directions for improving the current legislation and preventive measures have been proposed.

Keywords: criminal liability, retail sale of alcoholic beverages to minors, historical and legal analysis, administrative prejudice, Charter on the drinking tax, Russian Orthodox Church, teetotal movement, prevention of alcoholism, alcohol consumption, legal regulation, protection of minors, alcoholic beverages.

For citation: Badretdinov A. I. Historical and legal aspects of the formation of criminal liability for the retail sale of alcoholic beverages to minors in pre-revolutionary Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 90–101. (In Russ.)

Введение

Проблемы правового регулирования розничной продажи алкогольной продукции, особенно в части продажи несовершеннолетним, имеют серьезные социальные, экономические и правовые последствия. Несовершенство законодательства в данной сфере способствует развитию нелегального рынка алкогольной и спиртосодержащей продукции, подрывает нравственные устои общества и создает предпосылки для развития антисоциального поведения среди несовершеннолетних. В связи с этим особую значимость приобретает анализ исторического развития и современного состояния уголовно-правовых мер противодействия розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции.

Уголовная ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкоголя выступает важным инструментом защиты прав и законных интересов детей и подростков, обеспечения их права на здоровое физическое и нравственное развитие. Однако пробелы и противоречия в правовом регулировании, отсутствие единообразной судебной практики и недостаточная эффективность профилактических мер нередко приводят к неоднозначному применению норм, регламентирующих ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Это, в свою очередь, снижает результативность борьбы с оборотом алкогольной продукции среди несовершеннолетних, создает условия для антисоциального поведения и подрывает авторитет государственной политики в сфере охраны здоровья несовершеннолетних.

Историко-правовой анализ формирования уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкоголя позволяет выявить закономерности развития уголовно-правовых норм, регламентирующих общественные отношения в исследуемой сфере, оценить эффективность их применения на разных этапах развития российского общества и разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства в исследуемой сфере. Исследование эволюции правовых запретов в сфере оборота алкогольной продукции представляет особый интерес, поскольку демонстрирует взаимосвязь между изменением социальных норм, государственной политики и уголовно-правового регулирования розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции.

Настоящее исследование направлено на комплексное изучение генезиса уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, выявление существующих проблем правоприменения и разработку рекомендаций по повышению эффективности действующих правовых механизмов. Полученные результаты имеют как теоретическое значение для развития науки уголовного права, так и практическую ценность для совершенствования законодательства и правоприменительной деятельности в сфере защиты несовершеннолетних от негативного воздействия алкогольной продукции.

Методы

В рамках проведенного исследования применялся комплексный методологический

подход, основанный на сочетании общенаучных и специальных методов познания, что позволило всесторонне изучить генезис уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним. Основу методологии составил историко-правовой метод, который использовался для анализа эволюции нормативного регулирования оборота алкоголя и защиты несовершеннолетних от его негативного воздействия. В процессе исследования изучались древнерусские правовые памятники, дореволюционное законодательство, а также советские и современные российские законы. Формально-юридический метод позволил провести догматический анализ законодательных актов, выявить пробелы и коллизии в правовом регулировании, а также осуществить интерпретацию норм в их историческом контексте. Системно-структурный метод способствовал рассмотрению института уголовной ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним как элемента системы уголовного права и государственной политики в сфере защиты детства. Социологический метод был использован для изучения влияния социальных, культурных и религиозных факторов на формирование правовых запретов, включая анализ общественного восприятия продажи несовершеннолетним алкогольной продукции в разные исторические периоды. Логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция) позволили выявить закономерности развития уголовно-правовых норм и установить причинно-следственные связи между изменениями законодательства и социальными процессами. Такой комплексный методологический подход обеспечил всестороннее исследование проблемы, охватывающее не только юридические, но и исторические, социальные и культурные аспекты формирования уголовной ответственности за продажу

алкоголя несовершеннолетним, что создало прочную основу для научно обоснованных выводов и рекомендаций по совершенствованию современного законодательства в данной сфере.

Результаты

Для раскрытия правовой природы правонарушений и преступлений, связанных с продажей алкогольной продукции несовершеннолетним, необходимо исследовать исторические предпосылки формирования соответствующих правовых запретов. Исторически в российском обществе отношение к употреблению алкоголя детьми было двойственным: с одной стороны, оно осуждалось как проявление распущенности, с другой – воспринималось как естественная часть традиционных обрядов и социальных практик. Как отмечает Е. В. Аничков, в древнерусском обществе алкоголь играл важную роль в обрядовой и праздничной жизни, сопровождая ключевые события от свадебных ритуалов до языческих празднеств [1, с. 156]. Однако с принятием христианства на Руси акценты постепенно сместились – церковные источники стали активно осуждать пьянство, связывая его с пережитками язычества. Примечательно, что прямого запрета на употребление алкоголя в древних текстах не существовало. Вместо этого делался акцент на умеренности употребления алкоголя, о чем свидетельствует толкование послания апостола Павла ефесянам Иоанном Златоустом: «Вино дано для веселья, а не для пьянства»¹. Впоследствии религиозные установки трансформировались в правовые нормы, запрещающие чрезмерное употребление алкогольной продукции, в том числе несовершеннолетними.

Одним из древнейших памятников канонического права, отражающих влияние византийской юридической традиции, яв-

¹ Толкование на послание к Ефесянам святого апостола Павла // Портал «Азбука веры». URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-poslanie-k-efesjanam/ (дата обращения: 20.05.2025).

ляется «Закон судный людем»¹ (IX век), который оказал существенное значение на формирование древнерусского права. Особый интерес для проведения настоящего исследования представляет статья «О сыну», предусматривавшая суровые наказания за пьянство среди молодежи. Сын, замеченный за злоупотреблением алкоголем («ветуя и пьяница»), подлежал сначала изгнанию из города, а при сопротивлении – смертной казни через побитие камнями. Эта норма свидетельствует о том, что уже в раннем Средневековье употребление алкоголя среди несовершеннолетних рассматривалось как достаточно серьезное правонарушение, требующее применения жестких мер наказания. Следует также отметить, что несмотря на строгость наказания, религиозным нормам, как справедливо отметил В. К. Самигуллин, присущи гуманистические начала [2, с. 20]. Анализ исторических источников показывает, что отношение к употреблению алкоголя детьми эволюционировало от ритуальной допустимости к постепенному осуждению, правовому запрету и наказанию. Как отмечает Б. З. Маликов, религиозные нормы совершенствовались в процессе становления самого социума и государственности из естественной потребности человека в необходимости упорядочивания его жизнедеятельности [3, с. 25]. Причем религиозные и моральные установки сыграли ключевую роль в формировании соответствующих правовых запретов. Уже в ранних источниках Русского права прослеживается стремление законодателя ограничить доступ несовершеннолетних к спиртному, что заложило основы для последующего развития уголовной ответственности в этой области общественных отношений. Кроме того, как отмечает

М. С. Шайхуллин, вопросы обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина традиционно занимали центральное место в системе общественно-государственных приоритетов [4, с. 17].

К XV веку в русских землях происходит существенное ужесточение алкогольной политики. При Иване III вводится запрет на частное пивоварение и медоварение для всего населения. С. С. Луцик, анализируя документы 1523 года, отмечает введение в Москве своеобразного «сухого закона», допускавшего употребление алкоголя лишь в исключительные праздничные дни [5, с. 324].

Монастырские уставы середины XVII века (как, например, наказная память нижегородского Печерского монастыря 1658 года²) предусматривали штрафы (до 2 рублей) за покупку вина или распитие алкоголя в кабаках, в то время как литр вина стоил 2–3 алтына или 9 копеек. Регулирование оборота алкогольной продукции имело свои региональные различия в части взимания алкогольных пошлин: если на северо-востоке Руси церковные учреждения активно собирали налоги с питейных заведений и даже с традиционных братчин (коллективных пиршеств), то в юго-западных землях подобная практика отсутствовала. Монастыри, будучи центрами духовной жизни, одновременно являлись крупнейшими производителями алкогольных напитков. Источники фиксируют наличие в их владениях специализированных пивоваренных и квасоварных палат, целых пивных дворов. Эта двойственность, когда религиозные институты, с одной стороны, осуждали пьянство, а с другой – монополизировали производство и торговлю спиртным, создает дискуссионную основу для проведения исследований в данной области общественных отношений.

¹ Закон судный людем пространной и сводной редакции / Акад. наук СССР. Ин-т славяноведения; подгот. к печати М. Н. Тихомиров, Л. В. Милов; под ред. [и со вступ. ст., с. 5–27] акад. М. Н. Тихомирова. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 286 с.

² 1658 января 9. Наказная память Нижегородского Печерского монастыря архимандрита Филарета старцу Ануфрию, об управлении монастырскими селами Никольским и Рубским // Принадлежит Нижегородскому Печерскому монастырю. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 4. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1851.

В середине XVI века, после взятия Казани (1552 год), Иван Грозный инициирует создание системы казенных кабаков, что знаменует начало государственной алкогольной монополии. С началом такой монополии вводится запрет на домашнее производство хмельных напитков. В частности, крестьянин не мог самостоятельно варить брагу или мед даже для поминальных обрядов или семейных праздников. Все производство и продажа алкоголя сосредотачивались в руках государства, превращаясь в важный источник пополнения государственной казны. Таким образом, на протяжении XV–XVI веков происходит трансформация общественных отношений, связанных с оборотом алкогольной продукции. Из элемента народной бытовой культуры и обрядовой практики эти отношения становятся объектом жесткого государственного регулирования и фискальной политики.

Возникновение системы казенных кабаков в Московском государстве XVI века стало явлением государственной монополии на оборот алкогольной продукции. Эта экономическая новация не только обеспечила стабильный доход государственной казне, но и сформировала такую социальную практику, при которой кабак признавался общественным пространством, сочетающим функции питейного заведения и места неформального общения населения. Параллельно происходило формирование гражданского сознания, укрепляющего представление о недопустимости нарушения государственных ограничений в алкогольной сфере. Что касается несовершеннолетних, то, как справедливо отмечает А. Н. Супрун, древнерусское уголовное законодательство не содержало специальных норм о спаивании несовершеннолетних [6, с. 25]. Однако анализ «Сто-

глава»¹ (1551 год) позволяет выявить обеспокоенность церкви проблемой детского алкоголизма. В 92-й главе «О еллинских бесованиях» описывается распространенная практика совместного употребления алкоголя взрослыми и детьми во время празднования Рождества Иоанна Предтечи и других календарных праздников. Примечательно, что в данном источнике используется такое слово, как «чадь», которое, согласно словарю В. И. Даля, могло обозначать «простонародье», «детей», что создает двойственность в интерпретации источника по исследуемому вопросу [7].

Рассмотрение дел, связанных с оборотом алкоголя, распределялось между светскими и церковными судами. «Еллинские» (языческие) обряды с употреблением спиртного традиционно находились в ведении духовенства, что объясняет отсутствие специальных светских запретов на употребление детьми алкоголя. Церковь предпочитала бороться с этим явлением через моральное осуждение, что находит свое отражение в источниках христианского права.

В антиалкогольном поучении, содержащемся в «Слове о хмеле»², составленном в 1470-х годах монахом Ефросином Кирилло-Белозерского монастыря, подробно описываются разрушительные последствия чрезмерного употребления алкоголя. Широкое распространение подобных текстов в церковной и народной среде свидетельствует о просветительской работе духовенства по противодействию алкогольной зависимости. Формулировка этической концепции трезвости как христианской добродетели находит свое отражение в «Домострое»³, где в наставлениях сыну Анфиму содержится категоричный запрет: «От хмельного питья, ради Господа, откажись, ибо пьянство –

¹ Стоглав: рукопись (постановления Московского Собора 1551 г.). [Б. м.], третья четверть XVI в. 322 с.

² Слово о хмеле // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб.: Наука, 1997. Т. 7: Вторая половина XV века.

³ Домострой Сильвестровского извода: текст памятника с примеч., материалы для сравн. изуч. (образцы Домостроев: Ксенофонта и 3 зап.-европ.), объясн. ст. и словарь. 2е изд., испр. и доп. СПб.: Глазунов, 1902. 143 с.

болезнь, и все дурные поступки рождаются им». Анализ статьи 67 «Домостроя» позволяет выявить интересную особенность древнерусского общества. В частности, описанный ритуал послесвадебного «мальчишника» в подклети, где новобрачный впервые получал право пить вино в компании скоморохов, указывает на существование неформального возрастного ценза, связывавшего алкогольную инициацию с достижением брачного возраста. Этот обычай отражает архаичное представление о совершеннолетию как о способности реализовывать определенные права и нести обязанности.

Необходимо отметить, что в древнерусском праве долгое время отсутствовали четкие правовые критерии совершеннолетия. В языческий период, согласно исследованиям обычного права, минимальный брачный возраст составлял 11 лет для юношей и 10 лет для девушек. Византийское влияние после крещения Руси привело к его повышению до 15 и 13 лет соответственно, хотя на практике, особенно в княжеских семьях, встречались исключения.

Конкретизация возрастных критериев началась лишь в петровскую эпоху с принятием Указа Петра I «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» 1714 года¹, который установил брачный возраст в 20 лет для мужчин и 17 лет для женщин, однако церковная практика часто игнорировала эти предписания. Только в 1830 году Синод окончательно закрепил возрастные критерии для бракосочетания в 18 и 16 лет [8]. Таким образом, до XVIII века социальные традиции фактически допускали употребление алкоголя лицами в возрасте от 12 до 15 лет, поскольку такие возрастные критерии считались достаточными для вступления в брак. Стоит заметить, что для детей – сына, дочери – предусматривалась смертная казнь за убийство отца или ма-

тери. Так, согласно Соборному уложению 1649 года: «А будет которой сын или дочь учинит отцу своему или матери смертное убийство, и их за отеческое или за матерне убийство казнити смертию же безо всякия пощады»². Между тем законодатель не конкретизировал минимальный возраст привлечения к ответственности.

Косвенные указания на возрастную дееспособность содержатся в нормах о судопроизводстве: согласно статье 1 главы 14 Соборного уложения свидетелем (целовальником) могло быть лицо не моложе 20 лет, а в исключительных случаях – с 15 лет (статья 5 главы 14). Эта дифференциация отражает постепенное формирование в Русском праве концепции частичной дееспособности, хотя системного подхода к определению возрастных границ ответственности в рассматриваемый период еще не существовало.

Историко-правовой анализ российского законодательства XVII–XVIII веков позволяет проследить эволюцию подходов к регулированию ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений и правонарушений, а также профилактики употребления ими алкогольной продукции. По мнению О. С. Рябовой, переломным моментом стало принятие Новоуказных статей 1669 года, которые впервые в отечественной правовой традиции установили четкий возрастной критерий уголовной ответственности – 7 лет [9, с. 63]. Этот правовой акт, дополнявший Соборное уложение, содержал важное положение о невозможности привлечения к ответственности детей младше 7 лет даже за тяжкие преступления, включая убийство.

Значительное развитие установления возраста ответственности несовершеннолетних получило в екатерининскую эпоху, что особенно проявилось в Уставе благочиния 1782 года³. Данный нормативный акт, вобравший в себя идеи эпохи просвещенно-

¹ О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах: указ Петра I от 23 марта 1714 г. СПб., 1714. 1 л.

² Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.

³ Устав благочиния или Полицейский. Часть первая: утв. в Санкт-Петербурге апреля 8 дня 1782 года. СПб.: Сенатская тип., 1782. 75 с.

го абсолютизма, закреплял нормы полицейского надзора за общественной нравственностью и содержал ряд важных положений, касающихся возраста несовершеннолетних. Статья 262 Устава устанавливала ответственность детей старше 7 лет за нарушение правил посещения бань, а статья 256 предусматривала наказания за появление в общественных местах в состоянии опьянения. К ним относились суточное содержание «на хлебе и воде», а за систематическое пьянство – «помещение в смиренный дом до исправления». Эти нормы и санкции демонстрируют формирование в конце XVIII века новой государственной политики, направленной на защиту общественной нравственности от последствий алкоголизации, причем установленный 7-летний возраст ответственности применялся последовательно к различным видам правонарушений, в том числе и за употребление детьми алкогольных напитков.

Параллельно с развитием норм об ответственности за употребление детьми алкогольной продукции происходило формирование педагогических концепций и подходов к воспитанию подрастающего поколения. Если «Домострой» XVI века заложил основы семейного воспитания и содержал моральные наставления о вреде пьянства, то изданное по инициативе Петра I «Юности честное зерцало»¹ (1717 год) становится руководством по формированию нравственного облика молодого поколения. Названный памятник просветительской мысли, сочетавший традиционные ценности с европейскими культурными образцами, преследовал цель создания человека нового типа – образованного и нравственного гражданина, что предполагало воспитание отрицательного отношения к злоупотреблению алкоголем.

Пункт 14 издания содержал категоричное предписание: «От пьянства каждый

отрок должен себя удерживать и избегать такого поведения». В тексте содержалось предостережение, что нарушение этой нормы приведет к «бедам, душевным и физическим мукам», а также к «разорению и гибели» дома. Хотя формально эти положения носили характер моральных наставлений, все же их нарушение влекло серьезные последствия – от телесных наказаний до исключения из учебных заведений. Этот педагогический памятник петровской эпохи отражал новую государственную политику, направленную на формирование нравственного облика молодого поколения через систему воспитательных мер. Таким образом, к концу XVIII века в России сложился юридический подход к регулированию поведения несовершеннолетних, включавший определение возрастных критериев ответственности, меры административного воздействия за аморальные проступки и систему воспитательных практик, хотя специальные нормы о запрете спаивания детей появились в законодательстве значительно позже.

В начале XVIII века происходит важный мировоззренческий перелом: государство переходит к политике антропоцентризма, где центральное место занимает идея воспитания «нового человека». Нравоучительная литература, включая «Юности честное зерцало», становится инструментом формирования этических норм, хотя специальных правовых запретов на употребление спиртных напитков несовершеннолетними в этот период еще не существует.

Статья 1285 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года² впервые в российском законодательстве вводит ответственность за вовлечение несовершеннолетних в порочное поведение. Она предусматривала тюремное заключение на 3–6 месяцев для лиц, способствующих развращению детей, а также лишение

¹ Юности честное зерцало // От Петра I до Карамзина. Историко-литературная хрестоматия нового периода русской словесности. Т. 1. 1916. С. 27–30.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845. 898 с.

родительских прав для родителей, вовлекающих своих детей в пороки. Это свидетельствует о постепенном формировании в российском праве специального режима защиты детей от вредных влияний, хотя системный подход к возрастной дифференциации еще не сложился.

Таким образом, на протяжении XVIII–XIX веков происходит эволюция от моральных запретов и воспитательных мер к юридической регламентации защиты несовершеннолетних от алкоголизации. Этот процесс отражал общую тенденцию уголовной политики, направленной на защиту детей от вредного влияния алкоголя.

Историко-правовой анализ российского законодательства XIX века показывает, что формировалась основа для защиты несовершеннолетних в сфере трудовых отношений, включая вопросы профилактики алкоголизации. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года стало важной вехой в этом процессе, закрепив ряд прогрессивных для своего времени норм. Статья 1290 Уложения вводила ответственность за появление в общественных местах в состоянии алкогольного опьянения, что являлось правовым инструментом, направленным на борьбу с публичными проявлениями пьянства. Особый интерес представляет статья 1827 Уложения, устанавливавшая ответственность мастера за совместное распитие спиртных напитков с подмастерьем или учеником в рабочее время. Эта норма, будучи новаторской для своего времени, порождала ряд вопросов правоприменительного характера, касающихся как определения возрастных границ для учеников и подмастерьев, так и установления объекта правовой охраны – защиты здоровья несовершеннолетних или поддержания трудовой дисциплины.

Историко-правовой анализ российского законодательства XIX – начала XX века свидетельствует о последовательном развитии мер по ограничению доступа несовершеннолетних к алкогольной продукции. Иссле-

дование редакций Устава о питейном сборе 1861, 1862, 1867, 1876 годов показывает, что они постепенно ужесточали требования к продаже спиртных напитков, вводя наказания за распивочную продажу алкоголя детям до 14 лет и их допуск в питейные заведения. Характерно, что законодатель возлагал ответственность исключительно на владельцев заведений, а не на продавцов, которые продавали алкогольную продукцию, причем повторные нарушения могли повлечь уже уголовное наказание в виде тюремного заключения, что говорит о предпосылках формирования норм с административной преюдицией. В 1902 году произошло дополнение Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (1864 год), специальной статьей 50.10, которая устанавливала ответственность не только за допуск малолетних к распитию спиртного, но и за использование их в качестве прислуги для продажи крепких алкогольных напитков, что отражало подход к защите детей от вовлечения в среду оборота алкогольной продукции.

Исследования В. О. Сытникова показывают, что к началу XX века только начали формироваться предпосылки для выделения специальной уголовной ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним, однако анализ статьи 34 Уложения о наказаниях 1845 года свидетельствует, что соответствующие нормы уже тогда относились скорее к уголовно-правовой сфере, хотя и с применением исправительных наказаний [10, с. 10]. Эта позиция подтверждается выводами О. Е. Шишкиной, которая отмечает, что в дореволюционном праве подобные нарушения квалифицировались как уголовные проступки [11, с. 90].

Качественно новый этап в регулировании ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции наступил с принятием Уголовного уложения 1903 года¹, которое в статье 315 установило запрет на продажу крепкого алкоголя малолетним (до

¹ Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. (с прил. предм. алф. указ.). СПб.: Кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. С. 56.

14 лет) и их допуск в питейные заведения, установив ответственность в виде штрафа до 100 рублей. Примечательно, что бутылка вина стоила 80 копеек, а штраф за ее продажу мог составлять 100 рублей. При этом в статье 3 такие нарушения были отнесены к категории проступков, что указывало на их относительно низкую общественную опасность.

По В. Т. Гайкову, законодатель выделял три возрастные категории: дети – до 14 лет, малолетние – с 14 до 16 лет, и несовершеннолетние – с 16 до 21 года [12, с. 50]. Однако, как справедливо отмечает А. О. Зинченко, основной объект правовой охраны в этих нормах составляли не столько здоровье и нравственность молодежи, сколько государственные интересы в сфере контроля над алкогольным оборотом [13, с. 20]. Параллельно с законодательными мерами важную роль в профилактике детского алкоголизма играла деятельность православной церкви. Начиная с 1858 года по всей империи (первоначально в Литве, Саратовской, Курской, Рязанской и Пермской губерниях) стали создаваться общества трезвости, которые вводили специальные «уроки трезвости» в церковно-приходских школах, вели активную просветительскую работу и формировали в молодежной среде установки на трезвый образ жизни [14, с. 65]. Эта масштабная общественная работа, получившая церковную поддержку, во многом подготовила почву для введения в 1914 году правительственных ограничений на продажу крепких спиртных напитков, сформировав таким образом основы для уголовно-правового регулирования запрета на продажу алкогольной продукции в дореволюционный период.

Историко-правовой анализ позволяет выделить два основных аспекта становления алкогольной политики в России. С одной стороны, традиции употребления спиртного имеют глубокие исторические корни, восходящие к языческим обрядам и ритуалам, где состояние опьянения считалось сакральным. С другой стороны, государственная политика в алкогольной сфере на протяжении веков преследовала прежде всего фискальные цели – нацио-

нализация виноделия и создание кабачной системы были направлены на обеспечение стабильных доходов казны, необходимых для реализации внешнеполитических амбиций и внутреннего развития страны. Однако такая односторонняя ориентация на фискальную выгоду привела к серьезным социальным издержкам – расцвету теневого оборота алкоголя и его проникновению во все слои населения, включая продажу алкоголя несовершеннолетним. Примечательно, что вплоть до XVIII века государство практически не предпринимало законодательных мер по защите несовершеннолетних от продажи им алкогольной продукции, и этот пробел в определенной степени компенсировался церковными установлениями, которые пропагандировали умеренность в употреблении спиртного, устанавливали моральные запреты на употребление алкоголя детьми и формировали систему духовно-нравственных ориентиров в сфере воспитания несовершеннолетних. Таким образом, Русская православная церковь действительно сыграла значительную роль в борьбе с алкоголизацией российского общества, причем эффективность ее деятельности напрямую зависела от уровня образования, компетентности и личного примера конкретных священнослужителей. Комплекс церковных реформ в сочетании с масштабной просветительской работой в конечном итоге привел к существенным позитивным изменениям в общественном сознании и поведении, создав предпосылки для более эффективной государственной политики в сфере противодействия продажам несовершеннолетним алкогольной продукции в последующий период.

Заключение

Проведенное исследование историко-правовых аспектов уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции позволило сделать ряд важных выводов. Глубокие культурные корни проблемы употребления алкогольной продукции, берущие начало в языческих обрядах, где состояние опья-

нения имело сакральный характер, сохраняли свое влияние даже после христианизации Руси. В дореволюционный период государственная политика в алкогольной сфере носила преимущественно фискальный характер, что проявилось в создании системы казенных кабаков и монополизации производства спиртного. Приоритет бюджетных интересов над социальными привел к развитию теневого оборота алкоголя и его проникновению в молодежную среду, а также обусловил длительное отсутствие эффективных мер защиты несовершеннолетних. Особого внимания заслуживает роль Русской православной церкви в противодействии алкоголизации населения. Исторический анализ показал, что эффективность церковной деятельности напрямую зависела от образовательного уровня и личного примера священнослужителей. Масштабная просветительская работа, включая создание трезвеннических организаций и проведение специальных «уроков трезвости» в церковно-приходских школах, привела к заметным положительным изменениям в общественном сознании и способствовала снижению алкоголизации населения, в том числе несовершеннолетних.

Следует отметить, что вплоть до XVIII века пробелы светского законодательства в сфере защиты несовершеннолетних от негативного воздействия алкогольной продукции компенсировались нормами церковного права, устанавливавшими принципы умеренности и возрастные ограничения в употреблении алкоголя. Анализ нормативных актов XIX века выявил существенную дифференциацию ответственности в зависимости от способа реализации алкогольной продукции: кустарная продажа несовершеннолетним спиртного наказывалась значительно строже, чем розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции в официальных торговых точках. Это свидетельствует о более жестком подходе законодателя к неконтролируемому обороту спиртного. Изучение редакций Устава о питейном сборе 1861–1876 годов

показало, что нарушения правил продажи алкоголя детям до 14 лет первоначально носили административный характер, но при повторности влекли уголовное наказание в виде тюремного заключения. Из этого следует, что правовая природа соответствующих правонарушений изначально формировалась как административно-деликтная, а не уголовная, что в значительной степени отразилось на современной системе правового регулирования. Данная нормативная конструкция стала прообразом современной административной преюдиции. Следует отметить, что ответственности в указанный период подлежали также владельцы заведений по продаже алкогольной продукции, а не только продавцы, что отражало особенности правоприменительной практики того времени.

Современное состояние проблемы розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции требует дальнейшей системной работы по нескольким направлениям. Во-первых, необходима оптимизация механизмов привлечения к ответственности за продажу алкоголя несовершеннолетним, включая гармонизацию административной и уголовной ответственности в этой сфере. Как справедливо отмечает К. Р. Бабаева, защита прав несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами реализуется путем закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации соответствующих норм [15, с. 53]. Соглашаясь с этим, следует отметить, что нормы административного законодательства также являются частью системы средств защиты несовершеннолетних от преступных посягательств. Во-вторых, особое внимание следует уделить совершенствованию мер профилактики преступности несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, в том числе совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий [16, с. 43], и развитию системы раннего выявления случаев вовлечения детей в употребление спиртного. В-третьих, важнейшей задачей остается укрепление правовой и нравственной культуры общества, в том

числе молодежи, а также создание действенной системы социальных альтернатив употреблению алкоголя. Перспективным направлением представляются внедрение

современных технологий мониторинга правонарушений в сфере оборота алкогольной продукции и усиление контроля за соблюдением установленных запретов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь / послесловие В. Я. Петрухина. М.: Индрик, 2003. 440 с.
2. Самигуллин В. К. Теологическая теория происхождения государства и права // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 8–20.
3. Маликов Б. З. Религиозные нормы: их сущность, характер и значение в системе социальных отношений // Право и государственность. 2024. № 3 (4). С. 21–34.
4. Шайхуллин М. С. Защита прав и свобод человека и гражданина: аксиологический подход // Право и государственность. 2024. № 4 (5). С. 16–22.
5. Луцик С. С. Иван Прыжов: исторические этапы регулирования оборота алкоголя в России // Теория и практика общественного развития. 2013. № 9. С. 323–326.
6. Супрун А. Н. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: проблемы теории и правоприменительной практики: дис. ... канд. юрид. наук. 2021. 323 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В. И. Даль. М.: РИПОЛ-классик, 2006. Т. 4. Р–Я. 672 с.
8. Леканова Е. Е. Правовая регламентация минимального брачного возраста: история и современность // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8 (117). С. 84–95.
9. Рябова О. С. Особенности уголовной политики в отношении женщин и несовершеннолетних по Соборному Уложению 1649 года // Государство и право: теория и практика: материалы Международной научной конференции. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 62–64.
10. Сытников В. О. Уголовная ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции: монография / под общ. ред. Р. М. Кашапова. М.: Юрлитинформ, 2016. 207 с.
11. Шишкина О. Е. Административная ответственность в России: история возникновения и социальные основания (1835–1892 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11, № 4. С. 84–96.
12. Гайков В. Т., Лемчик Т. А. Исторические аспекты уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественную деятельность // Terra Eeconomicus. 2009. Т. 7, № 4-3. С. 49–52.
13. Зинченко А. О. Политики ценообразования алкогольной продукции как факторы экономической безопасности // Московский экономический журнал. 2018. № 3.
14. Гусев Г. В. Общества трезвости как учреждения внешкольного дополнительного образования (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2010. № 1 (16). С. 63–76.
15. Бабаева К. Р. Защита прав и интересов несовершеннолетних уголовно-правовыми средствами // Право и государственность. 2025. № 1 (6). С. 51–56.
16. Гаджиалиева А. Т. Профилактика преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Профилактика правонарушений и преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий: сборник материалов Международной конференции / под общей редакцией А. Ю. Терехова. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2023. С. 42–47.

REFERENCES

1. Anichkov E. V. Paganism and Ancient Rus / Afterword by V. Ya. Petrukhin. Moscow: Indrik, 2003. 440 p. (In Russ.)
2. Samigullin V. K. Theological theory of the origin of the state and law // Law and Statehood. 2024. No. 3 (4). P. 8–20. (In Russ.)

3. Malikov B. Z. Religious norms: their essence, character, and significance in the system of social relations // Law and Statehood. 2024. No. 3 (4). P. 21–34. (In Russ.)
4. Shaikhullin M. S. Protection of human and civil rights and freedoms: an axiological approach // Law and Statehood. 2024. No. 4 (5). P. 16–22. (In Russ.)
5. Lutsik S. S. Ivan Pryzhov: historical stages of alcohol regulation in Russia // Theory and Practice of Social Development. 2013. No. 9. P. 323–326. (In Russ.)
6. Suprun A. N. Retail Sale of Alcoholic Beverages to Minors: Problems of Theory and Law Enforcement Practice: Diss. ... Cand. Sci. (Law). 2021. 323 p. (In Russ.)
7. Explanatory dictionary of the living great Russian language: in 4 volumes / V. I. Dal. Moscow: RIPOL-classic, 2006. Vol. 4. R–Ya. 672 p. (In Russ.)
8. Lekanova E. E. Legal regulation of the minimum marriage age: history and modernity // Current problems of Russian law. 2020. No. 8 (117). P. 84–95. (In Russ.)
9. Ryabova O. S. Features of criminal policy towards women and minors under the Cathedral Code of 1649 // State and law: theory and practice: proceedings of the international scientific conference. Chelyabinsk: Two komsomolets, 2011. P. 62–64. (In Russ.)
10. Sytnikov V. O. Criminal liability for the sale of alcoholic beverages to minors: monograph / edited by R. M. Kashapov. Moscow: Yurlitinform, 2016. 207 p. (In Russ.)
11. Shishkina O. E. Administrative liability in Russia: history of emergence and social foundations (1835–1892) // Historical and socio-educational thought. 2019. Vol. 11, no. 4. P. 84–96. (In Russ.)
12. Gaikov V. T., Lemchik T. A. Historical aspects of criminal liability for involving a minor in antisocial activity // Terra Economicus. 2009. Vol. 7. no. 4-3. P. 49–52. (In Russ.)
13. Zinchenko A. O. Pricing policies for alcoholic beverages as factors of economic security // Moscow Economic Journal. 2018. No. 3. (In Russ.)
14. Gusev G. V. Temperance societies as institutions of extracurricular additional education (late 19th – early 20th centuries) // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 4: Pedagogy. Psychology. 2010. No. 1 (16). P. 63–76. (In Russ.)
15. Babaeva K. R. Protection of the Rights and Interests of Minors by Criminal Law Means // Law and Statehood. 2025. No. 1 (6). P. 51–56. (In Russ.)
16. Gadzhialieva A. T. Prevention of Crimes with the Use of Information and Telecommunication Technologies // Prevention of Offenses and Crimes Committed with the Use of Information and Telecommunication Technologies: Collection of Materials of the International Conference / edited by A. Yu. Terekhov. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. P. 42–47. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. И. Бадретдинов, адъюнкт.

Information about the author:

A. I. Badretdinov, adjunct.

Статья поступила в редакцию 24.07.2025; одобрена после рецензирования 29.08.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 24.07.2025; approved after reviewing 29.08.2025; accepted for publication 19.03.2026.

ОСНОВАНИЯ И ПОРЯДОК ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ ПРОКУРОРУ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Артём Витальевич Баженов

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России
имени И. Ф. Шилова, Владивосток, Россия, kava.95@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые проблемы применения института возвращения уголовного дела судом прокурору, связанные с основаниями такого возвращения, процессуальным порядком принятия соответствующих судебных решений на различных стадиях уголовного судопроизводства, а также с их обжалованием. Особое внимание уделяется дискуссионным вопросам теории уголовного процесса, отраженным в трудах современных ученых-процессуалистов, а также противоречиям правоприменительной практики. Обосновывается вывод о необходимости совершенствования законодательства и выработки единых критериев, определяющих нарушения уголовно-процессуального закона, которые препятствуют рассмотрению судом уголовного дела по существу.

Ключевые слова: возвращение уголовного дела прокурору, суд, прокурор, основания возвращения уголовного дела.

Для цитирования: Баженов А. В. Основания и порядок возвращения уголовного дела судом прокурору: проблемы правового регулирования и пути совершенствования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 102–108.

Original article

GROUNDINGS AND PROCEDURE FOR RETURNING A CRIMINAL CASE BY THE COURT TO THE PROSECUTOR: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS OF IMPROVEMENT

Artem V. Bazhenov

Vladivostok branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after I. F. Shilov, Vladivostok, Russia, kava.95@mail.ru

Abstract. The article examines the legal problems of applying the institution of the return of a criminal case by a court to a prosecutor, related to the grounds for such return, the procedural procedure for making appropriate court decisions at various stages of criminal proceedings, as well as their appeal. Special attention is paid to the controversial issues of the theory of criminal procedure, reflected in the works of modern procedural scientists, as well as the contradictions of law enforcement practice. The author substantiates the conclusion that it is necessary to improve legislation and develop common criteria for determining violations of the criminal procedure law that prevent the court from considering a criminal case on its merits.

Keywords: the return of the criminal case to the prosecutor, the court, the prosecutor, the grounds for the return of the criminal case.

For citation: Bazhenov A. V. Grounds and procedure for returning a criminal case by the court to the prosecutor: problems of legal regulation and ways of improvement // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 102–108. (In Russ.)

Введение

Институт возвращения уголовного дела судом прокурору в современном уголовном процессе занимает особое место, поскольку находится на стыке судебной и досудебной стадий и затрагивает фундаментальные принципы правосудия: законность (ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)), состязательность сторон (ст. 15 УПК РФ), разумный срок судопроизводства (ст. 6¹ УПК РФ) и охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства (ст. 11 УПК РФ). Первоначально данный институт, предусмотренный ст. 237 УПК РФ, рассматривался как исключительный процессуальный механизм, применяемый лишь в случаях, когда допущенные в ходе предварительного расследования нарушения носят такой характер, что их невозможно устранить в судебном заседании. Однако внесенные с учетом правоприменительной и судебной практики изменения в российское уголовно-процессуальное законодательство привело к расширению оснований его применения с трех по УПК РФ 2001 года до девяти по действующему УПК РФ, что активизировало продолжение научных дискуссий, которые ведутся на протяжении нескольких десятилетий. Проведенный опрос правоприменителей (51 % опрошенных) и представителей научного сообщества (74 % опрошенных) указывают на то, что возвращение уголовного дела судом прокурору негативно сказывается на соблюдении разумных сроков судопроизводства¹ и доступе граждан к правосудию.

Методы

В основу исследования легли как общенаучные методы синтеза, анализа, индукции и дедукции, так и частно-научные методы контент-анализа при изучении уголовных дел и решений судебных органов, сравнительно-правовой при рассмотрении механизма устранения недостатков предварительного расследования в зарубежных странах, что по-

зволило в достаточной степени рассмотреть аспекты правоприменения института возвращения уголовного дела судом прокурору.

Результаты

Институт возвращения уголовного дела судом прокурору, регламентированный ст. 237 УПК РФ, занимает уникальное место в российском уголовном судопроизводстве, выступая своеобразным «фильтром» между досудебным и судебным производством, реализация которого судом начинается со стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству. Однако его регламентация в УПК РФ не ограничивается только данной подготовкой, возможность возвращения уголовного дела с целью устранения недостатков досудебного производства предусмотрена и со стадии рассмотрения уголовного дела по существу в суде первой, апелляционной, кассационной, надзорной инстанций и при производстве в виду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Такой подход законодателя вызван динамично развивающейся судебной практикой и ее переосмыслением вышестоящими судебными инстанциями, а также представителями научной общественности.

Анализ судебной статистики свидетельствует о снижении количества возвращаемых уголовных дел прокурору судом, однако оно остается на достаточно высоком уровне (см. таблицу).

Одна из причин заключается в том, что, несмотря на значительное внимание к исследуемому институту со стороны уголовно-процессуальной науки и правоприменителей, практика продолжает сталкиваться с трудностями в «квалификации» нарушений, допущенных на досудебном производстве, по их основаниям.

В настоящее время институт возвращения уголовного дела судом прокурору предусматривает девять оснований, при наступлении которых суд возвращает уголовное дело прокурору. В свою очередь, в юридической

¹ Опрошено 255 представителей правоприменительной практики (следователи, дознаватели, работники органов прокуратуры, судьи, адвокаты) и 43 представителя научного сообщества, представляющих образовательные и научные учреждения.

**Статистические данные
о количестве возвращенных уголовных дел судом прокурору**

Год	Возвращено судом прокурору уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ			Всего возвращено судом прокурору уголовных дел в порядке ст. 237 УПК РФ
	Следователям МВД	Следователям СК	Органам дознания МВД	
2020	3023	1143	1855	6021
2021	3383	1135	1797	6315
2022	3065	1151	1630	5846
2023	2632	1046	1329	5007
2024	2522	1025	1161	4708

литературе отсутствует единая дефиниция, которая бы раскрывала, что является основанием возвращения уголовного дела судом прокурору. В словаре С. И. Ожегова смысл «основание» трактуется как причина или достаточный повод для совершения определенных действий¹. Относительно уголовно-процессуального законодательства под основанием возвращения уголовного дела следует понимать предусмотренную законом причину, при наличии которой суд признает невозможным вынесение законного, обоснованного и справедливого решения и направляет дело прокурору для устранения выявленных нарушений.

Так, Т. Н. Баева указывает, что ключевым признаком таких оснований является наличие обстоятельств, препятствующих рассмотрению дела по существу и неустраняемых в судебном заседании. При этом данные обстоятельства носят преодолимый характер, поскольку могут быть устранены на досудебной стадии [1, с. 15].

Ряд ученых-процессуалистов [2, с. 8; 3, с. 173] полагают что указанный в зако-

не перечень оснований следует расширить, другие же [4, с. 12; 5, с. 114] с приведением соответствующих аргументов высказываются о необходимости его сокращения, третьи исходят из того, что законодатель установил исчерпывающий перечень оснований возвращения уголовного дела прокурору и при этом необходимо усиление ведомственного контроля [6, с. 146; 7, с. 114]. Однако подобная позиция не учитывает развитие правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, которые в своих решениях указывали на необходимость учитывать не только буквальное содержание статьи 237 УПК РФ, но и конституционно-правовой смысл данной нормы. В частности, в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2003 № 18-П² подчеркивается, что возвращение уголовного дела прокурору допустимо при наличии существенных нарушений уголовно-процессуального закона, исключающих возможность вынесения судом справедливого решения. Вместе с

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1986. С. 397.

² По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 0 декабря 2003 г. № 18-П // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 51. Ст. 5026.

тем понятие «существенности» нарушений остается оценочным и порождает значительные трудности в правоприменении.

В научной доктрине [8, с. 56; 9, с. 27; 10, с. 217] предлагаются различные классификации оснований возвращения уголовного дела прокурору. Одним из наиболее обоснованных подходов, по мнению автора публикации, является их систематизация в зависимости от инициатора возвращения уголовного дела судом (сторона защиты, обвинения, суд), в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, на которой принимается соответствующее решение: стадия подготовки к судебному разбирательству, стадия рассмотрения дела в суде первой инстанции, апелляционное, кассационное и надзорное производство, а также возобновление ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств. Кроме того, основания могут быть разграничены по их юридической природе: требующие устранения нарушений уголовно-процессуального закона; требующие составления иного итогового процессуального документа без этапа окончания расследования; связанные с необходимостью изменения обвинения на более тяжкое.

Дискуссию также вызывает основание, связанное с необходимостью соединения уголовных дел. В частности, Т. Н. Баева [1, с. 16] и А. А. Тришева [2, с. 115] справедливо указывают, что необходимость соединения в суде уголовных дел не может рассматриваться как нарушение требований уголовно-процессуального закона, поскольку согласно ст. 153 УПК РФ это является правом прокурора, а не его обязанностью. Аналогичной позиции придерживается А. А. Куприянов¹, отмечая, что данное основание представляет собой рудимент прежнего уголовно-процессуального законодательства, допускавшего практически неограниченные возможности для возвращения уголовного дела на дополнительное

расследование. В то же время С. В. Дяденькин [3, с. 8] высказывает противоположную точку зрения, полагая, что неисполнение органом предварительного расследования обязанности по соединению дел образует существенное нарушение закона. Однако автору данной статьи представляется, что необходимость соединения уголовных дел должна оцениваться с точки зрения влияния на возможность вынесения судом законного и обоснованного решения, а не формально.

Не менее проблемным является основание возвращения уголовного дела прокурору с целью усиления обвинения. Законодатель формулирует его как возможность возвращения уголовного дела, если в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства установлены фактические обстоятельства, указывающие на признаки более тяжкого преступления. Однако предварительное слушание по своей природе не предполагает непосредственного исследования доказательств, что порождает размытость критериев «установления» таких обстоятельств. В результате возвращение уголовного дела для изменения обвинения на более тяжкое фактически приобретает черты дополнительного расследования, что противоречит принципу состязательности.

Проблемы института возвращения уголовного дела прокурору тесно связаны и с процессуальным порядком принятия соответствующих решений. На стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству суд, изучив поступившие материалы, вправе назначить предварительное слушание и в его рамках проверить соблюдение требований закона при производстве предварительного расследования. Возвращение дела на данной стадии имеет профилактическое значение, поскольку позволяет устранить существенные нарушения до начала судебного разбирательства и тем самым избежать затягивания процесса.

¹ Куприянов А. А. Возвращение судом уголовного дела прокурору для соединения уголовных дел недопустимо / Московское общество испытателей природы. URL: <http://moip.viperson.ru/articles/aleksey-kupriyanov-vozvraschenie-sudom-ugolovnogo-dela-prokuroru-dlya-soedineniya-ugolovnyh-del-nedopustimo-1> (дата обращения: 18.01.2026).

Однако, по мнению автора публикации, такое возвращению возможно лишь в случае, когда лицо, производящее предварительное расследование, подлежит отводу или обвиняемый не был обеспечен защитником. В остальных же случаях предлагается устранять недостатки непосредственно в суде по аналогии с нормами уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, включая ряд государств бывшего постсоветского пространства, например, Республики Беларусь, Казахстан [11, с. 103]. Так, в ходе проведенного анкетирования 69 % практических работников и 86 % представителей научного сообщества положительно относятся к возможности изменения прокурором обвинения в суде на более тяжкое, как это предусмотрено в УПК зарубежных стран.

В суде первой инстанции решение о возвращении уголовного дела прокурору может быть принято как по инициативе сторон, так и по инициативе суда. Здесь особенно остро проявляется риск подмены судом функции органа расследования. Суд, выявляя пробелы в доказательственной базе, иногда фактически указывает стороне обвинения на необходимость сбора дополнительных доказательств, что нарушает принцип состязательности и может восприниматься как содействие обвинению.

В апелляционном производстве возвращение уголовного дела прокурору приобретает особую проблемность. Так, Т. Г. Бородинова [12, с. 62] справедливо отмечает, что апелляционный суд обладает практически полным арсеналом процессуальных средств суда первой инстанции и способен самостоятельно разрешить дело по существу без направления его на новый круг пересмотров. Аналогичной позиции придерживаются Л. Г. Татьяна и В. Л. Головкин [13, с. 43], указывая, что апелляционное производство предполагает полный пересмотр дела, а потому не должно ограничиваться в возможности вынесения окончательного решения. Эти взгляды поддерживаются и автором настоящей публикации, что подтверждается результатами проведенного анкетирования, в ходе которого 51 % представителей прак-

тических работников отрицательно относятся к возможности возвращения уголовного дела в досудебную стадию из суда апелляционной и кассационной инстанции.

Следующим немаловажным фактором является институт обжалования решения суда о возвращении уголовного дела судом прокурору. В соответствии с УПК РФ такую возможность имеют все участники уголовного судопроизводства, чьи права были затронуты возвращением судом уголовного дела прокурору, а последним – следователю, дознавателю для дополнительного расследования. Исходя из того, что возможность такого обжалования регламентируется уголовно-процессуальным законом, в ходе которого определяются законность и обоснованность принятого судом решения, институт обжалования судебных решений о возвращении уголовного дела прокурору возможно определить как самостоятельную систему уголовно-процессуальных норм, направленных как на проверку законности и обоснованности указанных решений суда, так и на обеспечение единообразия судебной практики и защиту прав участников уголовного процесса. Его значение заключается не только в исправлении допущенных ошибок, но и в предупреждении их повторения в дальнейшем.

Заключение

Таким образом, анализ института возвращения уголовного дела судом прокурору позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый институт, как он был изначально регламентирован в УПК РФ, в его современном виде утратил характер исключительной меры и все чаще используется как средство восполнения недостатков предварительного расследования. Это противоречит назначению суда как органа правосудия и требует пересмотра как законодательных подходов, так и практики их применения. Совершенствование данного института должно быть направлено на реализацию принципов состязательности, правовой определенности и разумного срока уголовного судопроизводства, что в конечном итоге будет способствовать повышению доверия к судебной

власти и эффективности уголовного правосудия в целом, а также обеспечению соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. В связи с чем предлагается классифицировать представленные в УПК РФ основания для возвращения уголовного дела в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, их юридической природы и инициатора принятия такого решения, а также необходимо

законодательно установить запрет о возвращении уголовного дела судом прокурору со стадий апелляционного, кассационного, надзорного производства и ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств, за исключением расследования уголовного дела не уполномоченным на то законом лицом, нарушения подследственности и подсудности и ряде других, строго ограниченных уголовно-процессуальным законом случаев.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баева Т. Н. Возвращение судом уголовного дела прокурору в механизме обеспечения справедливого судебного разбирательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 27 с.
2. Дяденькин С. В. Возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск. 2010. 221 с.
3. Иванов Д. А. Судебный контроль за деятельностью следователя дознавателя по обеспечению возмещения вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. 2018. № 3. С. 170–173.
4. Ежова Е. В. Институт возвращения уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа. 2006. 26 с.
5. Тришева А. А. Возвращение уголовного дела прокурору в российском уголовном процессе: монография. Москва: Проспект. 2023. 320 с.
6. Горбунов М. В. Анализ практики возвращения судами уголовных дел прокурору в порядке статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса РФ // Молодой ученый. 2024. № 41 (540). С. 146–148.
7. Выскребцев Б. С. Два вида оснований возвращения уголовного дела прокурору со стадии подготовки к судебному заседанию: позиция Конституционного Суда // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 4 (27). С. 52–56.
8. Шиплюк В. А. Существенное нарушение норм уголовно-процессуального и материального законодательства как основание возвращения уголовного дела судом прокурору // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. № 1. С. 24–32.
9. Оксюк Т. Л. Возвращение уголовного дела прокурору // Уголовный процесс. 2005. № 1. С. 23–27.
10. Григорьев А. И. Существенные нарушения уголовно-процессуального закона как основание к отмене или изменению приговора суда первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 262 с.
11. Баженов А. В. Реформирование института возвращения уголовного дела судом прокурору в системе правосудия России и стран СНГ: текущее состояние и перспективы развития // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 3 (71). С. 95–103.
12. Бородинова Т. Г. О некоторых новеллах в апелляционном порядке пересмотра приговорах и иных судебных актах // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар. 2011. С. 60–63.
13. Татьяна Л. Г., Головкин В. Л. Полномочия суда апелляционной инстанции при пересмотре решения мирового судьи // Законность. 2004. № 6. С. 42–43.

REFERENCES

1. Baeva T. N. Return of a criminal case to the prosecutor by the court in the mechanism of ensuring a fair trial: Abstract of Diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2006. 27 p. (In Russ.)
2. Dyadenkin S. V. Return of a criminal case to the prosecutor to remove obstacles to its consideration by the court: Diss. ... Cand. of Law. Chelyabinsk. 2010. 221 p. (In Russ.)

3. Ivanov D. A. Judicial oversight of the activities of an investigator-interrogator in ensuring compensation for harm caused by a crime // Bulletin of economic security. 2018. No. 3. P. 170–173. (In Russ.)
4. Yezhova E. V. Institute of return of a criminal case to the prosecutor in russian criminal procedure: Abstract of Diss. ... Cand. of Law. Ufa. 2006. 26 p. (In Russ.)
5. Trisheva A. A. Return of a criminal case to the prosecutor in Russian criminal procedure: Monograph. Moscow: Prospect. 2023. 320 p. (In Russ.)
6. Gorbunov M. V. Analysis of the practice of returning criminal cases to the prosecutor by courts under Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation // Young scientist. 2024. No. 41 (540). P. 146–148. (In Russ.)
7. Vyskrebtev B. S. Two types of grounds for returning a criminal case to the prosecutor from the pre-trial preparation stage: the position of the constitutional court // Law and order: History, Theory, Practice. 2020. No. 4 (27). P. 52–56. (In Russ.)
8. Shplyuk V. A. Material violation of the norms of criminal procedure and substantive legislation as grounds for the return of a criminal case by the court to the prosecutor // Electronic supplement to the Russian law journal. 2011. No. 1. P. 24–32. (In Russ.)
9. Oksyuk T. L. Return of a criminal case to the prosecutor // Criminal procedure. 2005. No. 1. P. 23–27. (In Russ.)
10. Grigoriev A. I. Material violations of the criminal procedure law as grounds for the overturning or changing of a first instance court sentence: Diss. ... Cand. of Law. Yekaterinburg, 2022. 262 p. (In Russ.)
11. Bazhenov A. V. Reforming the institute of return of a criminal case by the court to the prosecutor in the justice system of Russia and the CIS countries: current state and development Prospects // Transactions of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (71). P. 95–103. (In Russ.)
12. Borodina T. G. On some innovations in the appellate procedure for review of sentences and other judicial acts // Modern problems of legal science and law enforcement: proceedings of the all-Russian scientific and practical conference. Krasnodar. 2011. P. 60–63. (In Russ.)
13. Tatyana L. G., Golovkov V. L. Powers of the court of appeal in reviewing the decision of a justice of the peace // Legality. 2004. No. 6. P. 42–43. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. В. Баженов, адъюнкт.

Information about the author:

A. V. Bazhenov, adjunct.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.13

ОБ УЧАСТИИ СПЕЦИАЛИСТА В ПРОИЗВОДСТВЕ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Алина Евгеньевна Демидова

Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия
Kotikhina13@gmail.com

Аннотация. Проведение следственных действий с участием лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, имеет свои особенности. Это связано с наличием психического расстройства, поэтому состояние здоровья таких лиц в момент совершения преступления, а также в период предварительного расследования оценивается посредством судебно-психиатрической экспертизы.

Однако, если с момента ее проведения прошло уже длительное время, то вопрос о состоянии психического здоровья этих лиц для определения возможности их участия в следственном или следственных действиях вызывает у следователя затруднение. В связи с этим в ряде случаев возникает необходимость прибегнуть к специальным знаниям, и здесь, как видится автору статьи, целесообразно участие специалиста. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации не предусмотрен четкий механизм оценки текущего психического состояния лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера (далее – ПММХ), для определения их способности к осознанному участию в следственных действиях. На основе анализа отечественного и зарубежного опыта доказывается роль специалиста как одной из гарантий защиты процессуальных прав таких лиц и обеспечения допустимости доказательств.

Ключевые слова: производство о применении принудительных мер медицинского характера, следственные действия, психическое состояние, участие специалиста.

Для цитирования: Демидова А. Е. Об участии специалиста в производстве о применении принудительных мер медицинского характера // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 109–116.

Original article

ON THE PARTICIPATION OF A SPECIALIST IN PROCEEDINGS ON THE APPLICATION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES

Alina E. Demidova

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russia, Kotikhina13@gmail.com

Abstract. Conducting investigative actions involving individuals subject to compulsory medical measures has its own unique characteristics. This is due to the presence of a mental disorder, and therefore the state of health of such individuals at the time of the crime, as well as during the preliminary investigation, is assessed through a forensic psychiatric examination. However, if a significant period of time has passed since the examination, the investigator faces difficulties assessing the mental health of these individuals to determine their ability to participate in the investigative process or actions. Therefore, in some cases, it is necessary to resort to specialized knowledge, and in this case, the author of this article believes that the participation of

© Демидова А. Е., 2026

a specialist is advisable. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation does not provide a clear mechanism for assessing the current mental state of individuals subject to compulsory medical measures to determine their ability to participate consciously in investigative actions. Based on an analysis of domestic and international experience, the role of a specialist is demonstrated as a guarantee for protecting the procedural rights of such individuals and ensuring the admissibility of evidence.

Keywords: proceedings on the application of compulsory medical measures, investigative actions, mental state, participation of a specialist.

For citation: Demidova A. E. On the participation of a specialist in proceedings on the application of compulsory medical measures // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 109–116. (In Russ.)

Введение

Несмотря на то, что в действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) были внесены изменения, касающиеся лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, в настоящее время еще имеются нормативно неурегулированные вопросы. Современное законодательство предоставляет им право на возможность лично осуществлять права, предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ, как бы приравнивая данную категорию лиц к таким участникам уголовного судопроизводства, как подозреваемый, обвиняемый. Однако их процессуальные статусы не являются тождественными, прежде всего, потому что в отношении лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние в состоянии невменяемости, или лиц, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления, обвинительное заключение не составляется и не выносится обвинительный приговор.

Вопрос об участии в следственных действиях таких лиц имеет дискуссионный характер. Приведем мнения некоторых ученых. А. С. Захаров и Е. З. Трошкин полагают, что проведение следственных действий с их участием допустимо при отсутствии судебного решения об ограничении или лишении их процессуальной дееспособности [1, с. 29]. А. В. Ленский и Ю. К. Якимович обращают внимание на фактическую способность лица к участию, полагая, что если болезнь не препятствует для проведения с ними следственного действия, то оно должно быть разрешено [2, с. 36]. Л. Г. Татьяна

считает, что психическое расстройство может исключить способность мыслить. Она допускает возможность участия невменяемых «в следственных действиях, не требующих высокого уровня когнитивной функции (освидетельствование, изъятие образцов для сравнительного исследования, опознание, судебные экспертизы)» [3, с. 181].

Законодатель в ст. 437 УПК РФ указывает, что участие лиц, в отношении которых ведется производство о ППММХ, в следственных действиях возможно при условии, что их текущее психическое состояние позволяет им это. Согласно этой норме следователь должен осуществить оценку психического состояния лица. Не обладая специальными знаниями в психиатрии, он вынужден руководствоваться своим субъективным мнением, что может привести к необоснованному ограничению процессуальных прав рассматриваемой категории лиц, а также признанию доказательств, полученных с участием такого лица, недопустимыми.

Представляется, что имеет значение привлечение специалиста для удостоверения текущего состояния психического здоровья лица и его способности к личному участию в конкретном следственном действии, если судебно-психиатрическая экспертиза проводилась с большим временным отрывом от планируемого к проведению следственного действия.

Специалисты в области судебной психиатрии условно делят лиц, страдающих психическим расстройством, на две группы, основываясь на характере заболевания. Первая группа состоит из лиц с хроническими формами заболеваний, такими как бредовое

(параноидное расстройство), шизофрения, эпилепсия. Такие заболевания характеризуются неизменными проявлениями, могут вызывать более строгие ограничения или требовать особых форм участия. Ко второй группе относят лиц с временными психическими расстройствами психотического уровня, а также лиц, переживающих исключительное психическое состояние. Примером будет являться патологический аффект, сумеречное помрачение сознания, понятие реакции короткого замыкания, патологическое просоночное состояние. Такие временные психические расстройства способствуют к признанию лица невменяемым [4, с. 168]. Однако исключительное состояние у лица имеет кратковременное действие, также может проявиться как единственный эпизод в жизни, поэтому его психическое состояние может улучшиться со временем [5, с. 314]. Это следует понимать следовательно, ведущему производству по такому уголовному делу, и участие специалиста при этом, по мнению автора статьи, необходимо.

Методы

В исследовании использовался диалектический метод как всеобщий метод научного познания. Из специальных методов были применены: сравнительно-правовой, системный анализ, догматический (формально-юридический), а также метод научного анализа и синтеза. Данные методы позволили проанализировать нормы уголовно-процессуального законодательства, регулирующие производство о ППММХ, обобщить позиции ученых и сформировать выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

Результаты

Поскольку лица, страдающие психическим расстройством, имеют нестабильное поведение и нестабильное состояние здоровья, необходима профессиональная оценка их психического состояния на текущий момент производства по уголовному делу, когда решается вопрос о возможности (невозможности) их участия в следственных действиях. Однако следователь такую оценку осуществлять самостоятельно не должен.

Он, конечно, учитывает результаты судебно-психиатрической экспертизы (экспертиз), но его решение о возможности участия в следственных действиях рассматриваемой категории лиц в конкретный период времени носит субъективный характер. Опасность в том, что их результаты впоследствии могут быть оспорены, если будет установлено, что такие лица не в полной мере могли принимать участие из-за состояния психического здоровья.

Существует несколько подходов, касающихся выработки механизмов оценки психического состояния в процессе производства о ППММХ. Одни авторы говорят о необходимости введения в УПК РФ специального следственного действия, а именно освидетельствования психического состояния лица [2, с. 36; 6, с. 145]. Другие полагают, что данное процессуальное действие возможно проводить посредством уже существующей ст. 179 УПК РФ, но дополнив ее положениями, связанными с лицами, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера [7, с. 160]. Придерживаясь такой позиции, В. Н. Исаенко считает, что до возбуждения уголовного дела, в случае необходимости, существует возможность проведения проверочных мероприятий, направленных на установление психического состояния лица в порядке, предусмотренном ст. 179 УПК РФ. По итогам освидетельствования решается вопрос о возможности участия лица в дальнейших процессуальных действиях, выделяя важность предварительной консультации с врачами-психиатрами [8, с. 6].

Имеет место точка зрения о привлечении следователем специалиста в области психиатрии, что позволит обеспечить квалифицированное сопровождение и своевременно выявлять ограничения в участии лиц, страдающих психическим расстройством [3, с. 181]. Такие специалисты указывают на риск возникновения психогенных расстройств в условиях высокой психотравмирующей нагрузки, присущей предварительному следствию. Это влияет на появление

реактивных психозов у лиц, ранее не имевших психических нарушений, а также усугубление существующих психических расстройств за счет «психогенных наслоений» [9, с. 3].

В рамках производства о ППММХ участие в нем специалиста, обладающего психологическими и психотерапевтическими знаниями, имеет важное значение, поскольку он обеспечивает всестороннее понимание психического состояния лиц, страдающих психическим расстройством, что позволяет выявить особенности, влияющие на их восприятие, мышление и поведение. Специалист оказывает содействие следователю в оценке к моменту проведения следственного действия с участием такого лица его психического здоровья.

Несмотря на то, что такой участник уголовного судопроизводства (специалист) не осуществляет проведение судебно-психиатрической экспертизы, его оценка текущего состояния психического здоровья лица может повлиять на решение следователя о возможности участия лица, страдающего психическим расстройством, в конкретном следственном действии в конкретное время.

Анализ зарубежного законодательства позволяет выделить несколько специальных механизмов, обеспечивающих права данной категории лиц в иностранных государствах. Так, в Республике Таджикистан законодателем хотя не предусмотрена конкретная норма, которая напрямую относилась бы к производству о ПММХ, однако в соответствии со ст. 430 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан «Участие педагога и психолога» указано, что в допросе лиц, признанных умственно отсталыми, присутствие педагога и психолога является обязательным. В Республике Казахстан проведение допроса с лицами, у которых имеется психическое расстройство или иное тяжелое заболевание, возможно только с разрешения и присутствия врача (ч. 8 ст. 210 Уголов-

но-процессуального кодекса Республики Казахстан)¹. Такое положение обеспечивает защиту для данной категории лиц, создавая обязательное условие осуществления следственного действия. Участие врача становится гарантией, что допрос не усугубит их состояние. В Республике Армения присутствие психолога является обязательным не только на допросе, но и при осуществлении любого следственного действия, производимого с участием недееспособного лица или лица, имеющего проблему психического здоровья (ч. 1 ст. 212 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения). Данный участник уголовного судопроизводства наделен процессуальными полномочиями для обеспечения защиты лиц, страдающих психическим расстройством, при этом он выступает их гарантом не только в момент дачи показаний, но и в течение всего взаимодействия со следователем.

Такие подходы свидетельствуют о том, что для данной категории лиц недостаточно наличия общих процессуальных гарантий. Имеется необходимость в создании специальных механизмов, которые бы учитывали особенности психического состояния и обеспечивали реализацию такими лицами их прав при производстве о применении принудительных мер медицинского характера.

Следует отметить, что, если на момент возбуждения уголовного дела имеются сведения о наличии у лица, подозреваемого в совершении общественно опасного деяния, психического расстройства, это подчеркивает необходимость назначения судебно-психиатрической экспертизы. Определение состояния вменяемости или невменяемости субъекта, а также установление степени осознанности фактического характера и общественной опасности совершенного им деяния и способности руководить своими действиями возможны при наблюдении клинической динамики психического рас-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 30 июня 2021 г. // Национальное собрание Республики Армения: официальный сайт. URL: http://www.parliament.am/law_docs/27072021ZR306_ru.pdf (дата обращения: 22.01.2026).

стройства, включая выявление его глубины и тяжести. Это имеет значение для полного понимания клинической картины заболевания, его дальнейшего развития и прогнозирования перспектив выздоровления лица. Наличие данных сведений имеет важное значение для принятия судом обоснованных процессуальных решений [10, с. 13].

Вместе с тем сведения, указывающие на наличие психического расстройства у лица, совершившего общественно опасное деяние, напрямую не свидетельствуют о его невменяемости. «Исходя из презумпции психического здоровья, лицо считается вменяемым (дееспособным) до тех пор, пока следователь, основываясь на заключении судебно-психиатрической экспертизы, не установит юридический факт его невменяемости (недееспособности)» [11, с. 23]. Авторы отмечают, что «до проведения экспертизы следственные органы ссылаются на презумпцию вменяемости лица, т. е. лицо, чье психическое состояние вызывает сомнение, рассматривается в качестве вменяемого и способного принимать участие в уголовном процессе» [12, с. 88]. Поэтому сведения, полученные от такого лица в ходе следственных действий, должны быть оценены в совокупности с другими доказательствами, имеющимися в материалах уголовного дела. Следователь и суд, получив результаты судебно-психиатрической экспертизы, должны по-новому оценить информацию, полученную от лица ранее [13, с. 174].

В дальнейшем при возникновении необходимости участия рассматриваемого лица в следственных и иных процессуальных действиях, при проведении которых оно должно дать показания (допрос, очная ставка), или пояснения (проверка показаний на месте, следственный эксперимент), или заявления (ознакомление с заключениями экспертов, ознакомление с материалами уголовного дела), целесообразно привлекать специалиста для разъяснения вышеобозначенных вопросов. В научной литературе, в частности в трудах Л. Г. Татьяниной, выделяется значимость привлечения специалиста для проведения

следственных действий с лицами, имеющими признаки психического отклонения, для подтверждения их факта участия [14, с. 113].

Вместе с тем в современном уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют положения об обязательном участии специалиста с обозначенной целью. Однако, по нашему мнению, это необходимо сделать. К тому же специалистом могут быть предложены следователю оптимальные подходы к коммуникации с лицом, в отношении которого ведется производство о ПММХ. Его заключения могут оказать необходимую помощь следователю и суду в этих и других вопросах.

Многие ученые-процессуалисты, среди которых И. Е. Авербах, Е. А. Голубева, С. П. Щерба, придерживаются позиции, признавая значимость обязательного вовлечения в производство специалиста, особенно при проведении допроса [15, с. 92; 16, с. 56]. Поддерживая данную точку зрения, Н. Ю. Волосова в дополнении указывает на важность законодательного закрепления участия психолога [17, с. 21]. Л. Г. Татьяна предлагает расширить временные рамки привлечения специалиста и подчеркивает, что необходимо вовлекать такого участника с момента начала любого процессуального взаимодействия с лицом, страдающим психическим расстройством, включая стадии задержания и допроса, при этом целесообразно рассматривать узкие специализации, а именно психиатров, психологов, наркологов [18, с. 96].

Согласимся с данным подходом, поскольку раннее вовлечение специалиста в процессуальную деятельность с участием рассматриваемых лиц представляется необходимым, так как, обладая специальными знаниями, этот участник уголовного процесса окажет следователю и суду помощь в установлении тех аспектов, которые находятся за пределами их компетенций.

Такие авторы, как О. В. Волынская и Е. В. Семенова, отмечают, что привлечение специалиста-психиатра имеет значение после завершения судебно-психиатриче-

ской экспертизы [19, с. 45]. Считаем такой подход может нести определенные риски. Во-первых, ограничивается возможность следователя в оперативном получении квалифицированной помощи для установления контакта с лицом, страдающим психическим расстройством, и выявления его индивидуальных особенностей, что может повлиять на выбор тактики производства следственных действий. Во-вторых, это может замедлить процесс расследования и привести к упущению значимых для дела обстоятельств, которые могли бы быть выявлены при участии в следственных действиях лица, имеющего психическое расстройство, обеспеченном оценкой его состояния специалистом, на раннем этапе.

Заключение

С целью обеспечения прав лиц, страдающих психическим расстройством, представляется правильным закрепить участие специалиста в производстве по уголовному делу, осуществляемому в порядке, регламентированном главой 51 УПК РФ. В этой связи полагаем целесообразным дополнить ст. 437 УПК РФ частью 1.1, предусматривающей обязанность следователя получить заключение специалиста, обладающего познаниями в области психиатрии или судебной психиатрии, перед проведением следственных и иных процессуальных действий с лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, если такому лицу не оказывается медицинская помощь в стационарных

условиях, а также его участие в проводимом следственном действии, предусмотрев ее содержание в следующей редакции:

1. При производстве следственных действий и иных процессуальных действий, сопряженных с получением показаний или заявлений лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера, участие специалиста в области психиатрии или судебной психиатрии является обязательным.

2. Перед проведением следственных и иных процессуальных действий следователь обязан получить письменное заключение специалиста о текущем психическом состоянии лица и его способности:

а) осознавать фактический характер и значение проведения планируемого процессуального действия;

б) реализовывать предоставленные ему процессуальные права;

в) адекватно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания.

3. В заключении специалистом должны отражаться наличие или отсутствие медицинских противопоказаний для участия в процессуальном действии и рекомендации по продолжительности его проведения.

Это позволит следователю и суду определить реальную возможность лица, страдающего психическим расстройством, участвовать в следственных и иных процессуальных действиях, учитывая его текущее состояние здоровья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Захаров А. С., Трошкин Е. З. Досудебное производство по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых лиц: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2010. 240 с.
2. Ленский А. В., Якимович Ю. К. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М.: Юрист, 1999. 48 с.
3. Татьяна Л. Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2003. 560 с.
4. Георгадзе З. О. Судебная психиатрия: учебное пособие. М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 168–179.
5. Морозов Г. В. Судебная психиатрия. «Юридическая литература»: учебник для студентов юридических институтов и факультетов. М.: Юридическая литература, 1978. 431 с.

6. Колмаков П. А. Правовое регулирование принудительных мер медицинского характера. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1999. 189 с.
7. Бажукова Ж. А. Гарантии прав лица, в отношении которого осуществляется уголовное судопроизводство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. Сыктывкар, 2008. 219 с.
8. Исаенко В.Н. Проблемы назначения и производства судебно-психиатрической экспертизы при проверке сообщения о преступлении // Законность, 2014. № 2 (952). С. 46–50.
9. Жариков Н. М., Морозов Г. В., Хритинин Д. В. Судебная психиатрия: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008. 560 с.
10. Гельмель В. Я., Майорчик В. Н., Петухов Е. Н. Досудебное производство по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера: учебно-практическое пособие. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2004. 47 с.
11. Аргунова Ю. Н. Права граждан с психическими расстройствами. М., 2003. 136 с.
12. Гедакян Д. А. Уголовно-правовые аспекты вменяемости в уголовном законодательстве в Российской Федерации // Развитие научного знания в глобализирующемся мире: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2020. С. 88–92.
13. Татьяна Л. Г., Бычков А. Н. Некоторые вопросы получения информации от лиц, признанных невменяемыми или недееспособными // Вестник ЮУрГУ. Серия: право. 2006. № 13. С. 174–176.
14. Татьяна Л. Г. Участие специалиста на стадии предварительного расследования // Человек и общество: материалы международной научно-практической конференции. Оренбург, 2001. С. 113–117.
15. Авербах И. Е., Голубева Е. А. К вопросу о вменяемости психически неполноценных лиц // Вопросы экспертизы в работе защитника. Л., 1970. С. 92–97.
16. Щерба С. П. Теоретические основы и особенности уголовного судопроизводства по делам лиц, страдающих физическими или психическими недостатками: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990. 59 с.
17. Волосова Н. Ю. Процессуальное положение потерпевшего в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 22 с.
18. Татьяна Л. Г. Задержание и допрос в качестве подозреваемого лиц, страдающих наркоманией // Вести Южно-уральского государственного университета. Серия: Право. Вып. 1, № 8. Челябинск, 2001. С. 62–64.
19. Волинская О. В., Семенкова Е. В. Особенности производства следственных действий с участием лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 44–47.

REFERENCES

1. Zakharov A. S., Troshkin E. Z. Pretrial Proceedings in Criminal Cases on Socially Dangerous Acts of Insane Persons: monograph. Moscow: UNITY-DANA, Law and Right, 2010. 240 p. (In Russ.)
2. Lenskii A. V., Yakimovich Yu. K. Proceedings on the application of compulsory medical measures. Moscow: Yurist, 1999. 48 p. (In Russ.)
3. Tatyana L. G. Procedural problems of proceedings in criminal cases involving persons with mental deficiencies (theoretical and practical issues): Diss. ... Doctor of Law. Izhevsk, 2003. 560 p. (In Russ.)
4. Georgadze Z. O. Forensic psychiatry: textbook. Moscow: Law and right, UNITY-DANA, 2003. P. 168–179. (In Russ.)
5. Morozov G. V. Forensic psychiatry: textbook for students of law institutes and faculties. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1978. Pp. 431. (In Russ.)
6. Kolmakov P. A. Legal regulation of compulsory medical measures. Syktyvkar: Syktyvkar University, 1999. 189 p. (In Russ.)
7. Bazhukova Zh. A. Guarantees of the rights of a person subject to criminal proceedings on the application of compulsory medical measures: Diss. ... Cand. of Law. Syktyvkar, 2008. 219 p. (In Russ.)
8. Isaenko V. N. Problems of appointing and conducting forensic psychiatric examination during the verification of a crime report // Legality. 2014. No. 2 (952). P. 46–50. (In Russ.)

9. Zharikov N. M., Morozov G. V., Khritinin D. V. Forensic psychiatry: textbook for universities. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: NORMA, 2008. 560 p. (In Russ.)
10. Gelmel V. Ya., Maiorchik V. N., Petukhov E. N. Pretrial proceedings in criminal cases on the application of compulsory medical measures: educational and practical guide. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2004. 47 p. (In Russ.)
11. Argunova Yu. N. Rights of citizens with mental disorders. Moscow, 2003. 136 p. (In Russ.)
12. Gedakyan D. A. Criminal law aspects of sanity in the criminal legislation of the Russian Federation // Development of scientific knowledge in a globalizing world: collection of scientific papers based on the materials of the international scientific and practical conference. Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research, 2020. P. 88–92. (In Russ.)
13. Tatyana L. G., Bychkov A. N. Some issues of obtaining information from persons recognized as insane or incompetent // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2006. No. 13. P. 174–176. (In Russ.)
14. Tatyana L. G. Participation of a specialist at the stage of preliminary investigation. Man and Society: materials of the international scientific and practical conference. Orenburg, 2001. P. 113–117. (In Russ.)
15. Averbakh I. E., Golubeva E. A. On the issue of sanity of mentally defective persons // Issues of expertise in the work of a defense lawyer. Leningrad, 1970. P. 92–97. (In Russ.)
16. Shcherba S. P. Theoretical foundations and specifics of criminal proceedings in cases of persons suffering from physical or mental deficiencies: abstract of diss. ... Doctor of Law Moscow, 1990. 59 p. (In Russ.)
17. Volosova N. Yu. Procedural status of the victim in the Russian criminal process: abstract of diss. ... Doctor of Law. Yekaterinburg, 1999. 22 p. (In Russ.)
18. Tatyana L. G. Detention and interrogation as a suspect of persons suffering from drug addiction // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2001. Iss. 1, no. 8. P. 62–64. (In Russ.)
19. Volynskaya O. V., Semenkova E. V. Specifics of conducting investigative actions with the participation of a person subject to proceedings on the application of compulsory medical measures // Bulletin of Economic Security. 2023. No. 1. P. 44–47. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Е. Демидова, адъюнкт.

Information about the author:

A. E. Demidova, adjunct.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.982.347

ЭКСПЕРТНЫЙ СВЕТ КАК КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ТЕХНИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ СЛЕДОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Алексей Саввович Мигунов¹, Юлия Владимировна Мигунова²

¹ Экспертно-криминалистический центр МВД по Республике Башкортостан, Уфа, Россия

² Институт стратегических исследований Академии наук Республики Башкортостан, Уфа, Россия

¹ alexx1975-14@yandex.ru, ² ignatenko_isei@mail.ru, ¹ ORCID: 0000-0003-0634-2135

Аннотация. На основе эксперимента показано, как применение экспертного света способствует обнаружению и исследованию следов рук (ног) на различных поверхностях. Важная роль в качественной визуализации следовой информации на поверхностях, а также в ее изображении на фото отведена фильтрам, в частности фильтру желтого цвета как одному из наиболее эффективных средств технической фиксации следа. Результаты эксперимента показали, что наиболее четкие фотоснимки следов рук получаются в спектре синего света в сочетании с данным фильтром (при условии выявления следов люминесцентными порошками). Фотофиксация таких следов проводится без искажения за счет «свечения» следа, обеспечивающего полную визуализацию по всей его площади. Последнее обстоятельство делает возможным в последующем проведение дактилоскопической экспертизы по фотоизображению даже в том случае, если след по каким-либо причинам физически утрачен.

Ключевые слова: экспертный свет, след, криминалистическое средство, осмотр места происшествия, фильтры, материал следоносителя.

Для цитирования: Мигунов А. С., Мигунова Ю. В. Экспертный свет как криминалистическое средство обеспечения эффективности технической фиксации следовой информации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 117–125.

Original article

EXPERT LIGHT AS A FORENSIC MEANS OF ENSURING THE EFFECTIVENESS OF TECHNICAL RECORDING OF TRACE INFORMATION

Alexey S. Migunov¹, Yulia V. Migunova²

¹ Forensic Expert Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

² Institute of Strategic Studies, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia

¹ alexx1975-14@yandex.ru, ² ignatenko_isei@mail.ru, ¹ ORCID: 0000-0003-0634-2135

Abstract. Based on the experiment, it is shown how the use of expert light contributes to the detection and examination of hand (foot) marks on various surfaces. An important role in the qualitative visualization of trace information on surfaces, as well as in its image in the photo, is assigned to filters, in particular, the yellow filter as one of the most effective means of technical trace fixation. The results of the experiment showed that the clearest photographs of handprints are obtained in the blue light spectrum in combination with this filter (provided that the traces are detected by fluorescent powders). Photofixation of such traces is carried out without distortion due to the “glow” of the trace, which provides complete visualization over its entire area. The latter circumstance makes it possible to carry out a fingerprint examination of the photo image in the future, even if the trace is physically lost for some reason.

Keywords: expert light, trace, forensic tool, crime scene investigation, filters, trace carrier material.

© Мигунов А. С., Мигунова Ю. В., 2026

For citation: Migunov A. S., Migunova Yu. V. Expert light as a forensic means of ensuring the effectiveness of technical recording of trace information // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 117–125. (In Russ.)

Введение

При расследовании, раскрытии преступлений существенную, если не главную, роль играет качество проведенного осмотра места происшествия. От того как досконально и четко сработает следственно-оперативная группа на месте происшествия, зависит раскрытие преступления [1; 2]. Здесь важна роль каждого сотрудника следственно-оперативной группы. На первых этапах исследования места происшествия эксперт-криминалист, применяя криминалистические средства и методы, осуществляет поиск, выявление, фиксацию и изъятие следов и вещественных доказательств, тем самым создавая задел для раскрытия преступления и формируя доказательную базу. Нередко именно по следовой информации преступление раскрывается «по горячим следам», в дежурные сутки.

Эксперт-криминалист на месте происшествия применяет различные криминалистические средства и методы, способы обнаружения (выявления) следов рук, трасологических следов (обуви, взлома и т. п.), следов биологического происхождения и иных. Среди самых распространенных способов выявления латентных следов рук, обуви на месте происшествия – физический способ с использованием дактилоскопических порошков, в том числе люминесцентных [3; 4].

Так, согласно тактике осмотра, после обнаружения следов рук (ног) эксперту необходимо произвести техническую фиксацию обнаруженных следов – фотографирование, копирование и т. п., а также оказать помощь следователю (дознавателю) в процессуальной фиксации следовой информации путем описания в протоколе осмотра места происшествия [5]. Фотофиксацию способом детальной фотосъемки необходимо проводить в целях сохранности выявленных следов, прежде чем изымать их с места происшествия [6; 7]. При изъятии следов с использованием слеδοкопировальных об-

ектов (дактилопленки, гипса и др.) имеется вероятность их случайного искажения, частичного или даже полного уничтожения.

В основном на осмотре места происшествия эксперт обеспечивает освещение выявленных следов для последующей фотофиксации с помощью фонарика, осветителей. На качество фоторепродукции следа влияет вид и цвет применяемого для выявления дактилоскопического порошка, а также материал, структура, цвет объекта следоносителя [8; 9].

В этой связи для получения качественных фотоснимков выявленных следов рук, обуви возможно использование источника экспертного света. Назначение изделия подобного рода разнообразно:

- исследование объектов в различных световых спектрах;
- осмотр места происшествия;
- обнаружение следов биологического происхождения;
- контроль подлинности документов [10; 11].

Экспертные источники света используются при осмотре места преступления и в лабораторных условиях, в основном для поиска биологических жидкостей, волос и волокон, гематом, следов укусов, ран, выстрелов, наркотиков, для обнаружения фрагментов костей. Также указанные источники можно применять для визуализации следов рук (ног), обуви, выявленных с применением флуоресцентных порошков [12; 13; 14].

Методы

В целях определения качества фотоснимков следов рук, выявленных флуоресцентными дактилоскопическими порошками и визуализированных с использованием источника экспертного света, был проведен эксперимент.

Для производства исследований в лучах различных спектров был применен источник экспертного света «SP-1020» (рис. 1).

Рис. 1. Комплект источников экспертного света «SP-1020» в закрытом и открытом виде

Рис. 2. Модули белого, синего и ультрафиолетового света

Данный прибор позволяет исследовать объекты в белом, синем, ультрафиолетовом свете и, соответственно, имеет три модуля экспертного света: модуль белого света (длина волны 400–700 нм), модуль синего света (длина волны 445 нм), модуль ультрафиолетового света (УФ) (длина волны 365 нм) (рис. 2).

Объектами (следоносителями) выбраны материалы, которые наиболее часто встречаются на местах происшествий – в домах, офисных, производственных помещениях и т. д.:

1. Ламинированная древесно-стружечная плита (далее – ЛДСП) – материал, используемый для производства корпусной мебели, столов, стульев, кухонных гарнитуров, а также для внутренней отделки помещений, в том числе для устройства полов. Поверхность ЛДСП ламинируется, то есть покрывается гладкой или фактурной пленкой (под дерево)

и фиксируется специальным полимерным составом.

2. Окрашенный металл (сплав) – материал, используемый для производства входных, межкомнатных дверей и т. п.

Результаты

На объектах, изготовленных из указанных материалов – на двери офисного шкафа (из ЛДСП), входной двери в помещение (из окрашенного в серый цвет металла), были оставлены латентные следы рук, впоследствии выявленные физическим способом с использованием магнитной кисточки и магнитного дактилоскопического флуоресцентного порошка зеленого цвета производства ООО НПП «КРИМТЕХТРЕЙД». Данные следы были исследованы в спектре белого света источника «SP-1020». Получены фотоснимки указанных следов (рис. 3, 4).

Затем следы были исследованы в спектрах синего и ультрафиолетового света как

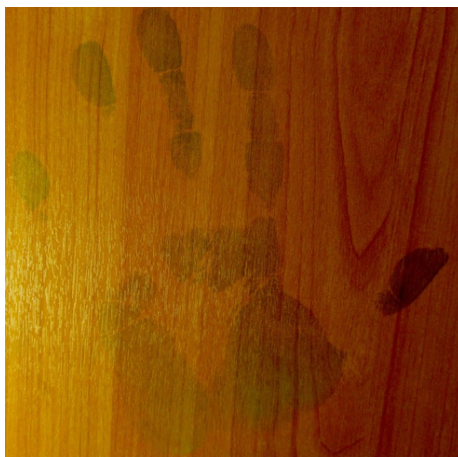

Рис. 3. След руки на двери шкафа, изготовленной из ЛДСП (фото в спектре белого света)

Рис. 4. След руки на входной металлической двери (фото в спектре белого света)

без фильтров, так и с использованием красного и желтого фильтров (рис. 5). Получены фотоснимки следов. Наиболее четкое изображение следа на фото, как и его визуализация на поверхности, наблюдались с использованием желтого фильтра.

На рис. 6 видно, что изображение следа руки на двери шкафа, изготовленной из

ЛДСП, в спектре синего света (без фильтра) нечеткое, что затрудняет проведение сравнительного исследования по данному фотоснимку. Если посмотреть на тот же след в спектре синего света с использованием желтого фильтра, то след проявится гораздо ярче.

То же можно наблюдать и на рис. 7, где представлен след руки на входной металли-

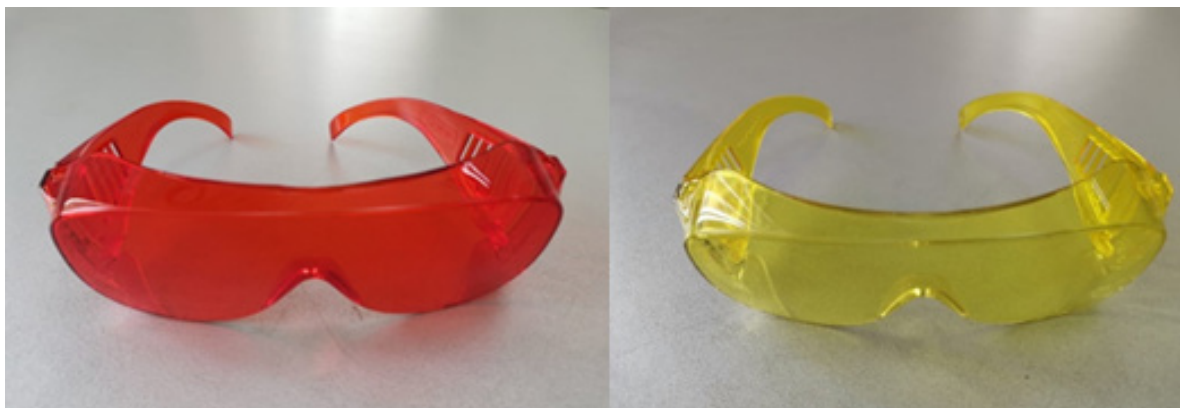

Рис. 5. Красный и желтый фильтры

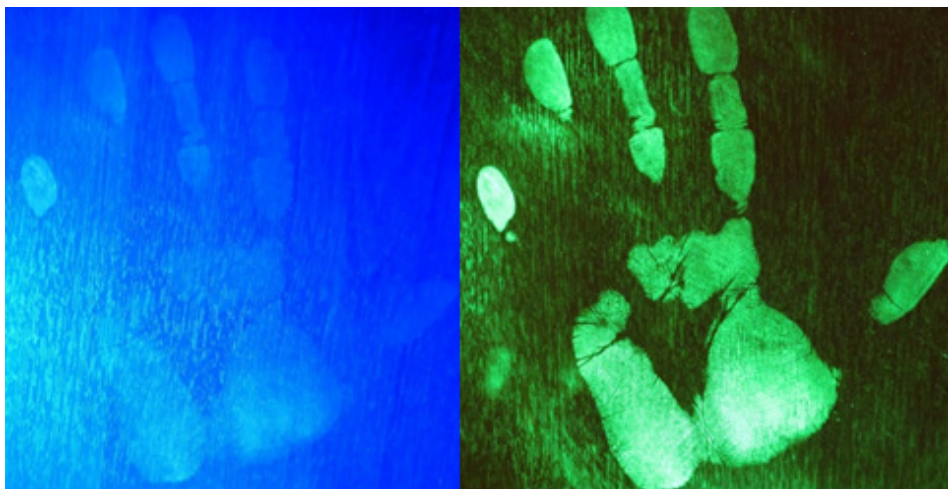

Рис. 6. След руки на двери шкафа, изготовленной из ЛДСП, –
(слева) фото в спектре синего света без фильтра;
(справа) фото в спектре синего света с использованием желтого фильтра

ческой двери также в спектре синего света с применением желтого фильтра, – рисунок следа ясный, позволяющий досконально исследовать данный след.

На осмотрах мест происшествий, как и в лабораторных условиях, где применяется в основном фотофиксация следов рук (ног), используются источники белого света (фонарики, осветители). В условиях работы непосредственно на месте происшествия невозможно иметь при себе множество крупногабаритных приборов, что объясняется мобильностью эксперта, который выезжает на место преступления только с чемоданом криминалиста (за ис-

ключением выезда на место преступления в передвижной криминалистической лаборатории). При этом экспертом производится детальная фотосъемка, применяются различные техники освещения с целью зафиксировать более полное и четкое отображение деталей (частных признаков) следов – фотографирование в проходящем, отраженном, косопадающем свете и т. п.

Применение источника экспертного света избавляет от необходимости искать определенное положение объектива фотоаппарата для того, чтобы в блике «поймать в кадр» участок следа, где наиболее

Рис. 7. След руки на входной металлической двери
(фото в спектре синего света с использованием желтого фильтра)

Рис. 8. След руки на двери шкафа, изготовленной из ЛДСП

Рис. 9. След руки на двери шкафа, изготовленной из ЛДСП (фото в спектре синего света с использованием желтого фильтра). След расположен под углом 90° к осевой линии фотообъектива

четко отображены детали папиллярного узора [15].

Как видно на рис. 8, изображение следа на фотоснимке искажено из-за его фиксации под углом 45° относительно плоскости объектива. В результате четкий участок просматривается только в отображении ладони руки.

Напротив, на фотоснимке следа руки, полученного с использованием источника экспертного света, наблюдается изображение следа с четким отображением общих и частных признаков по всей площади следа (рис. 9). При этом след зафиксирован без искажений под углом 90° к осевой линии фотообъектива.

Заключение

Исходя из результатов эксперимента, можно констатировать, что наиболее качественные, четкие, полные фотоснимки следов рук получаются в спектре синего света в сочетании с фильтром желтого цвета (при условии выявления следов люминесцентными порошками). Фотофиксация подобных следов проводится без искажения за счет «свечения» следа, обеспечивающего полную визуализацию по всей его площади. Последнее обстоятельство делает возможным в последующем проведение дактилоскопической экспертизы по фотоизображению, даже если след по каким-либо причинам физически утрачен (при копировании, хранении и прочих обстоятельствах).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Романов В. И., Романов А. В. Фотофиксация следов в ходе осмотра места происшествия // Тагичевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции. Тольятти: КФУ, 2016. Т. 3. С. 282–286.
2. Мурченко М. А. Особенности тактики осмотра места происшествия в ходе расследования преступления // Актуальные вопросы перспективных научных исследований: сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции. Смоленск: МНИЦ «Наукосфера», 2019. С. 81–83.
3. Кудряшов Д. А. Актуальные проблемы в работе специалистов-криминалистов со следами в ходе осмотра мест происшествий // Актуальные проблемы уголовной политики: история, современность и перспективы: труды Международной научной конференции. М.: МФЮА, 2016. С. 96–101.
4. Афоненков М. В. Актуальные проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений в районах вооруженного конфликта // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 6. С. 170–173.
5. Красненко Ю. В. Реализация возможностей криминалистического сопровождения раскрытия и расследования преступлений в современных условиях // Проблемы правоохранительной деятельности. 2023. № 2. С. 21–24.
6. Звягин И. С., Звягин Д. С. Технические средства фиксации при производстве следственных действий // Охрана, безопасность, связь. 2022. № 7-2. С. 139–142.
7. Кучин О. С. Современное значение криминалистической фотографии в следственной, экспертной и судебной практиках // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) / отв. ред. Г. М. Меретуков. Краснодар: ФГБОУ ВО Кубанский ГАУ, 2019. С. 41–47.
8. Фролов Д. В., Аристова Е. М. Методы обнаружения и способы фиксации и изъятия следов пальцев рук // Молодежная инициатива: сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Пенза: ФГБОУ ВО Пензенский ГАУ, 2022. С. 157–161.
9. Веренич И. В., Прошин В. М. Криминалистическая наука и теория механизма преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 672 с.
10. Ксендзов Ю. Ю. Современные технико-криминалистические средства, применяемые в ходе раскрытия и расследования преступлений: монография. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021. 120 с.
11. Мигунов А. С. К вопросу о давности образования следов рук // Вестник БИСТ. 2015. № 2 (27). С. 131–134.
12. Власенко Е. Р. Современные возможности использования экспертного света при проведении следственных действий и производстве экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы: международный опыт, проблемы, перспективы (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя): сборник научных трудов Международного форума / сост. В. В. Бушуев. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2022. С. 360–362.
13. Дусева Н. Ю., Нефедов И. Возможности использования комплекта источников экспертного света при осмотре места происшествия // Генезис и онтология инновационно ориентированной деятельности в условиях цифровизации: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: ООО «Аэтерна», 2023. С. 195–196.
14. Лапшин В. Е., Гуров Е. В. Выявление скрытых следов источниками экспертного света // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов научно-практической конференции с международным участием. Н. Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2024. С. 206–213.
15. Александрова В. Ю., Амиева Н. Г., Богатырева Е. А., Куклев М. Ю., Лапенков М. И. Опыт использования источников экспертного света для поиска следов биологического происхождения // Судебно-медицинская экспертиза. 2020. Т. 63, № 6. С. 21–25. <https://doi.org/10.17116/sudmed20206306121>.

REFERENCES

1. Romanov V. I., Romanov A. V. Photographic recording of traces during the inspection of the crime scene // Tatishchev readings: current problems of science and practice: collection of materials of the XIII International scientific and practical conference. Tolyatti: KFU, 2016. Vol. 3. P. 282–286.
2. Murchenko M. A. Features of the tactics of examining the crime scene during the investigation // Current issues of promising scientific research: collection of scientific papers based on the materials of the III International scientific and practical conference. Smolensk: MNITS “Naukosfera”, 2019. P. 81–83.
3. Kudryashov D. A. Current problems in the work of forensic specialists with traces during the inspection of crime scenes // Current problems of criminal policy: history, modernity and prospects: proceedings of the International scientific conference. Moscow: Moscow Financial and Law University, 2016. P. 96–101.
4. Afonenkov M. V. Current issues of technical and forensic support for solving and investigating crimes in armed conflict areas // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 6. P. 170–173.
5. Krasnenko Yu. V. Implementing the potential of forensic support for solving and investigating crimes in modern conditions // Problems of law enforcement activity. 2023. No. 2. P. 21–24. (In Russ.)
6. Zvyagin I. S., Zvyagin, D. S. Technical means of recording during investigative actions // Security, safety, and communications. 2022. No. 7–2. P. 139–142. (In Russ.)
7. Kuchin O. S. The modern significance of forensic photography in investigative, expert, and forensic practices // Modern problems of domestic forensic science and prospects of its development: a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation) / ed. G. M. Meretukov. Krasnodar: Kuban State Agrarian University, 2019. P. 41–47. (In Russ.)
8. Frolov D. V., Aristova E. M. Methods of detection and ways of recording and removing fingerprints // Youth initiative: a collection of articles from the VI international scientific and practical conference. Penza: Penza State Agrarian University, 2022. P. 157–161. (In Russ.)
9. Verenich I. V., Proshin V. M. Forensic science and theory of the mechanism of crime: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016. 672 p. (In Russ.)
10. Ksendzov Yu. Yu. Modern technical and forensic tools used in the course of crime detection and investigation: monograph. Saint Petersburg: St. Petersburg Institute (branch) of VSUYU (RPA Ministry of Justice of Russia), 2021. 120 p. (In Russ.)
11. Migunov A. S. On the issue of the age of fingerprints // BIST Bulletin. 2015. No. 2 (27). P. 131–134. (In Russ.)
12. Vlasenko E. R. Modern possibilities of using expert light in investigative actions and conducting examinations // Theory and practice of forensic examination: international experience, problems, prospects (on the 20th anniversary of the foundation of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot): collection of scientific papers of the International Forum / compiled by V. V. Bushuev. Moscow: Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. P. 360–362. (In Russ.)
13. Duseva N. Yu., Nefedov I. Possibilities of using a set of expert light sources during crime scene inspection // Genesis and ontology of innovation-oriented activities in the context of digitalization: a collection of articles from the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Ufa: OOO Aeterna, 2023. P. 195–196. (In Russ.)
14. Lapshin V. E., Gurov E. V. Identification of Hidden Traces with Expert Light Sources // National and international trends and prospects for the development of forensic science: a collection of papers from the scientific and practical conference with international participation. N. Novgorod: National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 2024. P. 206–213. (In Russ.)
15. Aleksandrova V. Yu., Amieva N. G., Bogatyreva E. A., Kuklev M. Yu., Lapenkov M. I. Experience of using expert light sources to search for traces of biological origin // Forensic Medical Examination. 2020. Vol. 63, no. 6. P. 21–25. <https://doi.org/10.17116/sudmed20206306121>. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. С. Мигунов, без ученой степени;

Ю. В. Мигунова, кандидат социологических наук.

Information about the authors:

A. S. Migunov, no academic degree;

Yu. V. Migunova, Candidate of Sociology.

Статья поступила в редакцию 29.08.2025; одобрена после рецензирования 13.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 29.08.2025; approved after reviewing 13.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 343.13(470)

ПРАВОВАЯ ОСНОВА, СРОКИ, ПОРЯДОК ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Кристина Юрьевна Яковлева¹, Игорь Борисович Тутынин²,
Михаил Юрьевич Терехов³

^{1, 2, 3} Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

² Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ kristina15.03.1998@yandex.ru, ² tutig@rambler.ru, ³ terehovmu@yandex.ru

¹ ORCID 0000-0002-4082-3568

Аннотация. Исследованы правовые вопросы, при которых осложняется процесс расследования по уголовным делам о преступлениях прошлых лет. Проанализированы статистические данные по уголовным делам нераскрытых преступлений прошлых лет, прекращенных уголовных дел в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, раскрытых преступлений прошлых лет, нераскрытых преступлений с 2018 по 2025 г. Проанализирована правовая основа, процессуальные сроки и специфика уголовно-процессуальной формы по данному виду уголовных дел. Сформированы и предложены рекомендации по основным элементам предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях прошлых лет. Представленные положения являются попыткой создания комплексных основ для предварительного расследования уголовных дел по преступлениям данной категории, в связи с этим целесообразно совершенствование нормативного регулирования, в том числе вопросов производства некоторых процессуальных действий, расследования в составе групп, взаимодействия со службами и подразделениями, процессуального контроля, которые в совокупности обязательны для рассматриваемых уголовных дел. Определены наиболее рациональные и всеохватывающие механизмы решения вопросов по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет.

Ключевые слова: преступления прошлых лет, уголовно-процессуальная форма, уголовно-процессуальные сроки, предварительное следствие, уголовные дела.

Для цитирования: Яковлева К. Ю., Тутынин И. Б., Терехов М. Ю. Правовая основа, сроки, порядок деятельности по уголовным делам о преступлениях прошлых лет // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 126–138.

Original article

LEGAL BASIS, DEADLINES, AND PROCEDURE FOR ACTIVITIES IN CRIMINAL CASES OF PAST YEARS

Kristina Yu. Yakovleva¹, Igor B. Tutynin², Mikhail Yu. Terekhov³

^{1, 2, 3} Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ kristina15.03.1998@yandex.ru, ² tutig@rambler.ru, ³ terehovmu@yandex.ru

¹ ORCID 0000-0002-4082-3568

Abstract. This article examines legal issues that complicate the investigation of criminal cases involving crimes of the past. Statistical data on unsolved crimes of the past, cases terminated due to the expiration of the statute of limitations for prosecution, solved crimes of the past, and unsolved crimes from 2018 to 2025 are analyzed. The legal basis, procedural deadlines, and specific features of the criminal procedure for this type of criminal case are analyzed. Recommendations on the key elements of preliminary investigations for criminal cases involving crimes committed in the past are formulated and proposed. These provisions attempt to create a

© Яковлева К. Ю., Тутынин И. Б., Терехов М. Ю., 2026

comprehensive foundation for the preliminary investigation of criminal cases involving crimes in this category. Therefore, it is advisable to improve regulatory framework, including those governing certain procedural actions, group investigations, interactions with services and units, and procedural oversight, which are all mandatory for these criminal cases. The most rational and comprehensive mechanisms for resolving issues related to the investigation of criminal cases concerning crimes committed in past years have been identified.

Keywords: crimes of the past, criminal procedure, criminal procedure deadlines, preliminary investigation, criminal cases.

For citation: Yakovleva K. Yu., Tutynin I. B., Terekhov M. Yu. Legal basis, deadlines, and procedure for activities in criminal cases of past years // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 125–138. (In Russ.)

Введение

Специфика учета и особенностей процесса расследования преступлений прошлых лет в органах предварительного следствия МВД России остается актуальной. В частности, вопросы возможности и обязательности производства ряда следственных и иных процессуальных действий до и после приостановления предварительного расследования вызывают затруднения [1, с. 289]. Так было раньше [2] и остается сейчас.

Методы

Методы общенаучного и научного познания, включая сравнение, анализ и синтез, были использованы в качестве методологической основы данного исследования. Применение этих методов осуществлялось на всех этапах исследования.

Методы статистической обработки, сравнения и синтеза использовались с целью исследования статистических данных по уго-

ловным делам нераскрытых преступлений прошлых лет, прекращенных уголовных дел в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, раскрытых преступлений прошлых лет, нераскрытых преступлений с 2018 по 2025 г. Сравнительно-правовой метод был использован для выявления противоречий в урегулировании преступлений прошлых лет в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ведомственных актах МВД России и СК России. Системно-структурный метод позволил сформулировать рекомендации для правоприменителей по основным элементам предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях прошлых лет. Использование указанных приемов позволило сформировать рекомендации по основным элементам предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях прошлых лет.

Таблица

Статистические данные с 2018 по 2025 г.

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	Янв.- май 2025
1. Нераскрытых преступлений прошлых лет	7721725	7148413	6749218	6439048	5862673	5585134	5464230	5479615
2. Прекращено уголовных дел в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности	1378620	1263461	1223936	1457401	1129648	976641	857039	282141
Удельный вес № 2 от № 1	17,9%	17,67%	18,13%	22,63%	19,27%	17,48%	15,68%	5,1%
3. Раскрытых преступлений прошлых лет	48588	43626	46378	47463	46959	47059	41026	20686
4. Нераскрытых преступлений	860408	915204	963752	933308	904509	911365	929661	330590

Результаты

В таблице представлены статистические данные по уголовным делам нераскрытых преступлений прошлых лет, прекращенных уголовных дел в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности, раскрытых преступлений прошлых лет, нераскрытых преступлений с 2018 по 2025 г.¹

Проанализированные данные таблицы позволили авторам с помощью символа «→» представить авторский взгляд влияния показателей на состояние преступности:

- ровные «→» обозначают положительную динамику;
- волнистые «→» – отрицательную динамику.

Согласно статистическим данным, представленным в таблице:

- количество нераскрытых преступлений прошлых лет постепенно уменьшается. Это свидетельствует о хорошей работе подразделений МВД России;
- количество уголовных дел о преступлениях прошлых лет, прекращенных по истечению срока давности, больше, чем раскрытых и расследованных уголовных дел о преступлениях прошлых лет;
- раскрытых преступлений значительно меньше, чем преступлений с истечением срока давности, что является отрицательным фактором, – снятие с учета преступлений, по которым истекли сроки давности;
- в 2021 году, несмотря на снижение числа нераскрытых преступлений прошлых лет, значительно вырос процент прекращенных уголовных дел из-за истечения срока

давности. Этот показатель достиг 22,63 %, что является максимальным значением с 2018 года. В результате общий уровень нераскрытых преступлений снизился почти на четверть из-за увеличения показателя прекращения дел по сроку давности.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует понятие «преступление прошлых лет», однако оно регламентирует процесс принятия ряда решений, которыми приобретает статус уголовного дела преступления прошлых лет. В частности, к таким решениям относятся: приостановление предварительного следствия (ст. 208 УПК РФ) и возобновление приостановленного предварительного следствия по уголовным делам (ст. 211 УПК РФ).

Официальная статистическая методология Генпрокуратуры России определила преступления прошлых лет (далее – ППЛ) как преступления, не исключенные из числа нераскрытых преступлений на дату закрытия отчета за предшествующий отчетный год². Следовательно, моментом приобретения уголовным делом статуса «прошлых лет» считается дата закрытия отчета прокуратурой за предшествующий отчетный год (январь)³, в котором уже суммирован остаток преступлений прошлых лет за все годы.

Согласно Положению о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденного межведомственным приказом МВД России № 1070 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений», к «нераскрытым преступлениям» относятся преступления, производство по уголов-

¹ Состояние преступности в России с 2018 по 2025 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 10.10.2025).

² О государственном едином статистическом учете данных о состоянии преступности, а также о сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании, прокурорском надзоре: официальная статистическая методология, утвержденная приказом Генпрокуратуры России от 9 декабря 2022 г. № 746. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении и о введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «Сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «Сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также Инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ: приказ Генпрокуратуры России от 22 декабря 2017 г. № 858 (ред. от 24.06.2019). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ному делу которых приостановлено по п. 1, 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ¹.

Следствием представленных понятий является умозаключение о необходимости установления соотношения теоретических категорий «нераскрытые преступления» и «преступления прошлых лет». Целью данной необходимости является исключение подмены смыслов, организации процессуального контроля и корректировки правоприменения.

Не случайно в специализированных исследованиях указывалось, что данные дисциплинарной практики в отношении дознавателей и следователей свидетельствуют о том, что основная масса допускаемых ими нарушений при расследовании уголовных дел так или иначе связана с незаконностью или необоснованностью решений в связи с рассматриваемыми случаями [3, с. 3].

Мы полагаем, что в данном контексте необходимо применять ограниченное понимание термина «нераскрытые преступления» – это преступления, по которым производство по уголовному делу осуществляется с неустановленным лицом в качестве подозреваемого, обвиняемого.

А. М. Багметов и Ю. А. Цветков предложили определение дефиниции «уголовное дело о преступлениях прошлых лет», а именно это те уголовные дела, по которым предварительное следствие приостанавливалось до начала отчетного года из-за неустановления лица, подлежащего уголовному преследованию. В итоге уголовные дела несколько раз приостанавливались, находились в архивах прокуратуры до истечения сроков давности, затем уничтожались, а виновные не привлекались к ответственности [4, с. 3–7].

В результате пп. 2, 3, 3.1, 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ не могут считаться основаниями для признания нераскрытым преступлением прошлых лет, так как лицо установлено в качестве подозреваемого (обвиняемого), вместе с тем наступили обстоятельства, которые мешают участию подозреваемого (обвиняемого) в предварительном расследовании:

– п. 2 – скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам;

– п. 3 – место нахождения известно, однако реальная возможность его участия в уголовном деле отсутствует;

– п. 3.1 – призыв на военную службу в период мобилизации или в военное время в ВС РФ либо заключение ими в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в ВС РФ, а также прохождение ими военной службы в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (данный пункт не относится к преступлениям прошлых лет);

– п. 4 – временное тяжелое заболевание, удостоверенное медицинским заключением, препятствует его участию в следственных и иных процессуальных действиях (данный пункт не относится к преступлениям прошлых лет).

Следовательно, к нераскрытому преступлению прошлых лет должен относиться только п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено.

В результате исследуемый понятийный аппарат соотносится следующим образом: «нераскрытое преступление прошлых лет» является частью широкого понятия «преступление прошлых лет», так как признак

¹ П. 2.11 Положения о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений, утвержденного приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2006. № 5.

«нераскрытости» придает дефиниции обособленность от общих признаков «преступлений прошлых лет». Однако ведомственные подзаконные акты отождествляют их и нераскрытыми уголовными делами о ППЛ определяют ситуации, когда предварительное следствие приостановлено помимо п. 1, также еще по пп. 2, 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. При этом о п. 3.1 данной части подзаконные акты каким-либо образом положение не определяют.

Нами предлагаются следующие признаки по присвоению статуса «нераскрытости» преступлению прошлых лет:

- наличие уголовного дела, по которому не установлено лицо в качестве подозреваемого, обвиняемого;

- по уголовному делу приостановлен срок предварительного следствия по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, хотя бы впервые, но в текущем отчетном периоде независимо от даты возбуждения уголовного дела и даты учета преступления.

Согласно приказу МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации», расследование преступлений прошлых лет являются одним из критериев проверки деятельности подразделения, а следовательно, по уголовным делам о ППЛ определен особый процессуальный контроль¹. По нашим наблюдениям, по рассматриваемым вопросам требуется систематизация подзаконных актов системы МВД России, так как необходимы ориентиры в унификации порядка и возможное детальное раскрытие взаимодействия между службами и подразделениями, с предложением перечня следственных дей-

ствий, проведение которых целесообразно до приостановления срока предварительного следствия, пояснений некоторых особенностей реализации всех пунктов ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

В процессе раскрытия и расследования уголовных дел о ППЛ следует сосредоточить внимание на особенности проверки деятельности подразделения, в том числе путем установления фактов недостаточности проведенных следственных действий, ненадлежащих действий по установлению лица, совершившего преступление. В итоге требуется более конкретная регламентация в ведомственном приказе по данной категории уголовных дел и других вопросов организации расследования.

Для примера возможно обращение к следующему акту. Согласно распоряжению ГСУ ГУ МВД России по г. Москве от 18 марта 2026 г. № брасп², в срок до 10 суток до принятия процессуального решения для изучения и согласования необходимо направить уголовные дела, по которым планируется принятие решения о приостановлении производства по основаниям, предусмотренным пп. 2, 3, 4, ч. 1 ст. 208 УПК РФ с приложением проектов постановлений и подлежащих утверждению руководством ГСУ заключений о причинах и обоснованности принятия решений.

К необоснованному приостановлению предварительного следствия относятся: невыполнение следственных действий без подозреваемого и непринятие мер по его розыску. В частности, не назначены судебные экспертизы, не допрошены свидетели, не проведены следственные действия в отношении лиц, проверяемых на причастность к совершенному преступлению, не изъяты предметы и документы, содержащие сведе-

¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении перечня материалов, предоставляемых в 1, 2, 6, 7, специализированные отделы ГСУ, 3, 4, 5 отделы КМУ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве руководителями СО Четвертого УМВД России, СУ УВД по АО, УВД на ММ, СЧ ГСУ ГУ МВД России по г. Москве: распоряжение ГСУ ГУ МВД России от 18 марта 2026 г. № брасп. Доступ из СТРАС «Юрист».

ния, имеющие отношение к расследуемому уголовному делу, не проведены поиски по криминалистическим, розыскным и экспертно-криминалистическим учетам.

Например, предлагается ввести криминалистический учет интуитивных данных, которыми располагает следователь после приостановленного предварительного следствия по уголовному делу из-за неустановленного обвиняемого. Эта информация, основанная на следственной интуиции и моделировании, редко фиксируется в материалах дела. Оставаясь скрытой для других участников расследования, она может со временем помочь раскрыть преступления прошлых лет [5, с. 15–18].

В приказе СК России от 9 января 2017 г. № 2 «Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации»¹ регламентируется то, что в каждом случае приостановления предварительного следствия:

- реализуется проверка законности и обоснованности решения следователя в срок до 10 суток;
- при реализации всех способов собирания доказательств по установлению обстоятельств совершения преступления, розыска лиц безотлагательно отменяется приостановление предварительного следствия;
- необходимо давать органу предварительного расследования письменное указание о производстве процессуальных действий, а также о необходимости поручений органу, осуществляющему ОРД;
- требуется исключить приостановление предварительного следствия из-за неустановления обвиняемого без письменного заключения криминалистики о выполнении всех возможных следственных действий без подозреваемого.

Опыт СК России полезен для подразделений, осуществляющих предварительное

расследование в МВД России тем, что для приостановления предварительного следствия требуется письменное заключение подразделения криминалистики о выполнении всех следственных действий. Авторами настоящей статьи предлагается включить в процессуальный контроль МВД России необходимость составления непосредственным руководителем следственного органа такого заключения. Данный документ свидетельствует о действительной реализации процессуального контроля над уголовными делами, которые могут приобрести статус ППЛ или уже имеют его.

Также приказом СК России от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет»² регламентирована организация работы по расследованию уголовных дел о ППЛ в СК России, что тоже может служить положительным примером для формирования полезного опыта по расследованию уголовных дел о ППЛ, в частности оценивать полноту предварительного расследования и перспективы собирания новых доказательств с использованием информационных технологий, экспертиз и учетов МВД России, СК России и других органов, привлекать к работе специалистов-психологов для активизации памяти свидетелей и потерпевших.

Еще одним важным вопросом по уголовным делам о ППЛ является необходимость собирания сведений, характеризующих личность подозреваемого (обвиняемого), которые необходимо получать повторно с некоторой эпизодичностью. Следователь направляет запрос, срок на получение ответа по которому законодательством предусмотрен до 30 суток. Для сравнения – срок-период на получение ответа по запросу соразмерен со сроком дознания. В результате срок

¹ Об организации процессуального контроля в Следственном комитете Российской Федерации: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 9 января 2017 г. № 2 (зарегистрировано в Минюсте России 28.04.2017 № 46546). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет: приказ Следственного комитета Российской Федерации от 31 июля 2014 г. № 65. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

получения ответа на запрос необходимо сокращать уголовно-процессуальными нормами, тем более по уголовным делам о ППЛ.

В случае приостановления предварительного следствия осуществляются действия по принятию следующих мер:

– установление лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого;

– установление места нахождения подозреваемого или обвиняемого, а если он скрылся, принятие мер по его розыску (ч. 2 ст. 209 УПК РФ).

В свете вышеизложенного возникает закономерный вопрос о правомерных методах достижения целей, предусмотренных законодательством. Возникает необходимость в установлении конкретных правовых инструментов и механизмов обеспечения эффективного и законного выполнения этих задач.

Казалось, очевидно, что в результате ответ на направляемый по уголовному делу запрос можно получать и приобщать к материалам уголовного дела в качестве доказательств иные документы. Напомним, направляемые в соответствии с ч. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы должностных лиц и органов, ответственных за производство по уголовному делу, обязательны для исполнения, относятся к иным процессуальным действиям. Согласно ч. 1 ст. 86 УПК РФ собирать доказательства можно путем производства и иных процессуальных действий. Следовательно, полученные результаты могут стать доказательством по делу. Например, справки по счетам и вкладам физических лиц могут быть выданы кредитной организацией без судебного решения по согласованному с руководителем следственного органа запросам следователя по уголовным делам, находящимся в его производстве¹ (п. 10 ППВС РФ от 1 июня 2017 г. № 19)².

Однако указанный выше вопрос имеет не столь однозначный ответ.

Согласно ч. 4 ст. 208 УПК РФ сроки предварительного следствия следующие:

– пп. 1, 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – предварительное следствие приостанавливается лишь по истечении его срока;

– пп. 3, 3.1, 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – предварительное следствие может быть приостановлено и до окончания его срока.

Срок предварительного следствия может быть возобновлен на одни или несколько суток и месяцев (зависит от формы предварительного расследования) для производства следственных действий. Однако обязательно необходимо иметь основание для принятия решения о возобновлении приостановленного предварительного следствия (ст. 211 УПК РФ).

Уголовно-процессуальная форма после приостановления предварительного следствия деятельности следователя по расследованию уголовного дела (ч. 2 ст. 209 УПК РФ):

1) в случае если лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, не установлено (п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), принимаются меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого или обвиняемого;

2) в случае, если подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам (п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), устанавливается место нахождения подозреваемого или обвиняемого, а если он скрылся, принимаются меры по его розыску.

По выдвинутой В. Е. Гущевым правовой позиции, неотложные следственные действия для собирания доказательств, а также для поиска и задержания лица, совершившего преступление, возможны

¹ О банках и банковской деятельности: федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 6. Ст. 492.

² О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 января 2017 г. № 19 // Российская газета. 2017. № 125.

даже по не возобновленному предварительному следствию по уголовному делу. Отдельные следственные действия, носящие неотложный характер и направленные на обнаружение и задержание лица, совершившего преступление или скрывшегося обвиняемого, могут проводиться и по не возобновленному производством уголовному делу [6, с. 10].

Прямой запрет в законе (ч. 3 ст. 209 УПК РФ) производить следственные действия по приостановленному уголовному делу вызывает расхождения в трактовке. Например, в одной из диссертаций отмечается, что приостановление производства по делу не означает полного прекращения уголовно-процессуальных отношений. Это часто подчеркивается в российской уголовно-процессуальной доктрине (С. Б. Россинский, В. О. Белоносов и другие). Запрет на следственные действия в рамках приостановленного расследования не распространяется на другие процессуальные действия. Они не только законны, но и необходимы для задач расследования, обеспечения прав личности и правосудия [7, с. 4].

Мы считаем, что процессуальные действия по уголовному делу, по которому приостановлено предварительное следствие, имеют значение. Это связано с тем, что продолжают действовать меры процессуального принуждения: меры пресечения, арест имущества и другие. Также продолжают следственные действия, такие как арест почтово-телеграфных отправок, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами. Другие процессуальные действия, включая направление запросов и получение ответов, тоже остаются в силе. Важно отметить, что следственные действия, проведенные до приостановления предварительного следствия, продолжают. Однако новые следственные действия в этот период недопустимы.

В связи с тем, что решение следователя в виде постановления о приостановлении предварительного следствия может создать иллюзию того, что снимает с него ответственность за производство по делу, руководителям следственного органа предстоит разъяснять статус-кво и давать соответствующие указания следователям по налаживанию процессуальной работы по уголовным делам о ППЛ.

Согласно п. 1.12 приказа Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»¹, специализированный прокурор, осуществляя прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного расследования, обеспечивает соблюдение законности при предварительном расследовании уголовных дел о преступлениях прошлых лет:

- прокурор обязан в течение 14 суток отменить незаконное постановление о приостановлении предварительного следствия, обеспечив проверку материалов всех приостановленных производством уголовных дел в течение 1 месяца со дня вынесения соответствующего постановления;
- прокурор отменяет незаконное и необоснованное решение о приостановлении предварительного следствия в течение 14 суток с момента получения материалов уголовного дела, проверив все уголовные дела, по которым было приостановлено предварительное следствие, за месяц [8, с. 133; 9, с. 29];
- требуется реагировать на подмену продления предварительного следствия приостановлением с последующим возобновлением;
- осуществляется комплексная оценка полноты предварительного расследования;
- проверяются обстоятельства невозможности участия некоторых участников уголовного судопроизводства;
- при проверке приостановления предварительного следствия из-за временно-

¹ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 (ред. от 22.02.2023) // Законность. 2021. № 12.

го тяжелого заболевания подозреваемого следует учитывать, какие решения требуют медицинского заключения о его неспособности участвовать в следственных действиях;

– прокурор обязан не реже 1 раза в полугодие анализировать обоснованность приостановления предварительного следствия, изучая материалы уголовного дела и проверяя основания для возобновления расследования (по данным основаниям пп. 2, 3, 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ);

– при признании решения о приостановлении предварительного следствия незаконным выносится постановление с указанием обстоятельств для дополнительного расследования;

– прокурор обязан реагировать на неоднократные приостановления предварительного следствия после возобновления, оценивая объем процессуальных действий, а также проводить дополнительное расследование, своевременно возобновлять производство и принимать обоснованные решения.

В научном дискурсе предложено обязать следователей и начальников органа дознания ежемесячно предоставлять прокурору сведения о проделанной ими работе по приостановленному делу [10, с. 4; 11].

В связи с представленными позициями прокурора при исполнении надлежащего прокурорского надзора обозначен срок проверки обоснованности приостановления предварительного следствия по уголовным делам о ППЛ по пп. 2 и 3 ч. 1. ст. 208 УПК РФ – не реже 1 раза в полугодие. Нами предлагается считать данный срок минимальным для производства иных процессуальных действий по приостановленному предварительному следствию по уголовному делу о ППЛ.

Вместе с тем А. Н. Першин и Д. А. Романюк предложили следующий алгоритм действий при работе по уголовным делам о

нераскрытых преступлениях прошлых лет с учетом документарного подхода:

1) анализ криминалистически значимой документарной информации (содержания процессуальных документов уголовного дела);

2) изучение документированной информации, содержащейся в материалах уголовного дела (вещественных доказательств и т. п.);

3) определение по результатам двух предшествующих действий круга возможных источников (носителей) латентной информации;

4) в случае установления ранее неизвестной криминалистически значимой информации – проведение ее сопоставления с имеющейся документарной информацией и планирование дальнейшего расследования, направленного на восполнение и использование указанной информации, с целью раскрытия преступления прошлых лет [16, с. 15].

Бесспорно, документарный подход представляет значимость, так как затрагивает анализ и синтез основного содержания уголовного дела, что вполне способствует установлению лица, совершившего преступление. Однако требуется детальная распланировка действий следователя (дознателя) с учетом имеющейся нормативной базы по осуществлению предварительного следствия по установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, преступлений прошлых лет.

В свою очередь, нами выработаны рекомендации для правоприменителей по основным элементам предварительного следствия по уголовным делам о ППЛ:

1) учитывать нормативное регулирование:

а) УПК РФ;

б) ведомственные правовые акты:

– приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹;

¹ Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

– приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399 «О едином учете преступлений»¹;

– приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»² и др.;

2) применять процессуальные действия:

а) производство следственных действий не допускается (ч. 3 ст. 209 УПК РФ);

б) допустимо применение иных процессуальных действий:

– направлять запросы первичные и повторные;

– направление повторных запросов по обязательному перечню организаций и с установленной эпизодичностью – не реже 1 раза в полугодие;

3) рекомендовать расследование в составе групп:

– создание специализированной следственной-оперативной группы;

– создание рабочей группы следователей;

4) организовать взаимодействие со службами и подразделениями [11, с. 392]:

– осуществляющими оперативно-розыскную деятельность;

– по собиранию и систематизации данных криминалистических учетов;

5) осуществлять надлежащий процессуальный контроль руководителем следственного органа посредством:

– давать указания следователю по работе с уголовными делами по ППЛ согласно ст. 39 УПК РФ;

– проверять процессуальное решение о приостановлении предварительного следствия на наличие подмены следующими

решениями: постановление о продлении срока предварительного следствия подменяется путем его приостановления с последующим возобновлением производства по уголовному делу;

– непосредственный руководитель следственного органа составляет письменное заключение о выполнении всех следственных действий по уголовному делу, предварительное следствие которого будет приостановлено и приобретет статус ППЛ (или уже есть);

– вышестоящий руководитель следственного органа утверждает заключение об обоснованности приостановления предварительного следствия по уголовному делу ППЛ по пп. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ.

Представленные положения являются попыткой создания комплексных основ для предварительного расследования уголовных дел о ППЛ, в связи с этим целесообразно совершенствование нормативного регулирования, в том числе вопросов производства некоторых процессуальных действий, расследования в составе групп, взаимодействия со службами и подразделениями, процессуального контроля, которые в совокупности обязательны для уголовных дел о ППЛ.

Вместе с тем считаем целесообразным:

– правоприменители должны обратить внимание на необходимость указания следователем или дознавателем места нахождения вещественных доказательств в материалах уголовного дела при приостановлении предварительного расследования. Это необходимо для обеспечения их сохранности. Также нужно возложить на ответственных лиц обязанность по хранению этих доказательств [12, с. 8];

– оптимизировать способы получения ответа на запросы с помощью использования средств электронного документо-

¹ О едином учете преступлений: приказ Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. № 39/1070/1021/253/780/353/399. Доступ из СТРАС «ЮРИСТ».

² Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 17 сентября 2021 г. № 544 (ред. от 22.02.2023) // Законность. 2021. № 12.

оборота, осуществления взаимодействия с участниками уголовного судопроизводства, а также с использованием информационных технологий и другими способами;

– направлять запросы в государственные органы через электронный сервис «Госуслуги» с непосредственным взаимодействием участников уголовного судопроизводства, характеризующие данные которых необходимо получить;

– организовывать регулярные (ежеквартальные) совещания для обсуждения результатов работы конкретных сотрудников по уголовным делам о ППЛ;

– установить новые элементы процессуального контроля для увеличения количества расследованных ППЛ, одним из которых является неучитывание данных о ППЛ, зарегистрированных именно в прошлом году в критерии деятельности подразделения МВД России, что позволяет решить проблему преднамеренного приостановления срока предварительного следствия с целью возобновления приостановленного срока с января нового года для демонстрации положительных данных о раскрываемости и расследовании ППЛ, однако на позапрошлый год и другие годы это не распространяется [13, с. 75];

– объединить и систематизировать нормативные положения приказов МВД России по регулированию предварительного расследования уголовных дел о ППЛ, разработать ведомственный приказ, который придаст единство и эффективность по регулированию данного вопроса, что станет дополнительной гарантией для снижения высокого количества уголовных дел о ППЛ.

Целесообразным представляется разработка и дальнейшее применение инструкции по взаимодействию следователя

с органом дознания в рамках уголовного судопроизводства по преступлениям прошлых лет, которое будет представлять систематическое руководство, регламентирующее уголовно-процессуальные и организационные аспекты сотрудничества между указанными участниками. Взаимодействие следователя с органом дознания является ключевым элементом в обеспечении эффективности и законности расследования преступлений прошлых лет [14, с. 11–10; 15, с. 143].

Заключение

Таким образом, разработаны научно обоснованные рекомендации по ключевым аспектам предварительного следствия по уголовным делам, связанным с преступлениями прошлых лет. Представленные положения являются результатом комплексного методологического анализа, направленного на создание эффективной системы предварительного расследования данной категории дел. В связи с этим представляется целесообразным усовершенствование нормативного правового регулирования, включая регламентацию проведения отдельных процессуальных действий, организацию расследования в составе группы следователей, взаимодействие с различными службами и подразделениями, а также осуществление процессуального контроля, которые являются неотъемлемыми элементами расследования уголовных дел о преступлениях прошлых лет. В рамках исследования определены наиболее рациональные и всеохватывающие механизмы решения задач, связанных с расследованием уголовных дел указанной категории, что способствует повышению эффективности и результативности следственной деятельности в данной сфере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Данильян С. А., Данильян Э. С. Взаимодействие в ходе расследования нераскрытых преступлений прошлых лет // Евразийский юридический журнал. 2019. № 5 (132). С. 289–290.
2. Лавров В. П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. М.: Высшая школа МВД СССР, 1972.

3. Егорова М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 23 с.
4. Багмет А. М., Цветков Ю. А. Раскрытие и расследование преступлений прошлых лет – приоритетный проект Следственного комитета Российской Федерации // Российский следователь. 2016. № 3. С. 3–7.
5. Романюк Д. А. Учет «частного мнения» следователя при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский следователь. 2023. № 8. С. 15–18.
6. Гущев В. Е. Процессуальные вопросы приостановления производства по уголовному делу на предварительном следствии и в суде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. 21 с.
7. Ростов Д. В. Приостановление производства по уголовному делу: закон, доктрина, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2024. 32 с.
8. Сумин А. А., Яковлева К. Ю. Двойные стандарты законодателя: легализация манипулирования процессуальными сроками // Вестник экономической безопасности. 2025. № 2. С. 130–135.
9. Сумин А. А. Выявление сокрытия преступлений от учета // Законность. 1998. № 10. С. 29–30.
10. Егорова М. С. Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 250 с.
11. Химичева О. В., Сумин А. А. Взаимодействие следователя с оперативными подразделениями: некоторые актуальные проблемы теории и практики // Современное уголовно-процессуальное право России: уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов Международной конференции. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. С. 391–395.
12. Нечаев А. А. Приостановление предварительного расследования в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.
13. Сумин А. А., Химичева О. В., Андреев А. В. Процессуальный контроль руководителя следственного органа // Актуальные теоретико-правовые проблемы. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 143 с.
14. Закирова Э. Ф. Приостановление предварительного следствия в случае, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 29 с.
15. Стельмах В. Ю. Приостановление предварительного расследования в случаях, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики, уголовно-исполнительного права, преподавания учебных дисциплин криминологического цикла: материалы международной научно-практической конференции / ответственный редактор Г. И. Цепляева. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014. С. 142–148.
16. Першин А. Н., Романюк Д. А. Документарный подход к расследованию нераскрытых преступлений прошлых лет // Российский следователь. 2023. № 4. С. 10–15.

REFERENCES

1. Danilyan S. A., Danilyan E. S. Interaction during the investigation of unsolved crimes of past years // Eurasian Law Journal. 2019. No. 5 (132). P. 289–290. (In Russ.)
2. Lavrov V. P. Features of the investigation of unsolved crimes of past years. Moscow: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1972. (In Russ.)
3. Egorova M. S. Institute for Suspension of Criminal Proceedings and Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Participants in Criminal Process in the Implementation of Its Norms: Abstract of Dis. ... Cand. of Law. Volgograd, 2004. 23 p. (In Russ.)
4. Bagmet A. M., Tsvetkov Yu. A. Disclosure and Investigation of Crimes of Past Years – a Priority Project of the Investigative Committee of the Russian Federation // Russian Investigator. 2016. No. 3. P. 3–7. (In Russ.)
5. Romanyuk D. A. Taking into account the “private opinion” of the investigator when investigating unsolved crimes of past years // Russian investigator. 2023. No. 8. P. 15–18. (In Russ.)

6. Gushchev V. E. Procedural issues of suspending criminal proceedings during the preliminary investigation and in court: Abstract of Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 1971. 21 p. (In Russ.)
7. Rostov D. V. Suspension of criminal proceedings: law, doctrine, practice: Abstract of a PhD thesis. Nizhny Novgorod, 2024. 32 p. (In Russ.)
8. Sumin A. A., Yakovleva K. Yu. Double standards of the legislator: legalization of manipulation of procedural deadlines // Bulletin of Economic Security. 2025. No. 2. P. 130–135. (In Russ.)
9. Sumin A. A. Identification of Concealment of Crimes from Records // Legality. 1998. No. 10. P. 29–30. (In Russ.)
10. Egorova M. S. Institute of Suspension of Criminal Proceedings and Ensuring the Rights and Legitimate Interests of Participants in Criminal Procedure in the Implementation of Its Norms: Diss. ... Cand. of Law. Volgograd, 2003. 250 p. (In Russ.)
11. Khimicheva O. V., Sumin A. A. Interaction between the Investigator and Operational Units: Some Current Theory and Practice Issues // Modern Criminal Procedure Law of Russia: Lessons from History and Problems of Further Reform: Collection of Materials from the International Conference. Orel: Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov, 2016. P. 391–395. (In Russ.)
12. Nechaev A. A. Suspension of Preliminary Investigation in Criminal Procedure in Russia: Abstract of Dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2007. 25 p.
13. Sumin A. A., Khimicheva O. V., Andreev A. V. Procedural Control of the Head of the Investigative Body // Current Theoretical and Legal Problems. Moscow: UNITY-DANA, 2021. 143 p. (In Russ.)
14. Zakirova E. F. Suspension of preliminary investigation in cases when the suspect or accused has absconded from investigation or his whereabouts have not been established for other reasons: Abstract of Dis. ... Cand. of Law. Izhevsk, 2004. 29 p. (In Russ.)
15. Stelmakh V. Yu. Suspension of the preliminary investigation in cases when the suspect or accused has absconded from the investigation or his whereabouts have not been established for other reasons // Current Issues of Criminal Law and Criminology, Criminal Procedure and Forensic Science, Criminal-Executive Law, Teaching of Criminological Disciplines: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference / Editor-in-Chief G. I. Tseplyaeva. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House, 2014. P. 142–148. (In Russ.)
16. Pershin A. N., Romanyuk D. A. Documentary Approach to Investigating Unsolved Crimes of Past Years // Russian Investigator. 2023. No. 4. P. 10–15. (In Russ.)

Информация об авторах:

К. Ю Яковлева, кандидат юридических наук;
И. Б. Тутынин, доктор юридических наук, доцент;
М. Ю Терехов, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

K. Yu Yakovleva, Candidate of Law;
I. B. Tutynin, Doctor of Law, Associate Professor;
M. Yu Terekhov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 18.12.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 18.12.2025; accepted for publication 19.03.2026.

СРЕДСТВА РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ И ЕЕ ЭВФЕМИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ

Елена Ивановна Беглова

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

beglova-elena@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3208-0549

Аннотация. Предметом исследования в статье явились средства выражения речевой агрессии и средства эвфемизации речевой агрессии в политическом и публицистическом дискурсах, а также в публичной речи 2024–2025 гг. Цель заключалась в том, чтобы выявить и продемонстрировать эксплицитное и имплицитное проявление речевой агрессии с помощью ненормированных лексических средств.

В ходе исследования был произведен коммуникативно-прагматический анализ языковых средств речевой агрессии на уровне публичной речи. К ним относятся нецензурная и грубо-просторечная лексика, а также слова, вызывающие вульгарные ассоциации, нарушающие этические нормы речи и российского общества. Выявлены языковые и текстовые единицы эвфемизации речевой агрессии в политическом дискурсе. Основными из них являются метафора, аллегория и отдельные лексемы, а также прием иронии. Сделан вывод о том, что в политическом дискурсе, публицистических текстах (языке СМИ) и публичной речи необходимо соблюдать языковую норму, следовать трем аспектам культуры русской речи: нормативному, коммуникативному и этическому.

Ключевые слова: политический дискурс, публичная речь, культура речи, речевая агрессия, средства эвфемизации речевой агрессии, этический аспект, нормативный аспект.

Для цитирования: Беглова Е. И. Средства речевой агрессии и ее эвфемизации в политическом дискурсе и публичной речи // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 139–144.

Original article

MEANS OF SPEECH AGGRESSION AND ITS EUPHEMISATION IN POLITICAL DISCOURSE AND PUBLIC SPEECH

Elena I. Beglova

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

Nizhny Novgorod, Russia

beglova-elena@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-3208-0549

Abstract. The subject of the article is the means of expressing verbal aggression and the means of euphemizing verbal aggression in political and journalistic discourse, as well as in a public speech in 2024–2025. The aim of the article is to identify and demonstrate the explicit and implicit manifestation of verbal aggression through non-standardized lexical means.

The study involves a communicative and pragmatic analysis of the linguistic means of verbal aggression at the level of public speech. The linguistic means include a non-censored and vulgar-colloquial vocabulary, and words that evoke vulgar associations and violate the ethical norms of speech and the Russian society. The article identifies linguistic and textual units of euphemization of verbal aggression in political discourse. The main units are metaphor, allegory, and individual lexemes, as well as the use of irony. The author concludes

that it is necessary to follow the linguistic norm and three aspects of Russian speech culture: normative, communicative, and ethical, in political discourse, journalistic texts (the media language), and public speech.

Keywords: political discourse, public speech, speech culture, verbal aggression, means of euphemizing verbal aggression, ethical aspect, and normative aspect.

For citation: Beglova E. I. Means of speech aggression and its euphemisation in political discourse and public speech // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 139–144. (In Russ.)

Введение

Предметом нашего лингвистического анализа явились языковые средства выражения речевой агрессии и средства эвфемизации речевой агрессии в политическом и публицистическом дискурсах, а также в публичной речи 2024–2025 гг. Цель статьи заключается в том, чтобы выявить и продемонстрировать эксплицитное и имплицитное проявление речевой агрессии с помощью ненормированных лексических средств. Прежде всего, для нас было важно провести лингвистический анализ средств речевой агрессии, а также выявить средства ее эвфемизации в политическом дискурсе, представленном в разного рода российских средствах массовой информации (далее – СМИ) (телепрограммах, на радио), а также в публичной речи.

Следует заметить, что специфика вербальных средств в разных видах дискурса отражена в ряде научных статей. Так, Е. А. Петрова анализировала семантическое поле «преступление» в художественном дискурсе [1], своеобразие юридического дискурса описаны Г. Р. Искандаровой [2], Л. В. Ворониной [3] и др. Вербализация речевой агрессии в публицистическом дискурсе нашла отражение в статьях Ю. А., Кошеваровой и О. А. Безземельной [4], Т. В. Ларионовой [5]; Н. В. Никонова, А. С. Петрова и Д. Т. Рашидова выявили лексические, грамматические, стилистические средства выражения речевой агрессии в сети Интернет [6] и т. п. Мы обратились к средствам речевой агрессии и ее эвфемизации в публицистическом стиле на материале политического дискурса, так как именно в этой сфере часто вербально выражается негативное отношение к освещаемым событиям, связанным с отношениями между

государствами, политиками, чиновниками, в том числе речевая агрессия нередко проявляется и в публичном общении.

Методы

При сборе и изучении материала были использованы методы наблюдения, сопоставления, а также коммуникативно-прагматический анализ употребления средств речевой агрессии и ее эвфемизации.

Результаты

Мы обратились к речи в СМИ и публичной речи, освещаемой в СМИ 2024–2025 гг., в которой демонстрировались речевая агрессия и прием иронии как средства эвфемизации отрицательной оценки вербального и невербального поведения известных в стране и мире должностных лиц и политиков.

Речевая агрессия непосредственно связана с этическим и нормативным аспектами культуры речи. Этический аспект культуры речи подразумевает следование принципам морали, обуславливающим взаимодействие людей в современном обществе, в том числе с учетом национально-культурных особенностей, а также соблюдение чистоты речи как одного из коммуникативных качеств речи. Мы считаем, что в российском обществе при взаимодействии субъектов актуальным приемом смягчения речевой агрессии служат ирония или сарказм, которые создаются с помощью стилистических фигур и тропов. Как правило, ироническая фраза или текст отсылают адресата к прецедентным языковым единицам, текстам, именам, событиям и пр., в связи с этим важно разграничивать речевую агрессию и языковую игру, основанную на средствах образности, выразительности и оценочности.

Следует напомнить определение понятия «речевая агрессия» – это употребление средств языка для выражения враждебно-

сти по отношению к кому-либо; это манера речи, оскорбляющая чье-либо достоинство¹. Известно, что речевая агрессия проявляется в большей степени в разговорном и публицистическом стилях речи. Неслучайно в связи с политическими событиями в мире и в нашей стране, их освещением в современных СМИ наблюдается речевая агрессия, выражающаяся средствами языка, стилистическими средствами и особыми стилистическими приемами. Мы остановимся на лингвистическом и стилистическом анализе политического дискурса, демонстрирующего разные ситуации общения политиков, телеведущих программ и пр. в 2024–2025 гг.

В российских и мировых СМИ подробно освещались выборы президента США с июля по ноябрь 2024 года. Свои предвыборные программы представляли экс-президент Америки Дональд Трамп и действующий в 2024 году вице-президент Камала Харрис. Камала Харрис подала документы на выдвижение своей кандидатуры в президенты после того, как действующий в 2024 году президент Джозеф Байден снял свою кандидатуру с выборов – 21 июля 2024 года. Этому политическому событию были посвящены и новостные телепрограммы российского телевидения.

Следует заметить, что в телевизионных программах в августе 2024 года демонстрировали специальную подборку встреч с избирателями американского политика, одного из претендентов на пост президента США Камалы Харрис с избирателями, где она очень часто смеется и активно проявляет невербальное поведение: пожимает руки, обнимается, позиционируя открытость и доверительность в общении, приближая его к бытовому, что является нарушением этики делового и публичного общения.

В телепрограмме жанра новостей «Вести недели» ее ведущий журналист Дмитрий Киселёв произнес речь: «Как известно, лошадей на переправе не меняют, но в Америке старого коня, который, как известно, борозды не портит, сменили, если продолжать в этом ключе, на кобылу помоложе, которая только и умеет ржать»². В данном контексте создана аллегория, которая является средством эвфемизации пренебрежительной оценки поведения Камалы Харрис как претендента на пост президента, нарушающего этические нормы делового и протокольного общения. Аллегория как троп порождается использованием нескольких текстовых единиц – поговорок: *коней (лошадей) на переправе не меняют* – поговорка фиксируется в большом словаре поговорок в значении «производить смену власти в трудный период»³; этимологически поговорка является крылатой фразой 16-го американского президента Авраама Линкольна, правившего с 1861 по 1865 г.; пословица *старый конь борозды не портит* имеет значение «опытный человек не испортит того дела, за которое взялся»⁴. Лексема *ржать* (как *лошадь/мерин*) способствует усилению метафорического смысла контекста. В толковых словарях современного русского языка лексема *ржать* отмечается в двух значениях: 1) издавать ржание (о лошади); 2) разговорно-сниженное: громко несдержанно смеяться⁵; в данном контексте реализуются оба значения, создавая отрицательную оценку поведения Камалы Харрис в общении с избирателями. Заметим, что лексемы *лошадь*, *конь*, *кобыла* составляют гиперо-гипонимическую парадигму с гиперонимом *лошадь*, в которую включаются гипонимы, дифференцирующие лошадь по полу: самка – кобыла,

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд. стер. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 340–341.

² Вести недели. 1 сентября 2024 г. // ТК «Россия». URL: <https://vgtrk.ru/> (дата обращения: 22.10.2025).

³ Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. С. 371.

⁴ Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 5-е изд-е., стер. М.: Русский язык, 1993. С. 317.

⁵ Современный толковый словарь русского языка / автор проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: РИДЕРЗ ДАЙДЖЕСТ, 2004. С. 703.

самец – конь, при этом лексема кобыла является метафорой, которая в контексте олицетворяет конкретную женщину – Камалу Харрис, баллотирующуюся на пост президента Америки в 2024 году в качестве альтернативы другому претенденту Дональду Трампу.

Аллегория, построенная на поговорках, и лексема *кобыла* создают иронию в отношении поведения женщины, претендующей на пост президента США, оценивая ее поведение как недостойное такого высокого положения, в котором необходимо следовать соблюдению этических правил делового и публичного этикета. В свою очередь, аллегория, порождающая иронию, является средством эвфемизации речевой агрессии.

Далее в телепрограмме речь шла об очередном интервью Камалы Харрис, к которому она готовилась, ориентируясь на перечень вопросов, которые были ей известны заранее, однако, несмотря на это, ответы на них были невнятными, сбивчивыми (речь демонстрировалась на видео). Дмитрий Киселёв особо отметил, что последнее интервью с Камалой Харрис журналисты готовили тщательно, но все же она не смогла ответить на вопросы, продемонстрировав свою некомпетентность в знании актуальных проблем американского государства и общества, а также мировых проблем. Например, не прозвучали ответы на вопросы о росте цен, о войне Украины с Россией и отношении к ней со стороны американского правительства и европейских стран, то есть указал на то, что она мало интересуется актуальными политическими проблемами.

Телеведущий Дмитрий Киселёв, оценивая опыт общения Камалы Харрис с избирателями и ее публичные выступления, заметил, что она могла говорить свободно только о смене пола и ЛГБТ¹ и что на «срежиссированных» интервью она очень

часто смеется, при этом он назвал ее «хохотушка Харрис...».² Лексема *хохотушка* имеет разговорную окраску и значение «женщина, которая часто смеется без причины»³; в контексте данное слово выражает отрицательную оценку вербального и невербального поведения Камалы Харрис, не соответствующего официальной ситуации общения и ее должностному статусу. Лексема *хохотушка* также является средством эвфемизации отрицательной оценки поведения Камалы Харрис.

Следует отметить тот факт, что текст речи российского журналиста получил ироническую тональность в отношении событий, происходящих в США в предвыборный период и в оценке поведения одного из претендентов на пост президента Камалы Харрис, то есть ирония как прием послужила средством эвфемизации отрицательной оценки вербального и невербального поведения должностного лица.

Особого внимания заслуживает речевая агрессия, проявляющаяся в использовании нецензурных и просторечных слов и выражений в публичной или деловой речи чиновников. Так, в СМИ активно освещалась ситуация, связанная с увольнением одного из чиновников – главы Кинельского района Ю. Жидкова, когда губернатор Самарской области В. Федорищев употребил нецензурное слово в присутствии других чиновников и должностных лиц. Публичный конфликт возник во время инспекции состояния социальных объектов. При обходе территории одной из школ губернатор заметил камень с разбитой табличкой «На этом месте будет воздвигнут обелиск нашим землякам – участникам Великой Отечественной войны». Губернатор попытался выяснить у главы района, что это означает – заброшенный камень, на что получил ответ «просто камень». Губернатор, хлопнув чиновника по плечу

¹ Признана экстремистской организацией, запрещена на территории России.

² Вести недели. 1 сентября 2024 г. // ТК «Россия». URL: <https://vgtrk.ru/> (дата обращения: 22.10.2025).

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 14-е изд-е, стер. М.: Русский язык, 1983. С. 772.

и произнес нецензурное слово, заявил, что тот уволен¹. Человек, занимая государственную должность, должен следовать всем трем аспектам культуры русской речи: нормативному, этическому и коммуникативному. В данной ситуации публично была проявлена речевая агрессия со стороны одного чиновника в адрес другого без эвфемизации, что является грубым нарушением лексической и этической норм речи и недопустимо в публичной речи. Известно, что матерная брань, грубые просторечные слова и выражения являются лексическим средством речевой агрессии, они запрещены в текстах всех стилей речи, кроме разговорно-просторечного, обслуживающего бытовую сферу общения, причем и в бытовой сфере названные виды лексики не следует использовать в присутствии посторонних.

Еще одна публичная ситуация связана с названием нового магазина в г. Москве. Жители одного из районов Москвы обратились в администрацию своего района по поводу неблагозвучного названия нового магазина кроссовок, требуя сменить название или убрать вывеску, считая ее вульгарной. Этот магазин находился около станции метро «Профсоюзная» и готовился к открытию в сентябре 2024 года, но вывеска, включающая слово, состоящее из сокращений первых двух слов полного названия «Первый дежурный магазин кроссовок», появилась в августе. Хозяин магазина отказался изменить название, объясняя это тем, что он придумал его для привлечения внимания покупателя и для юмора. Владелец магазина объясняет, что это аббревиатура и что название было согласовано с арендодателем. Однако данную аббревиатуру от полного именованного, по нашему мнению, нельзя

считать аббревиатурой, так как слово включает лишь сокращения двух слов словосочетания. Журналисты радио Бизнес FM, на котором обсуждалась ситуация с вывеской нового магазина, взяли интервью по данному событию у юриста по интеллектуальной собственности Виктора Рыбина, который пояснил следующее: название противоречит нормам российской этики, вызывая ассоциативно вульгарные эмоции, так как название созвучно инвективному слову. Юрист справедливо расценил этот факт – «пощечина общественному языковому вкусу»².

В данном случае можно говорить о речевой агрессии, которую владелец магазина пытался выразить имплицитно. К сожалению, не существует специального списка инвективных слов, которые запрещены в публичной речи, хотя можно обратиться к словарям бранной лексики и сделать соответствующие выводы. В российском судопроизводстве имеется свой закрытый список вульгарных слов, которые запрещены в письменной и публичной речи, а также в языке СМИ. В последней ситуации важен этический аспект культуры речи, благодаря которому сдерживается речевая агрессия, проявляемая как эксплицитно, так и имплицитно.

Заключение

Таким образом, речевая агрессия создается ненормированной лексикой (грубо-просторечной, нецензурной), употребление которой ограничено сферой бытового общения в отсутствие посторонних. Этический и нормативный аспекты культуры русской речи сдерживают и предупреждают речевую агрессию в адрес кого-либо или оскорбления общественного речевого вкуса. Средствами диффимизации речевой агрессии в политическом дискурсе часто выступает прием иронии, ко-

¹ Шумов Дм. «Слишком эмоционально? Да. Уволен. Самарский губернатор обматерил и отправил в отставку главу района». Губернатор Самарской области Федорищев с матом уволил главу Кинельского района // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2025/10/15/21862022.shtml?ysclid=mgs44yun7v549322044> (дата обращения: 15.10.2025); Мемориальный камень в Самарской области переставили после возмущения губернатора // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8139798?ysclid=mh1vxil2ep811964589> (дата обращения: 22.10.2025).

² Бизнес FM. 31 августа 2024 г. URL: <https://www.bfm.ru/> (дата обращения: 22.10.2025).

торая создается поговорками, пословицами, отдельными лексемами, тропами, например метафорой, аллегорией и пр. В политическом дискурсе, публицистических текстах (языке

СМИ) и публичной речи необходимо соблюдать языковую норму, следовать трем аспектам культуры русской речи: нормативному, коммуникативному и этическому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петрова Е. А. Анализ вербализации лексико-семантического поля «преступление» в художественном дискурсе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1. С. 180–189.
2. Искандарова Г. Р. Юридический текст: границы понимания и языковая оптимизация // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 2 (100). С. 144–150.
3. Воронина Л. В. Когнитивные модели и механизмы русского юридического дискурса аргументативного типа // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 138–145.
4. Кошеварова Ю. А., Безземельная О. А. Выражение негативного отношения в газетных заголовках // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 3. С. 141–147.
5. Ларионова Т. В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3 ч. 2017. № 7 (70). Ч. 1. С. 117–120.
6. Никонова Н. В., Петрова А. С., Рашидова Д. Т. Речевая агрессия: формы и сферы бытования. Культурно-национальная специфика проявления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Вып. 2. С. 413–418.

REFERENCES

1. Petrova E. A. Analysis of the Lexical-Semantic Field “Crime” Verbalization in Literary Discourse // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. P. 180–189. (In Russ.)
2. Iskandarova G. R. Legal Text: Limits of Understanding and Language Optimization // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (100). P. 144–150. (In Russ.)
3. Voronina L. V. Cognitive Models and Mechanisms of Russian Legal Discourse of the Argumentative Type // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (101). P. 138–145. (In Russ.)
4. Koshevarova Yu. A., Bezzemelnaya O. A. Expressing Negative Attitudes in Newspaper Headlines // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3. P. 141–147. (In Russ.)
5. Larionova T. V. Verbal Aggression: From Speech Practice to a Socio-Cognitive Matrix // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2017: in 3 parts. No. 7 (70). Part 1. P. 117–120. (In Russ.)
6. Nikonova N. V., Petrova A. S., Rashidova D. T. Verbal Aggression: Forms and Spheres of Existence. Cultural and National Specifics of Manifestation // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2022. Issue 2. P. 413–418. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. И. Беглова, доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Information about the author:

E. I. Beglova, Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 25.10.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

ПУТИ, МЕХАНИЗМЫ И СПОСОБЫ НОМИНАЦИИ
ОБЪЕКТОВ КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ
СОВРЕМЕННЫХ МАГАЗИННЫХ ВОРОВ (ШОПЛИФТЕРОВ)

Любовь Валентиновна Воронина¹, Сергей Алексеевич Кутякин²

^{1,2} Рязанский филиал Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя, Рязань, Россия

¹lv-voronina@mail.ru, ²Kutiakin@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-4333-6685, ² ORCID: 0000-0002-9555-8423

Аннотация. В фокусе внимания – вопросы формирования корпуса субстандартной лексики криминального сообщества современных магазинных воров (шоплифтеров) средствами вторичной номинации. На материале естественного дискурса современных магазинных воров, полученного методом сплошной выборки, проводится срез словарного состава их субъязыка, выявляются пути, механизмы и способы его пополнения. В статье представлены дефиниции лексических единиц, номинирующих специальные объекты криминальной среды магазинных воров с узальной и нормативной точек зрения, произведен их словообразовательный и этимологический анализ; выявлена специфика и формы заимствований, установлены показатели уровня их адаптации в общенациональном языке; описаны наиболее актуальные способы семантической деривации, включая полисемию и немотивированные переосмысления, рассмотрены продуктивные словообразовательные тенденции, в числе которых комбинаторика и конверсия.

Ключевые слова: вторичная номинация, субстандартная лексика шоплифтеров, жаргон, словообразовательная деривация, семантическая деривация, заимствования.

Для цитирования: Воронина Л. В., Кутякин С. А. Пути, механизмы и способы номинации объектов криминальной субкультуры современных магазинных воров (шоплифтеров) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 145–152.

Original article

WAYS, MECHANISMS AND METHODS OF NOMINATING OBJECTS
IN THE CRIMINAL SUBCULTURE
OF MODERN SHOPLIFTERS

Lyubov V. Voronina ¹, Sergey A. Kutyakin ²

¹ Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot, Ryazan, Russia

¹lv-voronina@mail.ru, ²Kutiakin@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0002-4333-6685, ² ORCID: 0000-0002-9555-8423

Abstract. The article deals with the issue of forming a corpus of substandard vocabulary of the criminal community of modern shoplifters by means of secondary nomination. Using the natural discourse of modern shoplifters, obtained through a continuous sampling method, a cross-section of the vocabulary of the shoplifters' sublanguage is analyzed, identifying the ways, mechanisms, and methods of its update. The article presents definitions of lexical units nominating specific objects within the criminal community of shoplifters from a common and normative perspective, and conducts a derivational and etymological analysis.

The specific features and forms of borrowings are identified, and indicators of their level of adaptation in the national language are established. The most relevant methods of semantic derivation, including polysemy and unmotivated reinterpretations, are described, and productive derivational trends, including combinatorics and conversion, are considered.

Keywords: secondary nomination, substandard vocabulary of shoplifters, jargon, word-formation derivation, semantic derivation, borrowings.

For citation: Voronina L. V., Kutyaikin S. A. Ways, mechanisms and methods of nominating objects in the criminal subculture of modern shoplifters // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 145–152. (In Russ.)

Введение

В числе факторов, детерминирующих состояние языка в синхронии и в диахроническом аспекте, регулирующих его развитие в сторону стимуляции или редукции изменений, особое место принадлежит факторам внешнего порядка: демографическим, культурно-языковым и собственно социальным, связанным с общественными отношениями в рамках иерархически устроенного социума, проекцией которого выступает язык как системное образование, а «не просто набор, сумма языковых знаков» [1, с. 13].

В центре внимания настоящей научной статьи один из динамически меняющихся сегментов современного коммуникативного пространства, находящийся на периферии речевой системы, – жаргон лиц, совершающих противоправные деяния. Объектом выступают специфические языковые феномены – субстандартные лексические единицы, характерные для коммуникации преступных элементов, занимающихся шоплифтингом – «кражами товаров в магазинах розничной торговли» [2, с. 310].

Следует отметить, что на фоне достаточно освещенных в научных источниках аспектов образования и употребления современных жаргонизмов [3; 4; 5], включая аспектный анализ общеуголовного и специализированного профессионального жаргона [6; 7; 8; 9], подязык шоплифтеров оказался вне поле зрения лингвистов по объективной причине: несмотря на то, что магазинные кражи не редкость для российской действительности, «шоплифтинг» – понятие иного порядка. Изначаль-

но появившееся в США в 40-х гг. XX века английское shoplifting означало кражи из розничных сетевых магазинов с открытой выкладкой товара, которые в России появились не так давно (в 90-е гг.), и, как отмечают сами юристы, шоплифтинг – «явление относительно новое и неизученное» [10, с. 48], «в российской официальной статистике преступности, публикуемой правоохранительными органами, магазинные кражи не выделяются в отдельную категорию» [11, с. 79], более того, научных работ по исследованию хищений в розничной торговле в отечественной криминологии представлено крайне мало, как не представлена и лингвистическая перспектива криминального сообщества магазинных воров. Причина тому – отсутствие отвечающей современным реалиям систематизации корпуса специализированной субстандартной лексики, на материале которой можно было бы проводить лингвистические наблюдения, делать выводы и прогнозы. Имеющиеся на текущий момент официальные лексикографические описания криминального жаргона немногочисленны и, как правило, ориентированы на общеуголовный субязык, в то время как специального словаря шоплифтеров мы не обнаружили. Исключение составили материалы, собранные и обработанные С. А. Кутякиным для «Словаря заимствований, сокращений, жаргонных слов и выражений современных магазинных воров (шоплифтеров)», выполненного на языковом материале криминального сообщества магазинных воров и ставшего источником

фактического материала данного лингвистического исследования¹.

Цель настоящих научных размышлений – провести лингвистический анализ (срез) корпуса языковых феноменов лиц, совершающих кражи в сетевых магазинах розничной торговли, с позиций ономазиологии, выявляя пути, механизмы и способы номинации объектов криминальной субкультуры шоплифтеров.

Методы

Научная работа выполнена с привлечением методов сплошной выборки языкового материала, позволившего выделить субстандартные лексические единицы в естественном дискурсе шоплифтеров, лингвистического наблюдения над ними, этимологического и словообразовательного анализа, метода дефиниций и статистики.

Результаты

Уголовный жаргон, или арг, безусловно, более широкое понятие, чем объект данного исследования: базируясь на фонетической и грамматической системах национального языка, он имеет «существенные диалектные и социально-групповые различия» [12] и, наряду с профессиональным жаргоном карманников, наркоманов, современным молодежным сленгом и др., включает в себя сегмент языковой коммуникации шоплифтеров.

По своему составу словарь магазинных воров (именно так переводится английское *shoplifter*) неоднороден: в его арсенале общеупотребительные слова и выражения, разговорная лексика (*магазин, слить*), неспециализированный уголовный жаргон (*бычка, залечь на дно, гаситься*), наблюдаются признаки молодежного сленга (*изи, железо, гоу*).

С точки зрения происхождения субязык шоплифтеров представлен как исконно русской лексикой (*воровской карман, гаситься, делать*), так и заимствованной – в первую очередь англицизмами: *лоускил* (*lowskill* – «низкий навык»), *лут* (*loot* – «трофей, добыча»), *профит* (*profit* – «прибыль»), реже

из других языков: армянского (*чапалах Չափալի* – «пощечина»), японского (от японского *тян тянка* – «девушка»).

Иноязычные заимствования функционируют в двух форматах:

1) в звуковой оболочке, более или менее идентичной языку-донору (обычно это существительные: *слипер* (англ. *slipper* – «комнатные туфли, тапочки») – «человек, который прячет украденный товар под одеждой», *деташер* (англ. *detachers* – «отсоединитель») – «устройства для снятия антикражных датчиков и меток», реже глаголы: *ворк* (от англ. *work* – «работать») – воровать;

2) дериваты (часто глаголы: *скамнуть* (англ. *scam* – «афера, мошенничество, обман, жульничество»), *байтить* (от искаженного англ. *baite* – «приманка»).

Посредством иноязычных заимствований и их русифицированных производных номинируются наиболее актуальные в среде шоплифтеров явления:

– процесс кражи: *лутить / залутить, воркать, рейдить* (англ. *raid* – «набег»), которые соседствуют с исконно русской лексикой: *брать, втачивать, оформлять, обносить, шевелить, исполнить, делать, выставлять, выносить*;

– его характеристики: *фастом, драпануть фастом* (англ. *fast* – «быстрый»); *по рофлу* (англ. *Rolling On the Floor Laughing* – «катаюсь по полу от смеха») – «в шутку»;

– участники противоправного действия: *бустер* (англ. *booster* – «усилитель») – «шоплифтеры, которые воруют товар в больших количествах с целью перепродажи»; *тимейт* (англ. *teammate* – «напарник, товарищ по команде»);

– объекты: *бипер* (англ. *beeper* – «гудок, звуковой сигнал») – «антикражный датчик, подающий звуковой сигнал при попытке его проноса через антикражные ворота».

Высокий процент англицизмов (около 92 %) в их исходной и русифицированной формах подтверждает данные криминали-

¹ Толкования лексических единиц, данные в скобках и/или заключенные в кавычки, приведены в соответствии со «Словарем заимствований, сокращений, жаргонных слов и выражений современных магазинных воров (шоплифтеров)» С. А. Кутякина (опубликован не был).

стов о молодежном составе участников криминального сообщества шоплифтеров [13; 14] с указанием на конкретный возраст – 14–35 лет [15, с. 446].

Известно, что интеграция заимствований в систему неродного языка предполагает их адаптацию – фонетическую, грамматическую, стилистическую, степень которой в каждом конкретном случае неодинакова. О высоком уровне адаптации свидетельствуют, во-первых, активное использование русских словообразовательных моделей, когда иноязычное слово начинает жить по законам заимствующего языка, и, во-вторых, приобретение языковым вариантом грамматических категорий той или иной части речи с последующим включением в соответствующие парадигматические и синтагматические отношения.

Так, от английского *verify* («проверять») посредством продуктивного суффикса *-ну-* со значением однократного мгновенного действия образуется глагол *верифнуть* с исходным значением; то же от глагола *stop* – *стопнуть* со значением «остановиться». Глаголы *чекаать* / *зачекаать* («проверять»), *сплитить* («разделить сумму покупки на несколько частей») – производные от английских глаголов *check*, *split* соответственно, в то время как глагол *фактить* («говорить истину, оперировать фактами») образовался от английского существительного *fact* («факт, истина») по характерной русской словообразовательной модели глаголов на *-ить*. Прилагательное *трушный* мотивировано английским *truth* (правда), а использование вместе с суффиксом *-н-* интерфикса *-ш-* типично для русского словообразования (*здешний*, *завтрашний*) и призвано облегчить произношение слова. От английского *fast* («быстрый») образуется наречие по модели N_5 (типа *мигом*): «*Куплю кряк, спб, фастом*».

С формальной точки зрения иноязычные заимствования выглядят как исконно русские существительные (*скам*, *рофл* мужского рода), изменяются по соответствующим парадигмам (*по рофлу*), образуют синтаксические единицы: «*Более тупого скама в жизни не видел*».

Рост агглютинативных признаков очевиден при образовании имен существительных. В данном частеречном классе продуктивны суффиксы *-ик-*: 1) в уменьшительно-ласкательном значении: *падик* (подъезд дома), *пацик* (пацан) и 2) как указатель на принадлежность к профессии, роду деятельности: *дирик* (директор); *-от-* со значением совокупности лиц: *школота* (школьники); с помощью суффикса *-к-* образуются компрессивы типа: *объемка* («объемный товар»), *одноразка* («одноразовые электронные сигареты»), *сешка* («секонд-хенд»). Для обозначения субъекта по роду деятельности используется иноязычный формант *-ер*: *бустер* («шоплифтеры, которые воруют товар в больших количествах с целью перепродажи»), *вбивер* («человек, который с помощью данных карты похищает деньги, находящиеся на ее счете, либо приобретает за них товары, услуги»).

Сокращение – наиболее частотный в настоящее время способ образования слов как из числа заимствованной, так и исконно русской лексики [16]. Среди безаффиксных дериватов выделяются пять словообразовательных классов:

1) существительные первой группы объединяют двухсложная структура с ударным первым слогом и грамматические показатели множественного числа: *охры* ← *охранники*, *корды* ← *координаты* (высокая степень фонетической адаптации слова *корды* подтверждается выпадением гласного), *маги* (= кавказцы) ← *Магомед*;

2) общее для существительных второй группы – иноязычное происхождение, функционирование полноценного заимствованного слова и его сокращение до одного слога: *акк* ← *аккаунт*, *мэс* ← *мессенджер* («аксессуар с ремнем для ношения через плечо»);

3) третья, самая немногочисленная из групп, представлена сокращениями от производного слова, функциональность которого не зафиксирована в русском языке: *имба* («превосходное, мощное, выдающееся по характеристикам или результатам») ← англ. *imbalanced*;

4) сокращению может подвергаться не только производное слово, как в примерах выше, но и стержневое понятие в более сложной конструкции, например словосочетании: *росы* ← *сотрудники Росгвардии*, *слепы* ← *слепая зона* и даже в иноязычной фразе *what's up – сап* (приветствие): «*Всем сап, бандиты!*»;

5) сокращение по аналогии: *хавас* («продуктовый магазин») ← *хавать* («принимать пищу») – *магаз*.

Одна из современных тенденций в словообразовании лексических субстандартов проявляется в компиляции нескольких способов. Например, безаффиксного с суффиксальным: *имбовый* ← *имба* (от англ. *imbalanced*) или сложения с безаффиксным: *рофлочел* ← *рофлить* + *человек*; *хач-магаз* ← *хач* + *магазин*.

Со временем русифицированные языковые феномены оказываются способными организовываться в традиционные для общенационального языка словообразовательные пары (включая редеривацию): *байт* («приманка») → *байтить* («ловить на живца»), *база* («слово, подтверждающее правильность и несомненную правдивость чего-либо») → базовый и более объемные ряды: *лут* («украденный или планируемый к краже из магазина товар, полученная незаконным путем выгода») → *лутать* («воровать, получать выгоду») → *лутер* («магазинный вор»); *реф* («возврат платежа по карте магазином покупателю») → *рефайнд* («люди, которые занимаются рефаундом») → *рефаундер* («заниматься рефаундом»), что также свидетельствует о высоком уровне адаптации заимствованного слова в общенациональном языке.

Иной путь номинации объектов субкультуры шоплифтеров – переосмысление, связанное с явлениями полисемии и омонимии.

Анализ фактического материала показал: значительный пласт лексики магазинных воров составляют единицы, потерявшие свой исходный смысловой код. Семантическая деривация осуществляется в следующих направлениях:

1) в сторону сужения семантики исходного слова, ее конкретизации в соответствии

с родом деятельности магазинных воров: *аларм* («датчики» от англ. *alarm* – «тревога»); *спот* («торговый центр, в котором удобно и безопасно можно совершать кражи» от англ. *spot* – «место»);

2) присвоения нового смысла, частично мотивированного значением исходной лексической единицы: *алкашка* («алкогольная продукция»), *бронник* («бронесумка»), *грузить* («прятать»), *высоко* («отлично»), *клетка* («чехол-блокиратор»), *крепить* («задерживать»), *шоперы* («лица, имитирующие покупку товара»);

3) десемантизации исходной лексической единицы и присвоения ей нового значения: *жир* («здорово»), *бомбить* («воровать»), *двигаться* («вести противоправный образ жизни»), *база* («правильность, правдивость»), *ресурс* («бодрость»);

4) метафоризации, в числе которой:

– перенос по функции: *уйти в закат* («скрыться, прервать всяческое общение»), *пасти камеры* («наблюдать за поведением покупателей в торговом зале посредством камер видеонаблюдения»), *ключи-вездеходы* («универсальные домофонные ключи»); *мулы* («участники группового шоплифтинга, которые транспортируют украденные товары»);

– характеру действия: *гастроли* («поездка в другой город для совершения краж»), *прогулка* («ходьба от магазина к магазину с заходом во множество (все из них) с целью совершения кражи»);

– форме: *узор* («датчики в виде плоской наклейки»), *паук* («аккустомагнитный антикражный датчик»); *клетка* («чехол-блокиратор»);

– месту: *вратарь* (охранник у антикражных ворот входа / выхода из магазина), *кабина* (голова);

– признаку: *штрих* («яркий, эпатажный персонаж»); *четкий пацан* («человек, который живет «по понятиям»);

– звуку: *пиццать воротами* («включать сигнал на антикражных воротах магазина»);

– степень ценности: *клад* («заранее спрятанный предназначенный для похищения товар в слепой зоне магазина»).

Немотивированная номинация, или омонимия, очевидна в субстандартах типа *ресурс* (в значении «бодрость»), и ее следует отличать от латентной мотивированности, обусловленной, например, схожестью звучания деривата и производящего слова: *швейцар* в среде шоплифтеров не имеет ничего общего с «работником гостиницы, ресторана, учреждения, встречающим посетителей у входа»¹: это швея, шьющая спецодежду с потайными карманами, *консул* – не «должностное лицо дипломатического ведомства»², а консультант (продавец-консультант); *секатор* – не садовый инструмент, а сотрудник службы безопасности магазина (дериват от глагола *сечь* – «наблюдать, подсматривать»), *репа* – не овощ, а сокращенное от *репутация*.

Синтаксический способ номинации объектов субкультуры шоплифтеров – источник эмоционально-оценочных языковых средств – словосочетаний разной степени устойчивости, предикативных образований, выполняющих функцию характеристики субъекта (*ровный пацан* – «надежный, не скомпрометировавший себя человек»), объекта (*жесткий ликвид* – «товар, пользующийся большим спросом у скупщиков»), действия (*дать по тапкам* – «убежать»), но в большей мере – ситуации: *вешать типов на отдельный магаз* («отправлять сотрудников службы безопасности в отдельный магазин на усиление»), *грузиться, как Декстер* («брать товар под камерами и прятать его в сумку (рюкзак, пакет) в слепой зоне).

Заключение

Лингвистические наблюдения и анализ языкового материала, представленного в материалах к «Словарю заимствований, сокращений, жаргонных слов и выражений современных магазинных воров (шоплифтеров)», позволили выявить основные пути номинации объектов криминальной субкультуры (иностранное заимствование и переосмысление), а

также факторы, оказывающие воздействие на формирование корпуса субстандартной лексики: экстралингвистические – влияние устной разговорной речи, экспансия англицизмов в общенациональный язык, молодежный состав криминального сообщества – и внутрисистемные законы экономии языковых средств, аналогии и антиномия интеллектуального и иррационального с очевидным перевесом в сторону эмоций. Рассмотрение специфики механизмов деривации, семантической и словообразовательной, способствовало определению основных способов номинации – лексического и словообразовательного и формулированию следующих выводов по результатам научного исследования:

1) субстандартные лексические единицы, входящие в состав корпуса языковых средств шоплифтеров, условно номинируют наиболее важные и нуждающиеся в сокрытии явления, связанные с собственно противоправным процессом хищения, его участниками, а также способами совершения краж;

2) язык криминального сообщества шоплифтеров характеризуется неоднородным составом: в меньшей степени в нем представлена исконно русская общеупотребительная лексика системного характера, значительный пласт составляют разговорные слова и выражения, а также неспециализированный уголовный жаргон и молодежный сленг; с точки зрения происхождения предпочтение (92 % от общего числа лексем) отдается иноязычной заимствованной лексике в ее исходной звуковой оболочке, более или менее адаптированной к фонетической системе русского языка, а также русифицированным образованиям – дериватам языка-донора;

3) иноязычные заимствования как пример лексического способа номинации демонстрируют высокую степень фонетической, лексической и грамматической адаптации к системе общенационального языка, что вы-

¹ «Швейцар» в словарях: написание, значение, ударение... // Грамота.ру. URL: <https://gramota.ru/meta/shveytsar> (дата обращения: 25.09.2025).

² Консул в словарях: написание, значение, ударение... // Грамота.ру. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=консул&mode=all> (дата обращения: 25.09.2025).

ражается в первую очередь в использовании продуктивных словообразовательных моделей, в числе которых комбинаторная аффиксация, безаффиксные способы словообразования, привлечение интерфиксов, а также редеривация;

4) сокращения лексической единицы или синтаксической конструкции (словосочетания, предложения) представлены пятью регулярными грамматическими моделями, в соответствии с которыми происходит не только усечение производящей основы до минимума (один / два слога), но и последующее функционирование деривата в соответствии с новым грамматическим оформлением;

5) семантическая деривация, представляющая собой один из путей номинации лексического типа, осуществляется в сторону сужения исходного значения лексической единицы, присвоения ей нового смысла, частично мотивированного семантикой производящего слова, а также десемантизации и метафоризации с широким видовым спектром переносов (по форме, функции, месту, звуку и др.); латентный характер мотивированности вскрывается при сопоставлении звукового образа деривата и производящего слова на фоне их семантической отчужденности и неочевидной структурной (морфемной) корреляцией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Лебедь А. Л. Магазинные кражи как вид экономических потерь в розничной сетевой торговле // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 2. С. 301–313.
3. Новиков В. А. Жаргонизмы как средство речевой агрессии фанатов в спортивном дискурсе // Вестник Новгородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2024. № 2. С. 194–197.
4. Воронина А. А. Заимствования в отечественном компьютерно-игровом сленге: вопросы деривации и использования // Гуманитарная парадигма. 2024. № 3 (30). С. 48–56.
5. Иванова А. Б. Номинация лиц в русском профессиональном железнодорожном жаргоне // Russian Linguistic Bulletin. 2023. № 3 (47).
6. Рядчикова Е. Н., Кадилина О. А. Жаргон преступной организации АУЕ (из практики производства судебных лингвистических экспертиз) // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2023. № 1 (11). С. 47–56.
7. Тищенко Ю. Ю. О применении жаргонных выражений в среде заключенных // Аграрное и земельное право. 2023. № 6 (222). С. 143–144.
8. Владимирова Ю. К. Использование криминального жаргона в субкультуре осужденных как элемент противодействия администрации исправительных учреждений // Закон и право. 2024. № 2. С. 19–23.
9. Диярханова З. В. К вопросу о семантических особенностях глагольной лексики в воровском жаргоне // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2023. № 2. С. 101–106.
10. Лебедь А. Л. Шоплифтинг в России: постановка проблемы // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 3. С. 45–50.
11. Кутякин С. А. Шоплифтинг – история, современное состояние и проблемы противодействия противоправному феномену // Вестник Московского университета МВД России. 2025. № 3. С. 77–83.
12. Красковский Я. Э. Уголовный жаргон // Надежность и закон: труды международного симпозиума. Пенза: ПГУ, 2014. С. 309–310.
13. Шалагин А. Е., Идиятуллов А. И. Профилактика социально-негативных явлений, связанных с преступностью // Вестник Сибирского юридического университета МВД России. 2025. № 1. С. 174–183.
14. Рослякова С. В., Черникова Е. Г. Современные формы девиантного поведения подростков и их социальная профилактика // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 1 (34). С. 209–212.
15. Чайникова Е. С. Оперативно-розыскное противодействие магазинным кражам // Экономика и социум. 2024. № 8 (123). С. 446–453.

16. Гасанова Г. А. Усечение как продуктивный способ компрессивного словообразования в современном русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6 (103). С. 486–488.

REFERENCES

1. Valgina N. S. Active Processes in the Modern Russian Language. Moscow: Logos, 2003. 304 p. (In Russ.)
2. Lebed A. L. Shoplifting as a type of economic losses in retail network trade // Current Issues of Economics and Law. 2020. Vol. 14, no. 2. P. 301–313. (In Russ.)
3. Novikov V. A. Jargonisms as a means of fans' verbal aggression in sport discourse // Bulletin of Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. 2024. No. 2. P. 194–197. (In Russ.)
4. Voronina A. A. Borrowings in Russian computer-game slang: issues of formation (derivation) and usage // Humanitarian Paradigm. 2024. No. 3 (30). P. 48–56. (In Russ.)
5. Ivanova A. B. Nomination of people in Russian professional railway jargon // Russian Linguistic Bulletin. 2023. No. 3 (47). (In Russ.)
6. Ryadchikova E. N., Kadilina O. A. The Jargon of “AUE” Criminal Organization (from the Practice of Forensic Linguistic Examinations) // Bulletin of O. E. Kutafin University. 2023. No. 1 (11). P. 47–56. (In Russ.)
7. Tishchenko Yu. Yu. On the use of slang expressions among convicts // Agrarian and Land Law. 2023. No. 6 (222). P. 143–144. (In Russ.)
8. Vladimirova Yu. K. Criminal slang as an element of counteraction to the correctional administration // Law and legislation. 2024. No. 2. P. 19–23. (In Russ.)
9. Diyarkhanova Z. V. On the semantic features of verbal lexicon in thieves' jargon // Bulletin of Dagestan State University. Series 2. Humanities. 2023. No. 2. P. 101–106. (In Russ.)
10. Lebed A. L. Shoplifting in Russia: posing the problem // Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 3. P. 45–50. (In Russ.)
11. Kutyaikin S. A. Shoplifting – history, current state and problems of countering the criminal phenomenon // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 3. P. 77–83. (In Russ.)
12. Kraskovsky Ya. E. Criminal Jargon // Reliability and Law: Proceedings of the International Symposium. Penza: PSU, 2014. P. 309–310.
13. Shalagin A. E., Idiyatullov A. I. Prevention of socially negative phenomena related to crime // Bulletin of the Siberian Law University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1. P. 174–183. (In Russ.)
14. Roslyakova S. V., Chernikova E. G. Modern forms of deviant behavior of adolescents and their social prevention // Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology. 2021. Vol. 10, no. 1(34). P. 209–212. (In Russ.)
15. Chainikova E. S. Operational investigative counteraction to shoplifting // Economy and Society. 2024. No. 8 (123). P. 446–453. (In Russ.)
16. Gasanova G. A. Truncation as a productive way of compressive word formation in modern Russian language // World of science, culture, education. 2023. No. 6 (103). P. 486–488. (In Russ.)

Информация об авторах:

Л. В. Воронина, доктор филологических наук, доцент;
С. А. Кутякин, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

L. V. Voronina, Doctor of Philology, Associate Professor;
S. A. Kutyaikin, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 26.09.2025; одобрена после рецензирования 01.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 26.09.2025; approved after reviewing 01.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЮРИДИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

Елена Александровна Петрова

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
epetrova135@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу лингвостилистических особенностей юридических документных текстов. Выбор темы обусловлен тем, что различные сферы деятельности человека, в том числе и юриспруденция, требуют точной, достоверной и детальной фиксации информации в письменном виде. Для этого прибегают к текстам официально-делового стиля, которые стали неотъемлемой частью человеческой коммуникации. В качестве методологической базы исследования предлагается следующая парадигма методов: аналитический, сравнительно-типологический, когнитологический и другие. Отмечается, что перевод юридического документного текста с английского языка на русский сопряжен с различными трудностями. Проблема эквивалентности перевода объясняется несоответствием систем двух языков и стилистическими особенностями их функциональных стилей. Подчеркивается, что при переводе юридических документных текстов следует обращать внимание на контекст, в котором используется тот или иной термин. Приводятся примеры использования лексики и грамматических конструкций, характерных для законодательных документов. Делается вывод о том, что изучение является актуальным, поскольку юридические документные тексты отражают структуру языка, что позволяет адекватно исследовать их разнообразные прагматические свойства и контекст с точки зрения лексического наполнения.

Ключевые слова: инструментальная компетенция, функциональный стиль, официально-деловой стиль, текст, документный текст, юридический текст, прагматика, контекст.

Для цитирования: Петрова Е. А. Лингвостилистические характеристики юридических документных текстов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 153–162.

Original article

LINGUISTIC-STYLISTIC CHARACTERISTICS OF LEGAL DOCUMENTARY TEXTS

Elena A. Petrova

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
epetrova135@mvd.ru

Abstract. This article analyzes the linguistic and stylistic features of legal documents. The topic was chosen because various areas of human activity, including jurisprudence, require accurate, reliable, and detailed recording of information in writing. This requires the use of official business style texts, which have become an integral part of human communication. The following paradigm of methods is proposed as the methodological basis for the study: analytical, comparative typological, cognitive, and others. It is noted that translating legal documents from English into Russian is fraught with various difficulties. The problem of translation equivalence is explained by the inconsistency between the systems of two languages and the stylistic features of their functional styles. It is emphasized that when translating legal documents, attention should be paid to the context in which each term is used. Examples of the use of vocabulary and grammatical structures characteristic of legislative documents are provided. It is concluded that the study is relevant, since

legal document texts reflect the structure of the language, which allows for an adequate study of their various pragmatic properties and context in terms of lexical content.

Keywords: instrumental competence, functional style, official business style, text, document text, legal text, pragmatics, context.

For citation: Petrova E. A. Linguistic-stylistic characteristics of legal documentary texts // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 153–162. (In Russ.)

Введение

Развитие общества происходит хаотично, поскольку оно может быть как революционным, так и эволюционным, и затрагивает все стороны жизни общества – политические, социально-экономические и правовые. Примечательно, что данные изменения сопряжены с совершенствованием и развитием языковой системы. Таким образом, меняется и содержание официальных документов, в частности, законодательных.

Объектом исследования являются англоязычные юридические документные тексты, содержание и структура которых подчинены нормам делового дискурса и требуют особого подхода при осуществлении перевода.

Предметом исследования является процесс перевода юридических документных текстов с английского языка на русский язык, включающий анализ языковых, лексико-грамматических, стилевых и прагматических особенностей, а также изучение методов и стратегий, направленных на повышение качества переводов. Особое внимание уделяется специфике передачи стандартных формул, клише, терминологии и аббревиатур, а также анализу типичных трудностей и ошибок, возникающих в процессе перевода юридических деловых текстов. Данным фактом объясняется интерес исследований, связанных с особенностями перевода юридических документов. Язык права подразумевает, прежде всего, использование специальной лексики в юридических документах в различных законодательствах стран. Как следствие, на занятиях по иностранному языку одна из приоритетных задач должна заключаться в правильном эквивалентном переводе содержания юридических документов. Понятие «документный текст» является основополагающим при переводе документных текстов. Хотя понятия

«документ» и «документный текст» коррелируют между собой, считаем целесообразным их разграничивать и рассматривать документный текст как письменно-речевой объект, составляющий знаковую основу документа.

Методы

В качестве методологической базы исследования использовались следующие методы:

1. Аналитический метод – для изучения теоретических основ и лингвостилистических особенностей юридической документации и особенностей перевода документных текстов.

2. Сравнительно-типологический метод – для сопоставления исходных документных юридических текстов на английском языке с их переводами на русский, выявления их лексико-грамматических, стилистических и прагматических особенностей, а также проблем перевода.

3. Контекстуальный анализ – для определения значения и функциональной роли лексических и грамматических единиц в документном юридическом тексте, учитывая культурные и коммуникативные особенности.

4. Практический метод – для анализа и оценки конкретных примеров переводов документных юридических текстов и выявления типичных ошибок.

Результаты

Изучение иностранного языка в образовательных организациях МВД России нацелено на формирование и развитие у обучающихся инструментальной компетенции, включающей в себя когнитивные способности, лингвистические и коммуникативные компетенции, которые необходимы для осуществления их профессиональной деятельности, что позволяет совершенствовать

уровень практического владения иностранным языком по юриспруденции. В первую очередь, на занятиях по иностранному языку мы отрабатываем у обучающихся навыки чтения, перевода, реферирования и аннотирования литературы по юриспруденции. Наибольшую трудность вызывает перевод юридических документных текстов, относящихся к официально-деловому стилю.

Согласно определению И. Б. Голуб, «функциональный стиль представляет собой исторически сложившуюся и социально осознанную систему речевых средств, используемых в той или иной сфере человеческого общения» [1, с. 48]. Другими словами, функциональный стиль – это исторически сложившаяся система языковых средств, необходимых для коммуникации в определенной сфере деятельности. Рассуждая по поводу классификации функциональных стилей, отметим, что в современной лингвистике выделяют, как правило, пять функциональных стилей, каждый из которых обладает своими лингвистическими характеристиками. Так, ученые выделяют: научный; публицистический; разговорный; художественный; официально-деловой. Каждый стиль имеет свою задачу, которая обуславливает сферу применения самого стиля и его лингвистические характеристики.

Юридические документные тексты относятся к официально-деловому стилю, под которым понимают «совокупность языковых средств, функция которых – обслуживание сферы официальных деловых отношений, возникающих между органами государства, организациями и их подразделениями, организациями и частными лицами в процессе их производственной, экономической, хозяйственной, дипломатической и юридической деятельности» [2, с. 250]. Как утверждает И. Р. Гальперин, «цель официально-делового стиля – достигнуть договоренности между двумя заинтересованными сторонами» [3, с. 431]. К наиболее значимым функциям официально-делового стиля относят «сообщение и воздействие – находятся в таких официальных документах, как законы, постановле-

ния, указы, приказы, договоры, соглашения, деловая переписка, заявления, расписка и др.» [4, с. 95].

Официально-деловой стиль, в свою очередь, подразделяется на ряд подстилей. Существует несколько классификаций данных подстилей. Например, в классификации И. Р. Гальперина можно увидеть четыре разновидности: «а) язык коммерческих документов; б) язык дипломатических документов; в) язык юридических документов; г) язык военных документов» [5, с. 431]. П. В. Веселов выделяет законодательный, инструктивно-методический, организационно-распорядительный, статистический, технический, дипломатический и другие подстили [6, с. 37].

Общепринятой и наиболее распространенной классификацией является деление на три подстиля: дипломатический, законодательный, управленческий (или административно-канцелярский). Законодательный подстиль наиболее употребим в сфере правовых отношений. Как отмечает С. Ш. Халмирзаева, главной функцией данного подстиля является «рекомендательно-регулирующая» [7, с. 60]. Жанрами, относящимися к законодательному подстилю, являются устав, кодекс, закон и др. Итак, юридический документный текст относится к законодательному подстилю. Документные тексты преимущественно зафиксированы в письменной форме. Как правило, документная лингвистика изучает тексты, используемые в двух функциональных стилях, а именно – официально-деловом и научном. Официально-деловой стиль называют также «административным стилем или деловой речью» [8, с. 346]. Кроме того, применительно к языку документов словосочетание «письменная деловая речь» в ряде случаев используется как синоним термина «официально-деловой стиль».

В современных дефинициях документный текст (далее – ДТ) трактуется как «произведение речетворческого процесса, обладающее смысловой завершенностью, характеризующееся стилевой обработанностью, стандартизованностью (унифициро-

ванностью), состоящее из названия одного или нескольких структурно-семантических единиц (сложных синтаксических целых)» [9, с. 31]. С. М. Кушнерук определяет ДТ как «основной лингвистический компонент документа, представляющий собой завершенное речевое единство, результат реализации лингвотехнологических операций, осуществляемых по устойчивому алгоритму и регулируемых как речевыми правилами письменной нормы, так и формально-прагматическими правилами стандартизирующих и унифицирующих инструментов» [10, с. 35].

Итак, документные тексты можно рассматривать как сложные дискурсивные образования, на специфику вербализации которых, на использование наполняющих их лексических единиц и, следовательно, на особенности их прагматики оказывают влияние как правила построения письменной речи, которые сформировались в языке, так и формальные правила, имеющие внеязыковую природу. Данные правила имеют «ограничивающий, унифицирующий и стандартизирующий смысл. В результате многочисленные документные тексты – «основные смысловые компоненты любого документа – несут в себе особенности, проявляющиеся в организации, выборе и комбинациях компонентов, из которых эти тексты строятся» [10, с. 167].

Проведенный анализ показывает, что термин «документный текст» по-разному интерпретируется в современной лингвистике. Основываясь на прагматической точке зрения, можно утверждать, что в любом документе заложена какая-то информация. Отсюда следует, что ДТ можно рассматривать как «письменный речевой объект, составляющий его знаковую основу, письменный текст, зафиксированный средствами графики» [11, с. 5].

В рамках документной лингвистики текст изучается в «нескольких специальных аспектах: в функциональном (в связи с реальными действиями по изменению специальной ситуации), в знаково-типологическом (с учетом многообразия знаковых средств,

особенностями их реализации в различных видовых группах текстов и сочетаемости), в прагматическом, позволяющем связывать лингвистические особенности текста с внеязыковыми последствиями работы документа, в котором этот текст содержится» [12]. Все эти аспекты «взаимосвязаны, получение формальных показателей, измеряющих» результаты исследований, могут служить классифицирующей основой документных текстов» [12, с. 272].

Мы согласны с точкой зрения О. И. Таюповой, которая считает, что «порождение текста, а также его функционирование прагматически ориентированы, поскольку любой текст, в том числе и документный, создается при возникновении определенной целевой установки и функционирует в определенных коммуникативных условиях» [13, с. 1551]. Документные тексты характеризуются определенными свойствами, которые позволяют им выполнять соответствующую коммуникативную функцию (лат. *functio* – *исполнение, совершение*) в социуме.

Вопрос о функции текста напрямую связан со спецификой его функционирования в социуме. Для текстов законов доминирующей является информативная функция, поскольку «функция высказывания и целого текста связаны не просто с речевой деятельностью того или иного конкретного говорящего в той или иной конкретной ситуации, а с внутренней организацией процесса общения, понимаемого как одна из сторон социального взаимодействия людей» [14, с. 34].

Любой текст всегда предназначен для того, чтобы оказывать влияние на реципиентов через реализацию языковой системы, а также использования или неиспользования в нем средств паравербальной лингвистики. Следовательно, актуализация различных видов и подвидов текстов является в действительности результатом «целенаправленной деятельности продуцента в ответ на стимулы извне, задающие тексту некоторые свойства и функции в зависимости от прагматических установок данной культурной общности» [15, с. 92].

В число прагматических пресуппозиций, играющих существенную роль при организации текстов и способствующих реализации в социуме их коммуникативной функции, могут быть включены следующие явления: «1) национальная культура, менталитет народа; 2) тендерные стереотипы, функционирующие в обществе; 3) фоновые знания» [16, с. 108]. Учет прагматических пресуппозиций является, безусловно, одним из факторов успешности прагматического воздействия любого текст.

Итак, термин «текст» (лат. *textus*) означает *ткань, сплетение, соединение*, а термин «документ» происходит от латинского *documentum*, т. е. *свидетельство, доказательство*. Некоторые отечественные авторы в число официальных документов включают различные объяснительные записки, инструкции и справки [17, с. 70]. Проведенный анализ теоретического материала показывает, что под документами понимаются также такие письменные тексты, как письменное удостоверение, подтверждающее личность предъявителя, деловая бумага, служащая доказательством чего-либо или подтверждающая право на что-либо, грамоты и др. [18, с. 140]. Несомненно то, что перечисленные тексты имеют юридическую (правовую) значимость.

К документным текстам относятся такие юридические тексты, как «законы, постановления, положения, приказы, уставы, которые являются предметом рассмотрения и анализа в рамках правовой лингвистики. Юридические тексты, относящиеся к официально-деловому стилю, имеют предписывающий характер и выражают характер долженствования, поскольку общая модальность документальных текстов предполагает понимание всех языковых единиц как имеющих модальный компонент значения *нужно, должно* вне зависимости от их словарного или общего грамматического значения» [19, с. 7].

И наконец, языковая система изменяется наряду с историческими и социальными трансформациями языка. Например, в документной лингвистике языковая си-

стема динамично коррелирует с изменениями лексического корпуса, используемого в документных текстах. Данный постулат особенно актуален для текстов законов, создание которых основывается на той или иной коммуникативной установке. Прагматически-коммуникативная направленность, т. е. воздействие на реципиентов, является главным конституирующим фактором текста.

Проанализировав юридические документные стили, мы пришли к выводу, что они имеют свои отличительные лингвистические черты на уровне лексики, грамматики и синтаксиса. Приведем примеры.

Лексические характеристики. При переводе документных юридических текстов необходимо обращать внимание на контекст, в котором используется тот или иной термин. Обратимся к примерам. Так, при изучении темы «Отрасли права», в частности при переводе текстов «Family Law», «Marriage Law» словосочетание *registered partnership* может быть переведено как *зарегистрированное товарищество, бизнес*. Однако в рамках рассматриваемых документов это понятие означает союз двух людей, проживающих совместно и зарегистрировавших брак в соответствующих органах власти государства – места проживания. В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, такой союз является правоммерным и может быть определен как *гражданский брак*. Тем не менее существуют государства, где такая форма брака не является правоммерной (Египет, Ливия, Иран) либо признается действительной наряду с религиозным браком (Испания, Великобритания, Дания). Поэтому при толковании вышеуказанного термина в перечисленных государствах следует обращаться именно к контексту соответствующего документа по избежание неправильного его понимания.

Еще одним примером может быть слово *exequatur*, что в переводе, в зависимости от контекста, означает *экзекватура – удостоверение, выдаваемое иностранному консулу о признании его таковым, либо приведение и исполнение судебного решения, вынесенного*

в иностранном государстве. При переводе вышеуказанных текстов важно толковать те или иные термины именно с точки зрения их юридического понимания.

Вызывает затруднение и перевод выражения «брачный договор», которое может быть переведено как *marriage contract*, *treaty of marriage*, *agreement of marriage*. Существует еще и такой вариант перевода, как *marriage settlement*. Если рассмотреть отдельно перевод слова “settlement”, то в общей лексике английского языка он означает *заселение, колонизация, поселение, урегулирование*, что в нашем случае не может точно отразить суть брачного договора.

Аналогичная ситуация возникает при переводе словосочетания *substantive law*. В общеупотребительной лексике термин *substantive* означает самостоятельный, независимый, реальный, главный. С точки зрения юридической терминологии *substantive law* означает *материальное право*.

Рассмотрим термин *jurisdiction*. В английском языке это понятие означает, помимо известного нам, *компетенция, полномочия (суда и т. п.)* и чисто географический фактор – *территория*, например, штата. Американский юрист может сказать не только *court's jurisdiction* (компетенция суда), но и, к примеру: *In this jurisdiction the rule does not apply.* (*В этом штате данное правило не применяется*).

Зачастую переводчики сталкиваются и с такой проблемой, как отсутствие некоего института (либо государственного органа) в национальной правовой системе. К примеру, английский Совет адвокатов, или *the Bar Council*, может быть неизвестен многим европейским государствам, вследствие чего правильный его перевод возможен лишь в случае обладания соответствующими фоновыми знаниями.

При переводе юридических текстов с русского языка на английский также необходимо учитывать особенности соответствующей правовой системы того или иного государства. К примеру, понятие «режим супружеской собственности», или *matrimonial property regime*, неприменимо в отношении

английского права, т. к. заключение брака само по себе не влечет никаких последствий относительно права собственности на имущество супругов.

Или другой пример из документного текста. В английском языке существуют такие понятия, как *domicile* и *place of residence*. Разница между ними состоит в том, что *domicile* переводится как место жительства, в то время как *place of residence* означает место проживания. Для неспециалистов данные понятия являются синонимами, что в действительности неправильно. По закону Российской Федерации местом жительства гражданина признается место его постоянного или преимущественного проживания. Таким образом, мы видим, что в данном случае фактор постоянства проживания играет решающую роль, поскольку мест проживания может быть несколько, но место жительства только одно. Законодательство США, в частности, предусматривает, что гражданин может реализовывать свое право голоса на выборах в органы государственного управления только по месту жительства.

При переводе документных текстов с английского языка на русский язык нельзя забывать и о так называемых ложных друзьях переводчика (от англ. *false friends*), т. е. словах или выражениях из двух разных языков, которые похожи по звучанию или написанию, но имеют совершенно разные значения. Например, слово *control* переводится как *управлять*, а не *контролировать*, *general* – как *основной, общий, обычный*, а не только *генеральный*. Весьма распространенной ошибкой является перевод слова *nationality* как *национальность*, что в действительности означает *гражданство, принадлежность к стране происхождения*. Кроме того, слово *nation* может переводиться не только как *нация*, но и как *страна, народ, население страны*. Следует отметить, что и при переводе с русского языка на английский язык также необходимо обращать внимание на *ложных друзей переводчика*. К примеру, при переводе слова *арбитраж* как одной из судебных инстанций правиль-

ным вариантом перевода будет *arbitration*, а не *arbitrage*, что означает *одновременную покупку и продажу валюты, товаров*.

Трудность перевода юридических документных текстов заключается и в том, что в языке оригинала (в данном случае в английском языке) отсутствуют некоторые юридические термины, используемые в других языках и правовых системах. Например, в рассматриваемых нами документах встречается французский термин *réserve héréditaire*, что в английском языке звучит как *reserved portion*. Применительно к наследственным правоотношениям данный термин означает *часть наследственного имущества, которая по закону не может быть передана по завещанию*. Право на такую часть имущества по закону Франции имеют, в частности, дети наследодателя. Оставшаяся часть имущества называется *quotité disponible* или *disposable portion*, т. е. может быть свободно передана по завещанию.

Следующий пример. Всеобщим заблуждением является использование понятий *divorce* и *legal separation of spouses* в качестве синонимов. Первое означает *развод*, в то время как второе – *раздельное проживание супругов по решению суда*, что не характерно, в частности, для российского законодательства, однако предусмотрено в ряде законодательных актов европейских государств (Испания, Великобритания и др.). Раздельное проживание супругов по решению суда является, как правило, этапом, предшествующим разводу, чем и объясняется необходимость разграничения этого понятия с официальным разводом.

Также одной из отличительных особенностей юридического документного текста является использование латинских слов и выражений, имеющих определенную терминологическую коннотацию в языке законодательных документов. Например, *de jure* – *юридически, по праву*; *quasi* – *как будто; будто бы*; *ex officio* – *официально, по должности, по долгу службы*; *mens rea (the guilty mind, refers to criminal intent)* – *виновный / злой умысел; виновная воля, вина* и другие. К сожалению, латинский язык не изучается в юридических институтах, поэтому преподавателям необходимо оптимизировать работу

по компилированию латино-англо-русских выражений. Так, на кафедре иностранных и русского языков Уфимского ЮИ МВД России разработано учебно-практическое пособие «Английский язык для профессиональной коммуникации сотрудников правоохранительных органов», которое содержит список латинских фраз, встречающихся в законодательных документах.

К лексическим особенностям в юридических документных текстах относится и употребление аббревиатур, то есть это слова, «образованные от сокращенных основ или от сокращения и полной основы» [20, с. 165]. Как правило, используются аббревиатуры, читающиеся по буквам, то есть инициальная аббревиатура. Например: *National Central Bureau (NBC)*; *Commission for the Interpol's Files (CCF)* и другие. Однако встречаются и так называемые акронимы, то есть лексические единицы, читаемые как полное слово, например, *BRICS*. Следует признать, что в юридических документных текстах наиболее распространенным способом перевода аббревиатур является калькирование. Кроме того, юридические английские аббревиатуры по своей структуре и семантике представляют сложные лексические элементы, поэтому их адекватный перевод возможен только в случае знания их специфики употребления. При переводе необходимо учитывать, что многие английские аббревиатуры целесообразно разворачивать в полнобуквенные слова, чтобы избежать искажение заложенного в тексте смысла или обращаться к словарю.

Таким образом, главными лексическими особенностями юридического документного текста являются отсутствие «эмоционально окрашенных слов, просторечных слов, диалектизмов, поэтизмов, устаревших слов» [21, с. 281]. И. Р. Гальперин также отмечает, что «в стиле деловых документов слова употребляются преимущественно в основных предметно-логических значениях (за исключением тех случаев, когда производные предметно-логические значения являются в данной сфере общения терминологическими)» [3, с. 433].

Если говорить о грамматических и синтаксических характеристиках, то одной из самых очевидных синтаксических черт юридических документных текстов в английском языке являются длинные сложные предложения. Стоит также отметить, что сложноподчиненные предложения обычно встречаются чаще, чем сложносочиненные. Среди других синтаксических средств, присущих официально-деловому стилю, можно выделить: широкое использование пассивного залога; прямой порядок слов; предложения, осложненные причастными оборотами или однородными членами; использование пассивных конструкций; безличные предложения, использование инверсии.

Например, European prison rules:

1. The European Prison Rules set out basic principles which should underpin prison

administration and guide interpretation of the Rules themselves (прямой порядок слов, однородные члены).

2. Human rights must always be respected and protected. People do not lose their human rights on entering prison, although they may be restricted (пассивная конструкция).

3. To ensure that prisons comply with national and international law, including the provisions of the European Prison Rules ... (причастие).

Заключение

Юридические документные тексты демонстрируют ряд лингвостилистических характеристик, среди которых использование специализированной терминологии, грамматических и синтаксических конструкций. Документные юридические тексты насыщены клише и терминами, а также номенклатурной лексикой и аббревиатурами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. М.: Издательство ЮРАЙТ, 2020. 484 с.
2. Граудина Л. К. Культура русской речи: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 1998. 549 с.
3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958. 459 с.
4. Наслян Т. О. Языковые особенности дипломатического подстиля. 2021. С. 94–97.
5. Гальперин И. Р. Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. 479 с.
6. Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности. 3-е изд., доп. М: Издательство стандартов, 1990. 160 с.
7. Халмирзаева С. Ш. Общая характеристика официально-делового стиля // Academy. 2019. №. 7 (46). С. 59–60.
8. Голуб И. Б. Риторика: учитеесь говорить правильно и красиво. М.: Омега-Л, 2012. 405 с.
9. Токарев Г. В. Документная лингвистика: учебное пособие. Тула: Артпринт, 2010. 125 с.
10. Кушнерук С. П. Современный документный текст: создание и исследование: научно-методическое пособие. М.: Либерея-Библинформ, 2009. 191 с.
11. Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов: учебное пособие. М.: Высшая школа, Инфра-М, 1997. 192 с.
12. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
13. Таюпова О. И. Языковой код в научно-популярном тексте // Вестник Башкирского университета. 2012. № 4. С. 1550–1553.
14. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 2004 534 с.
15. Бабенко Н. С. История языка и модели ее описания // Теория, история, типология языков. Вып. 1. М.: Институт языкознания, 2003. С. 87– 92.
16. Родина О. В. Прагматические прессупозиции как фактор эффективности воздействия рекламного текста // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Сер. 19. 2004. № 4. С. 108–118.

18. Крылова С. А. Методика обучения профессионально-ориентированному рефлексивному чтению студентов 1–2 курсов исторических специальностей педагогического вуза: на материале немецкого языка: автореферат дис. ... канд. пед. наук. М., 2008. 24 с.
19. Константинова Л. А., Щенникова Е. П., Юрманова С. А. Деловая риторика: учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, Наука, 2014. 302 с.
20. Солганик Г. Я. Стилистика и культура речи русского языка: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению и специальности «Филология». М.: Академия, 2012. 251 с.
21. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование: учебное пособие. 3-изд. М.: Флинта, 2019. 247 с.
22. Флоря А. В., Егорова Н. В. Языковые особенности официальноделового стиля // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 5. С. 278–288.

REFERENCES

1. Golub I. B. Stylistics of the Russian Language. Moscow: URAYT Publishing House, 2020. 484 p. (In Russ.)
2. Graudina L. K. Culture of Russian Speech: A Textbook for Universities. Moscow: Norma: INFRA-M, 1998. 549 p. (In Russ.)
3. Galperin I. R. Essays on the Stylistics of the English Language. Moscow, 1958. 459 p. (In Russ.)
4. Naslyan T. O. Linguistic Features of the Diplomatic Sub-style. Moscow, 2021. P. 94–97. (In Russ.)
5. Galperin I. R. Psychology as an Objective Science. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: NPO MODEK, 1998. 479 p. (In Russ.)
6. Veselov P. V. Modern Business Letters in Industry. 3rd ed., suppl. Moscow: Izdatelstvo standartov, 1990. 160 p. (In Russ.)
7. Khalmirzaeva S. Sh. General characteristics of the official business style // Academy. 2019. No. 7 (46). P. 59–60. (In Russ.)
8. Golub I. B. Rhetoric: learn to speak correctly and beautifully. Moscow: Omega-L, 2012. 405 p. (In Russ.)
9. Tokarev G. V. Document linguistics: a textbook. Tula: Artprint, 2010. 125 p. (In Russ.)
10. Kushneruk S. P. Modern document text: creation and research: a scientific and methodological manual. Moscow: Libereya-Bibinform, 2009. 191 p. (In Russ.)
11. Rakhmanin L. V., Stylistics of Business Speech and Editing of Official Documents. Moscow: A Tutorial. Higher School, Infra-M, 1997. 192 p. (In Russ.)
12. Maslova V. A., Cognitive Linguistics: A Tutorial. 3rd ed., revised and enlarged. Minsk: TetraSystems, 2008. 272 p. (In Russ.)
13. Tayupova O. I., Language Code in Popular Science Texts // Bulletin of Bashkir University. 2012. No. 4. P. 1550–1553. (In Russ.)
14. Leontiev A. A. Language and Speech Activity in General and Pedagogical Psychology: Selected Psychological Works. Moscow; Voronezh, 2004. 534 p. (In Russ.)
15. Babenko N. S. History of Language and Models of Its Description. Theory, History, and Typology of Languages. Issue 1. Moscow: Institute of Linguistics, 2003. P. 87–92. (In Russ.)
16. Rodina O. V. Pragmatic Presuppositions as a Factor in the Effectiveness of an Advertising Text // Linguistics and Intercultural Communication. Series 19. 2004. No. 4. P. 108–118. (In Russ.)
18. Krylova S. A. Methodology for Teaching Professionally Oriented Reflective Reading to First- and Second-Year Students of History Majors at a Pedagogical University: Based on the German Language: Abstract of Diss. ... Cand. of Pedagogy. Moscow, 2008. 24 p. (In Russ.)
19. Konstantinova L. A., Shchennikova E. P., Yurmanova S. A. Business Rhetoric: A Textbook. 2nd ed., reprinted. Moscow: FLINTA, Nauka, 2014. 302 p. (In Russ.)
20. Solganik G. Ya. Stylistics and Culture of Speech of the Russian Language: A Textbook for Students of Higher Education Institutions Studying in the Direction and Specialty of Philology. Moscow: Academy, 2012. 251 p. (In Russ.)
21. Filippova L. S. Modern Russian Language. Morphemics. Word Formation: A Textbook. 3rd ed. Moscow: Flinta, 2019. 247 p. (In Russ.)

22. Florya A. V., Egorova N. V. Linguistic Features of the Official Business Style // Bulletin of South Ural State Humanitarian Pedagogical University. 2009. No. 5. P. 278–288. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. А. Петрова, доктор филологических наук, доцент.

Information about the author:

E. A. Petrova, Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.11.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 01.11.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 811.161.1:276.6:351.74

ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖАРГОН В РЕЧИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Ильсюяр Ильгизовна Файзуллина

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,
ilsi.82@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме изучения профессионального языка сотрудников органов внутренних дел. Проводится четкое разграничение понятий «юридический термин», «профессионализм», «профессиональный жаргонизм». Анализируется собранный языковой материал, позволяющий выделить несколько классификаций профессиональных слов и выявить особенности их употребления.

Ключевые слова: профессионализмы, профессиональные слова, профессиональный жаргонизм, юридические термины.

Для цитирования: Файзуллина И. И. Юридический жаргон в речи сотрудников органов внутренних дел и его особенности // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 163–168.

Original article

LEGAL JARGON IN THE SPEECH OF INTERNAL AFFAIRS OFFICERS AND ITS PECULIARITIES

Ilsiyar I. Faizullina

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian, Ufa, Russia,
ilsi.82@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the problem of studying the professional language of employees of internal affairs bodies. It makes a clear distinction between the concepts of “legal term”, “professionalism”, and “professional jargon”. An analysis of the collected linguistic material allows us to identify several classifications of professional words as well as the peculiarities of their usage.

Keywords: professionalisms, professional words, professional jargon, legal terms.

For citation: Fayzullina I. I. Legal jargon in the speech of internal affairs officers and its peculiarities // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 163–168. (In Russ.)

Введение

Профессиональная коммуникация, как известно, осуществляется с помощью различных средств языка, среди которых, как и в любом профессиональном языке, присутствуют термины, профессионализмы, а также специфический профессиональный жаргон. Такая коммуникация проходит успешно в том случае, если она соот-

ветствует данной структуре. Однако здесь важно отметить то, что эффективность профессиональной коммуникации во многом зависит от тех языковых средств, с помощью которых передается информация. Чаще всего коммуникация осуществляется с помощью слов, которые помогают специалистам быстрее и проще передать друг другу необходимое сообщение.

© Файзуллина И. И., 2026

В каждой профессии есть свои такие понятные слова, которые облегчают передачу нужной информации. К ним относятся термины, профессионализмы и профессиональные слова-жаргонизмы. Актуальность настоящего исследования обусловлена увеличением количества подобных слов, а также возрастающим интересом к их изучению как особого пласта лексики русского языка.

Цель исследования – дать определение понятиям термины, профессионализмы и профессиональные слова-жаргонизмы и выявить особенности их употребления.

Методы

При проведении данного исследования применялись сбор и анализ теоретических работ ученых-лингвистов, метод сплошной выборки, наблюдение, анализ, синтез, количественный подсчет, описание, сравнение, сопоставление, структурное и семантическое моделирование, классификация.

Результаты и обсуждение

Вопросу исследования юридического языка уделяли пристальное внимание М. В. Байтеева [1], Н. А. Власенко [2], Т. В. Губаева [3], М. Л. Давыдова [4; 5; 6], Н. Н. Ивакина [7], Е. В. Лазуткина [8], В. Ю. Туранин [9], С. П. Хижняк [10] и др. Работы многих лингвистов в основном концентрируют внимание именно на словах-терминах, и это вполне объяснимо. С одной стороны, термины представляют собой важнейшую составную часть профессионального языка, без них не обходится ни одна профессиональная сфера деятельности. С другой стороны, термины проще исследовать, поскольку они зафиксированы в научных текстах. А если говорить о юридических терминах, то они закреплены еще и в нормативных документах и в основной массе встречаются в письменной речи, поэтому исследовать их значительно удобнее. Однако, кроме терминов, используются также слова, которые характерны для устной профессиональной речи в неофициальных ситуациях профессионального общения. В связи с этим целью является рассмотрение соотношения и взаимодействия всех его лексических уровней.

К первому уровню относятся юридические термины, которые обозначают специальное абстрактное понятие, слово или словосочетание, принятое в определенной отрасли знания (сфере науки, техники, искусства) и ограниченное использованием в области [10, с. 24]. Общими признаками всех юридических терминов являются четкая сфера применения, точное соотношение слова и отображаемого им объекта действительности, однозначность, независимость от контекста: *административное взыскание, встречный иск, дееспособность, имущественный ущерб, исковое заявление, подсудность, преамбула, судебные прения* и т. д. Среди юридических терминов часто можно встретить синонимичные. Например, *компетенция – полномочие, договор – соглашение, кража – хищение, юридический – правовой*. Подобные синонимы можно отнести к нормативно-правовым терминам, которые образуют ядро терминосистемы права [11, с. 139]. Среди терминов-синонимов выявляются и такие, которые отличаются стилем употребления и степенью их распространенности в языке. Например, *лицо, осужденное за совершение деяния, предусмотренного ст. <...> УК РФ* (официально-деловой стиль); *субъект уголовного правонарушения* (научный стиль); *жулик* (разговорный стиль), *законоотступник* (публицистический стиль); *лиходеи* (художественный).

Говоря о синонимах общеупотребительных, знакомых широкому кругу пользователей (*преступник*) и специальных, используемых в профессиональном общении (*свистун – преступник, который занимается воровством*), можно выделить профессионализмы и профессиональные жаргонизмы.

Профессионализмы – это слова или выражения, свойственные речи представителей одной специальности или профессиональной группы [12, с. 392]. Люди определенных профессий называют предметы, явления, лица и процессы, используя подобные формы. Например, *засилить приговор, отписать решение; черная и серая зарплата, обналочка; юрик и физик* [4, с. 17]. Подобные слова не имеют широкого распро-

странения в литературном языке, сфера их употребления ограничена [13, с. 43]. Однако именно они способствуют тому, чтобы речь специалиста была узнаваемой для коллег, помогая отличить «своих» от «чужих». Так, сотрудник полиции, который только что приступил к своим обязанностям, начинает использовать профессиональные слова, повторяя распространенные ошибки: *должно-стЯ, осУжденный, возбУждено, протоко-ла, прОтоколы, рапортА* и т. п.

Подобные формы становятся распространенными и воспринимаются как признак принадлежности к профессиональному сообществу. Однако нельзя не согласиться со многими филологами, считающими, что «профессиональный жаргон уместен только в узкопрофессиональной сфере в условиях неофициального общения» [14, с. 60]. В данном вопросе мы также поддерживаем мнение М. Л. Давыдовой о том, что употребление подобных форм демонстрирует обычную неграмотность сотрудников полиции и, к сожалению, в очередной раз подтверждает их пренебрежительное отношение к правилам русского языка [5].

Считаем необходимым в этой связи отделять профессиональную речь от литературной, нормы которой обязательны в официальном и публичном общении. Литературный язык, являясь эталоном, критерием уровня культуры, показателем образованности, представляет собой тот фундамент, на котором строится языковая компетентность специалиста любой профессии.

С целью исследования и анализа языковых средств, используемых сотрудниками полиции для передачи информации, среди слушателей факультета профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России проводился сбор материала. Анализ полученных данных позволил выделить несколько классификаций профессиональных слов сотрудников ОВД.

К первой классификации мы отнесли разделение на лексико-тематические группы и выделили наименования, обозначающие:

1) сотрудников ОВД по званиям и подразделениям: *подпол* – подполковник; *кэп* –

капитан; *старлей* – старший лейтенант; *тяжелые* – бойцы специального отряда быстрого реагирования (СОБР) и Федеральной службы безопасности (ФСБ); *вертухай* – сотрудник исполнительной колонии; *гаишник, гайцы, дэпсы* – сотрудники ГАИ; *дознучка* – дознаватель; *козырьки* – сотрудники в форме; *следак* – следователь, *собачник* – сотрудник-кинолог; *старший брат* – сотрудник Федеральной службы безопасности; *урки* – сотрудники уголовного розыска; *учик* – участковый уполномоченный полиции; *опер* – оперуполномоченный;

2) водителей: *гонщик, летчик, свисток* – водитель, быстро едущий по дороге; *бахус, НС, синий нос* – водитель в нетрезвом состоянии; *глухой* – водитель, громко слушающий музыку; *красный* – проехавший на запрещающий знак светофора; *одноглазый* – водитель, управляющий транспортным средством с одной негорящей фарой; *правый* – управляющий транспортным средством с правым рулем; *слепой* – водитель, движущийся с включенными фарами дальнего света; *черный* – водитель, автомобиль которого полностью затонирован; *ремень* – не пристегнувшийся ремнем безопасности водитель; *лес* – незаконно перевозящий древесину;

3) правонарушителей или лиц, находящихся в сложных отношениях с законом: *барыга* – человек, занимающийся продажей запрещенных веществ; *бегун* – человек, который часто убегает от сотрудников ОВД; *жулик* – преступник; *клиент* – правонарушитель; *кухонный боксер* – мужчина, избивающий свою жену; *кура* – наркокурьер; *кегли, пешки* – пешеходы; *подзорник* – человек, на которого установлены административные ограничения судом; *свистун* – вор; *хозяйский, чалый* – отсидевший срок человек;

4) различные категории людей: *жмур* – труп; *лупоглазый* – свидетель; *русалка* – утопленник; *кладмен* – закладчик наркотиков; *нарик, торчок, наркоша* – наркоман; *потеряшка* – пропавший без вести; *синяк* – алкоголик; *терпила* – потерпевший; *скрипач* – человек, перерезавший себе вены;

5) виды преступлений: *бытовуха* – бытовое преступление; *висяк*, *глухарь* – нераскрытое дело; *квартирка* – квартирная кража; *кармашка* – карманная кража; *мокруха* – убийство; *чистуха* – явка с повинной;

6) служебные помещения и иные места служебной деятельности: *база* – отдел; *вещёвка* – комната для хранения вещественных доказательств; *вырезательная* – помещение для вскрытия упакованных вещественных доказательств; *контора* – здание территориального органа; *обезьянник* – камера временного содержания; *опорка* – опорный пункт полиции; *пыточная* – комната для допроса; *КАЗ* – комната (камера) административно задержанных; *стакан* – отдельная камера для преступника в автозаке; *трезвяк* – вытрезвитель;

7) полицейскую машину: *бобик*, *бубон*, *буханка*, *воронок*, *патрулька*;

8) типы документов: *ксива*, *заява*, *малява*, *телега*;

9) наручники: *БРС*, *браслеты*, *котлы*;

10) резиновую дубинку: *анальгин*, *ПР*, *палка-выручалка*, *палка желаний*;

11) световые и звуковые сигналы на машине ДПС: *люстра*, *гирлянда*, *крякалка* (*полицейская сирена*);

12) оружие: *ствол*, *табель*, *ПМ*, *рогатка*;

13) вид наблюдения и прослушивания за человеком: *большое ухо*, *наружка*, *Николай Николаевич*, *семерка* (от Седьмого управления КГБ СССР).

По способу образования нами были выделены следующие группы профессиональных номинаций:

1) собственно лексические профессионализмы, которые возникают как новые, особые наименования. Например, таким путем возникли следующие номинации: *жулик* – преступник, *крышеход* – больной человек, *поднять висяк* – раскрыть дело, *шмонать* – обыскивать и т. д.;

2) лексико-семантические профессионализмы, возникающие в процессе развития нового значения слова и его переосмысления. Так возникли профессиональные значения слов в речи сотрудников ОВД: *баклан* – человек, судимый за грабеж или воровство.

Существует несколько значений этого слова: от водоплавающих птиц до названия острова в Узбекистане. Считается, что слово *баклан* позаимствовано из тюркских языков, куда оно пришло из греческого. В российских тюрьмах *бакланами* называют осужденных за хулиганство людей. Термин имеет презрительный оттенок, чаще применяется как пренебрежительное высказывание.

Тюремную лексику слово *баклан* обогатило еще в XIX веке. Сначала этот термин обозначал неопытного человека, который совершил преступление. Позже семантика слова расширилась, появились новые смысловые значения. Сейчас *бакланы* отбывают срок за хулиганство или *гон-стоп* (уличный грабеж «на испуг», когда преступник налетает на жертву, грабит ее (часто с ударом) и мгновенно исчезает).

В XX веке в мегаполисах действовали подростковые банды, которые занимались грабежом и разбоем. Внутри таких организованных сообществ не было авторитетных воров. Часто участники банд гордо называли себя *бакланами*, но они не думали о негативном значении слова. Заключение, которые сидят за хулиганство, не пользуются большим уважением. К этой категории осужденных применяется термин *баклан*. Таким словом называют воришек без опыта, которые попались при выполнении преступления.

Самое интересное то, что авторитетных воров и уважаемых заключенных нельзя называть *бакланами*. Применяется термин к осужденным по статье 206 УК РФ. В советские времена словом *баклан* называли заключенных, которые попали в тюрьму за хулиганство. В наше время «хулиганка» практически не несет негатива, а воровской мир во многом зависит от денег. Опытные воры говорят о том, что если человек получил срок за разбой или грабеж, то он *баклан*. В будущем такой осужденный не сможет относиться к «ворам в законе».

Выдающийся русский писатель Владимир Короленко написал интересный рассказ «Убивец». В этом литературном произведении *бакланами* писатель называет разбой-

ников и хулиганов. В Словаре воровского жаргона есть несколько значений слова с негативным оттенком¹. *Баклан* – неопытный вор, мелкий спекулянт или хулиган; *поплавок* – ребенок, находящийся в машине без детского удерживающего устройства; *одноразовый* – мотоциклист; *хлопок* – задержание; *лейка* – телефон;

3) лексико-словообразовательные профессионализмы: *дорожка* – дорожно-транспортное происшествие, *дорик* – инспектор дорожного надзора, *дежурка* – дежурная часть, *откатка* – взятие отпечатков пальцев, *мошняга* – мошенничество и др.

Интересным на наш взгляд является тот факт, что в качестве слов-профессионализмов нередко используются наименования животных и птиц (например, *бык* – водитель, не соглашающийся с решением инспектора ГАИ; *волк в погонах* – полицейский-коррупционер; *заяц* – беглец; *свинья* – лицо, доставленное в нетрезвом виде; *крот* – сотрудник полиции под прикрытием; *утка* – подставное лицо); цветов (*подснежник* – труп, об-

наруженный весной после таяния снегов; *тюльпан* – радиостанция); музыкальных инструментов (*баян* – шприц; *скрипка* – человек, перерезавший себе вены).

Заключение

Таким образом, употребление профессиональных слов сотрудниками ОВД вызывает большой интерес у лингвистов. С каждым днем количество профессионализмов становится все больше, и происходит это в кругу общения профессионалов и узких специалистов. Разграничить профессиональные жаргонизмы и профессионализмы на практике оказывается довольно сложно. Профессиональные жаргонизмы – это слова, всегда являющиеся экспрессивными и часто грубыми синонимами как терминов, так и профессионализмов. В устной речи они выполняют функцию эмоциональной разрядки, что, с одной стороны, добавляет экспрессии в сухой официальный язык, а с другой – позволяет снять большую психологическую нагрузку, связанную с особенностями профессиональной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байтеева М. В. Язык и право: монография. Казань, 2013. 253 с.
2. Власенко Н. А. Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. 821 с.
3. Губаева Т. В. Язык и право: искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2014. 160 с.
4. Давыдова М. Л., Профессиональный юридический жаргон: проблема определения границ понятия // Юрислингвистика. 2013. № 2 (13).
5. Давыдова М. Л., Филимонова Н. Ю. Юридический жаргон как средство профессиональной коммуникации юристов // Юридический жаргон как средство профессиональной коммуникации юристов. Коммуникативная теория права и современные проблемы юриспруденции: коллект. монография. Т. 2. СПб.: АЛЕФ-ПРЕСС2, 2014.
6. Давыдова М. Л., Филимонова Н. Ю. Юридические термины – профессионализмы – профессиональный жаргон: разграничение понятий и соотношение функций // Гуманитарные науки и образование. 2016. № 3. С. 102–106.
7. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. М., 2025. 448 с.
8. Лазуткина Е. Осторожно: профессиональный жаргон // Учительская газета. № 14. 2009.
9. Туранин В. Ю. Юридический жаргон современного российского законодательства: причины использования и пути устранения // Российская юстиция. 2008. № 6.
10. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав. Саратов, 1997.
11. Пиголкин А. С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968.
12. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М. 2003.

¹ Словарь воровского жаргона. URL: <https://fenya.cyou/fenya.html#сила> (дата обращения: 15.10.2025).

13. Кряжева А. Л. Стилистика русского языка и культура речи: курс лекций. МГЮА. М., 2014.
14. Культура профессиональной речи: учебное пособие для студентов юридических вузов / под ред. Н. Ю. Тяпугиной. М.: Флинта-Наука, 2014.

REFERENCES

1. Baiteva M.V. Language and law: monograph. Kazan, 2013. 253 p. (In Russ.)
2. Vlasenko N. A. Jargons in law: limits and techniques of use // Problems of legal technique / ed. by V. M. Baranov. Nizhny Novgorod, 2000. 821 p. (In Russ.)
3. Gubaeva T. V. Language and law: the art of using words in professional legal activity. Moscow, 2014. 160 p. (In Russ.)
4. Davydova M. L., Filimonova N. Yu. Professional legal jargon: the problem of defining the concept's boundaries // Jurislinguistics. 2013. No. 2 (13). (In Russ.)
5. Davydova M. L., Filimonova N. Yu. Legal jargon as a means of professional communication of lawyers // Legal jargon as a means of professional communication of lawyers. The communicative theory of law and modern problems of jurisprudence: collection. monograph. Vol. 2. St. Petersburg: ALEF-PRESS2, 2014. (In Russ.)
6. Davydova M. L., Filimonova N. Yu. Legal terms – professionalisms – professional jargon: distinguishing concepts and correlation of functions // Humanities and education. 2016. No. 3. P. 102–106. (In Russ.)
7. Ivakina N. N. Professional speech of a lawyer. Moscow, 2025. 448 p. (In Russ.)
8. Lazutkina E. Beware: Professional jargon // Teacher's Newspaper. No. 14. 2009. (In Russ.)
9. Turanin V. Yu. Legal jargon of modern Russian legislation: reasons for use and ways of elimination // Russian Justice. 2008. No. 6. (In Russ.)
10. Khizhnyak S. P. Legal terminology: formation and composition. Saratov, 1997. 136 p. (In Russ.)
11. Pigolkin A. S. Preparation of draft regulations. M., 1968. (In Russ.)
12. Russian language. Encyclopedia / edited by Yu. N. Karaulov, M. 2003. (In Russ.)
13. Kryazheva A. L. Stylistics of the Russian language and culture of speech: a course of lectures. Moscow state law university, M., 2014. (In Russ.)
14. Culture of professional speech: a textbook for law students / edited by N. Yu. Tyapugina. M.: Flinta-Nauka, 2014. (In Russ.)

Информация об авторе:

И. И. Файзуллина, кандидат филологических наук.

Information about the author:

I. I. Fayzullina, Candidate of Philology.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 28.11.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 28.11.2025; accepted for publication 19.03.2026.

МОЛОДЕЖЬ В СТРУКТУРЕ НАУЧНЫХ КАДРОВ

Алевтина Владимировна Вилкова¹, Янина Николаевна Полякова²

^{1,2} Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

¹ mavlad67@mail.ru, ² ynpolyakova@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-8441-3440, ² ORCID: 0000-0002-3852-3128

Аннотация. В статье делается акцент на рассмотрении очень важного вопроса об эффективности научных исследований как одного из главных направлений и ведущего фактора прогресса, а также речь идет о предъявляемых требованиях к молодому ученому в связи с современными тенденциями ее развития.

Ключевые слова: научные кадры, молодежь, творческая научная деятельность, диссертационное исследование, наука.

Для цитирования: Вилкова А. В., Полякова Я. Н. Молодежь в структуре научных кадров // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 169–172.

Original article

YOUTH IN THE STRUCTURE OF SCIENTIFIC PERSONNEL

Alevtina V. Vilkova¹, Yanina N. Polyakova²

^{1,2} Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

¹ mavlad67@mail.ru, ² ynpolyakova@yandex.ru

¹ ORCID: 0000-0001-8441-3440, ² ORCID: 0000-0002-3852-3128

Abstract. The article focuses on the consideration of a very important issue of the effectiveness of scientific research as one of the main directions and a leading factor of progress, as well as the requirements for a young scientist in connection with current trends in its development.

Keywords: scientific staff, youth, creative scientific activity, dissertation research, science.

For citation: Vilkova A. V., Polyakova Ya. N. Youth in the structure of scientific personnel // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 169–172. (In Russ.)

Введение

Эффективность научных исследований зависит от уровня материально-технического обеспечения работ, но главное, от численности и квалификации научных кадров. Кадры – важнейшая составляющая науки. Вот почему вопросы подготовки и использования научной смены всегда находились в центре внимания нашей науки.

Проблема «молодежь в науке» как предмет анализа является сложной и многопла-

новой. Этот вопрос серьезно изучается в науковедении, так как без обстоятельного ответа на него система подготовки научных кадров не будет должным образом сориентирована. Кроме того, знания о требованиях, предъявляемых наукой к ученым, необходимы для улучшения адаптации молодежи в научных организациях.

Молодежь составляет значительную часть кадров современной науки. Молодому человеку, входящему в науку, предсто-

ит усвоить накопленную до него сумму знаний, развить в себе навыки творческой работы. Преемственность в науке играет исключительно важную роль. Вспомним, что сказал И. Ньютон, когда современники сравнили его с Р. Декартом: «Если я вижу дальше Декарта, то это потому, что я стою на плечах гиганта».

Глубокое усвоение научных знаний – задача чрезвычайно ответственная, особенно в современный период. Лавинообразный рост научной информации, стремительное расширение объема знаний, небывалый динамизм науки усложняют проблему подготовки молодого ученого. Этим обстоятельством частично можно объяснить наметившуюся тенденцию к увеличению сроков обучения в высшей школе и продолжительности периода подготовки диссертаций. Так, согласно данным, у прошедших подготовку в аспирантуре срок от времени окончания вуза до защиты – 6,5 года, а подготавливающих диссертации самостоятельно – 8,5 года.

Результаты

Обработка данных исследования о защите кандидатских диссертаций показала, что временной промежуток между поступлением в аспирантуру и защитой диссертации в среднем составил 5 лет.

Академик И. И. Артоболевский еще в прошлом веке в своем высказывании о месте и значении молодежи в научных достижениях нашей страны утверждал, что «именно молодой смотрит на традиции, на здание науки, выстроенное поколениями исследователей, глазами, еще не привыкшими к трафарету, и «его здоровый глаз», как говорил Гете, сразу увидит то, чего приглядевшийся не видит более». Анализируя некоторые черты психологии научного творчества, ученому необходимо умение преодолевать то, что он называет «познавательным барьером», то есть традиционность мышления, препятствующую научному поиску, что меньше характерно для научной молодежи [1, с. 114–115].

Таким образом, свежесть и пластичность восприятия, незакопченность представлений и, добавим от себя, энергия и энтузи-

зм молодости – весьма ценные качества в научной работе. Эти и многие другие черты важны для современного ученого, чтобы свободно ориентироваться в потоке научной информации, быть способным в краткие сроки осваивать знания на стыке наук, отказываться от уже устоявшихся и потому «привычных» концепций.

Часто можно услышать вопрос: каков оптимальный возраст для творческой продуктивности ученого? Здесь нет однозначного ответа. Имеющиеся научные данные весьма противоречивы. И все же есть все основания сомневаться в истинности концепции о падении творческой активности с увеличением возраста.

Так, анализ, проведенный К. Адамсом, показал, что из 400 ученых, возраст которых был точно установлен в период их творческого пика, только 9 % были моложе 30 лет. Средний же возраст продуктивных ученых составил 43 года, при этом в 50 % случаев лучшая работа была выполнена в возрасте 40 лет и старше. Для представителей разных специальностей зафиксирован различный возраст творческого пика. Так, для математиков составил 37 лет, химиков – 38, физиков – 40, инженеров – 43, астрономов – 45, ботаников – 46 и антропологов – 47 лет.

Динамика изменения творческой активности весьма чувствительна к индивидуальным особенностям человека. Так, по данным С. Пако, в творческой биографии индийского писателя и философа Рабиндраната Тагора было три пика, приходившихся соответственно на возраст 34 года, 49 и 69 лет [2].

Необходимо также отметить, что творческая активность зависит от мотивации. Установлено, например, что ученые, для которых основным мотивом деятельности является стремление внести вклад в науку, принести пользу людям, гораздо медленнее снижают творческую активность, нежели те, у которых доминирует стремление приобрести высокое положение в обществе [3].

Таким образом, нет «запретного» возраста для продуктивного занятия наукой, многое зависит от самого ученого. Следует

согласиться с мнением академика М. Л. Лаврентьева, который писал: «Огромный резерв науки заключен в правильном сочетании научной молодежи, ее творческой активности с мудростью и опытом старшего поколения. Здесь как в атомном реакторе, есть некоторая критическая масса, когда «мало – плохо» и «много – плохо». Найти, угадать, почувствовать нужный рубеж – в этом состоит талант ученого-руководителя» [4].

Показателем наилучшей «сбалансированности» возрастной структуры коллектива в определенной степени служит средний возраст научного работника. Данные показывают, что не во всех сферах науки наблюдается сбалансированность структуры. В ряде вузов средний возраст докторов и профессоров – 70 лет.

Большие возможности в оптимизации возрастной структуры научных кадров заложена в аспирантуре. Однако практика показывает, что эти возможности используются не в полной мере.

По данным исследования контингента очных аспирантов одной из высших образовательных организаций страны, защитивших диссертации, процент поступавших в аспирантуру сразу после окончания вуза был следующим: на биологическом факультете – 48 %, на географическом – 19 %, на геологическом – 35 %, на математико-механическом – 59 %, на факультете прикладной математики – 59 %, на физическом – 56 %, на химическом – 38 % и др.

Возраст защитивших кандидатскую диссертацию не превышал 30 лет только у 29,4 %. После 35 лет защитили кандидатскую диссертацию 32 %. Средний возраст лиц, защитивших диссертацию, следует признать высоким: он составил 33,4 года.

Научная работа относится к наиболее творческим видам человеческой деятельности, и, соответственно, она предъявляет повышенные требования к способностям и дарованиям людей. Так же как в литературе и искусстве, в области науки творческие способности человека – один из решающих факторов его продуктивности. Вот почему проблема отбора является чрезвычайно важной

для этого вида деятельности. Отечественной психологической и педагогической науке чужда элитарная концепция, в соответствии с которой творчество является привилегией «избранных». Способности человека формируются в процессе его жизнедеятельности, при этом существенную роль играет система воспитания и обучения. Для молодого человека, внутренне ориентированного на науку, особое значение приобретает также самоподготовка и самовоспитание. В то же время это исключительно сложная проблема. Вот что пишет по этому вопросу П. Л. Капица: «Нетрудно видеть, что здесь этот отбор труднее осуществляется, чем в искусстве, где это делается самой жизнью и оценка не связана с особыми организационными трудностями, так как плохие произведения писателя просто не будут читать, плохого композитора не будут слушать и т. д. Но в области науки оценку творческих достижений человека производить гораздо труднее, хотя она тоже производится общественностью, но это небольшая группа, состоящая из компетентных в данной области ученых. Поэтому для отбора творческих научных кадров приходится создавать специальную организацию, которая бы учитывала оценку специалистов в области научной работы ученого. Отбор научных работников по их творческим дарованиям является одной из самых трудных организационных проблем научной работы» [4, с. 170].

В этой связи особый интерес приобретает организация приема творческой молодежи в аспирантуру. Общеизвестно, что эта система должна обеспечивать отбор в науку наиболее способных, подготовленных и граждански зрелых людей. Существенно также, чтобы эта молодежь была ориентирована на науку.

Подавляющее число опрошенных аспирантов проявляет серьезный интерес к научной работе. При этом у 87 % аспирантов интерес к научной работе сформировался еще в процессе обучения в вузе. Этому способствует сложившаяся в этих высших учебных заведениях практика привлечения студентов к научным исследованиям по тематике ка-

федр и к участию в научных работах на общественных и хоздоговорных началах. Серьезное внимание уделяется также качеству курсовых и дипломных работ.

Одно из центральных требований к молодым людям, приходящим в современную науку, – хорошая профессиональная подготовка, показателем чего служат высокие оценки при обучении в институте. В последние годы наблюдается повышение показателей эффективности аспирантуры.

Заключение

Закрепленные Конституцией Российской Федерации и гарантированные всем укладом общественной жизни право на образование и на пользование достижениями культуры, свобода научного творчества лежат в основе организации системы подготовки научных кадров. Последняя направлена на максимальное использование интеллектуальных и творческих способностей молодежи в интересах нашего общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Возраст познания. М., 1974.
2. Пако С. Старение психических способностей человека // Основы геронтологии. М., 1960.
3. Вилкова А. В., Гузеев М. С., Кorysheva С. Е. Психология и педагогика высшей школы: подготовка научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре): учебное пособие. Краснодар, 2023.
4. Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1977.

REFERENCES

1. The Age of Cognition. Moscow, 1974. (In Russ.)
2. Paco S. Aging of Human Mental Abilities. Fundamentals of Gerontology. Moscow, 1960. (In Russ.)
3. Vilкова A. V., Guzeev M. S., Korysheva, S. E. Psychology and Pedagogy of Higher Education: Training Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel in Postgraduate Studies: A Manual. Krasnodar, 2023. (In Russ.)
4. Kapitsa P. L. Experiment. Theory. Practice. Moscow, 1977. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. В. Вилкова, доктор педагогических наук, профессор;
Я. Н. Полякова, кандидат психологических наук.

Information about the authors:

A.V. Vilкова, Doctor of Pedagogy, Professor;
Ya. N. Polyakova, Candidate of Psychology.

Статья поступила в редакцию 09.09.2025; одобрена после рецензирования 20.09.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 09.09.2025; approved after reviewing 20.09.2025; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 159.9.072

ИЗУЧЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ СТРАХОВ У ЛИЦ, НАХОДЯЩИХСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ДЛИТЕЛЬНЫЕ СРОКИ

Эльвира Викторовна Зауторова^{1, 2}

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Вологда, Россия, elvira-song@mail.ru

² Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

Аннотация. Лишение человека свободы оказывает значительное влияние на его личность. Особенно сложно приспособиться к условиям изоляции тем, кто осужден на длительные сроки, так как они лишаются привычного социального окружения. В статье рассматривается вопрос изучения особенностей проявления страхов у осужденных к длительным срокам лишения свободы. Эти страхи обусловлены неопределенностью будущего, социальной изоляцией, утратой социальных связей и профессиональных навыков, а также возможными правовыми и социальными последствиями после возвращения в общество. Изучение психологического состояния осужденных является важным аспектом пенитенциарной практики и позволяет разработать более эффективные стратегии реабилитации и ресоциализации осужденных на длительные сроки лишения свободы.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, осужденные, страхи осужденных, длительные сроки лишения свободы.

Для цитирования: Зауторова Э. В. Изучение особенностей проявления страхов у лиц, находящихся в местах лишения свободы длительные сроки // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1. (111). С. 173–179.

Original article

STUDYING THE FEATURES OF FEAR MANIFESTATIONS IN LONG-TERM PRISONERS

Elvira V. Zautorova^{1, 2}

¹ Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vologda, Russia, elvira-song@mail.ru

² Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

Abstract. The deprivation of a person's liberty has a significant impact on his personality. It is especially difficult for those who have been sentenced to long terms to adapt to isolation conditions, as they are deprived of their usual social environment. The article examines the issue of studying the peculiarities of fear manifestation in those sentenced to long terms of imprisonment. These fears are caused by the uncertainty of the future, social isolation, loss of social connections and professional skills, as well as possible legal and social consequences after returning to society. Studying the psychological state of convicts is an important aspect of penitentiary practice and makes it possible to develop more effective strategies for the rehabilitation and re-socialization of long-term prisoners.

Keywords: penal system, correctional institutions, convicts, fears of convicts, long-term imprisonment.

For citation: Zautorova E. V. Studying the features of fear manifestations in long-term prisoners // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 173–179. (In Russ.)

© Зауторова Э. В., 2026

Введение

Лишение человека свободы оказывает значительное влияние на его личность. Особенно сложно приспособиться к условиям изоляции тем, кто осужден на длительные сроки, так как они лишаются привычного социального окружения. Они теряют возможность реализовывать свои потребности и цели в широком спектре жизненных сфер, продолжительно находятся в условиях повышенного стресса и негативного влияния тюремной среды, что отражается на социальной адаптации осужденных и возможности вернуться к нормальной жизни после освобождения [1; 2; 3].

Длительные сроки лишения свободы – это вид уголовного наказания, который предусматривает лишение свободы на срок более 5 лет. В России длительными считаются сроки от 5 до 15 лет, а также сроки, превышающие 15 лет. Так, за последнее время количество осужденных на длительные сроки лишения свободы от 5 до 10 лет насчитывало около 130 тыс. человек, от 10 до 15 лет – около 56 тыс., от 15 до 20 лет – более 17 тыс., от 25 до 30 лет – более 300 осужденных, находящихся в исправительных учреждениях¹.

В научной литературе описываются социально-психологические особенности осужденных к длительным срокам лишения свободы. Ученые отмечают такие, как развитие специфических форм адаптации к условиям заключения (формирование новых социальных групп, развитие собственных норм и ценностей, появление специфического жаргона и поведения и др.), повышенный риск развития психических расстройств (депрессия, тревожные расстройства, психосоматические заболевания, посттравматическое стрессовое расстройство и др.), трудности с ресоциализацией после освобождения (потеря социальных навыков, трудности с поиском работы, разрыв социальных связей и др.) и т. д. [4; 5; 6].

Осужденные к длительным срокам лишения свободы сталкиваются с уникальными социально-психологическими проблемами, которые формируются под влиянием длительной изоляции от общества, ограничения свободы, постоянного контроля и специфики тюремной среды. Нами выдвинута гипотеза: осужденные, отбывающие длительные сроки лишения свободы, более подвержены страхам и тревогам, чем осужденные, которые лишены свободы на срок до 5 лет, что выражается в обострении переживаний, связанных с перспективами дальнейшего жизненного пути.

Наиболее типичными эмоциональными состояниями, присущими всем лишенным свободы, независимо от времени проявления, являются состояния ожидания, надежды или безнадежности, тоски, скуки и апатии, отчаяния. В частности, пристального внимания заслуживает проблема проявления страхов, которые могут существенно влиять на поведение и адаптацию осужденных в условиях изоляции [7; 8; 9; 10; 11].

Страхи осужденных – это специфические эмоциональные переживания лиц, лишенных свободы, связанные с их положением в условиях изоляции и предстоящими трудностями после освобождения [12; 13; 14; 15]. Эти страхи обусловлены неопределенностью будущего, социальной изоляцией, утратой социальных связей и профессиональных навыков, а также возможными правовыми и социальными последствиями после возвращения в общество.

Феномен страха изучали отечественные и зарубежные исследователи. Так, Дж. Бек, Дж. Бирж, Дж. Вольпе, Г. В. Залевский, А. Раш, А. Эллис, Дж. Эмери и другие являются представителями когнитивно-поведенческого подхода в изучении страхов, это обуславливает его фокусом на изменении негативных когниций и избегающего поведения [16; 17; 18]. Исследования психопатологии в тюремной среде, проводимые М. В. Гордоном, А. Ф. Коломейцевым,

¹ Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний. Статистические данные. Характеристика лиц, содержащихся в исправительных колониях для взрослых. URL: <https://web.archive.org/web/20221217184624/https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 14.06.2025)

А. В. Неверовым, В. И. Семеновым и другими, не достаточно глубоко рассматривают феномен страхов у лиц, лишенных свободы. При этом нельзя не отметить вклад таких исследователей-пенитенциариев, как Ю. А. Алферов [19], изучавший психологические аспекты адаптации осужденных, и Д. В. Сочивко [20], исследовавший проблемы виктимизации в местах лишения свободы, которые косвенно затрагивают тему страхов осужденных [1].

С целью изучения проявления страхов у осужденных к длительным срокам лишения свободы нами было проведено исследование на базе исправительных учреждений строго и общего режима УФСИН России по Вологодской области. Выборку составили 60 осужденных мужского пола, которые были разделены на две группы: группа 1 – осужденные к длительным срокам лишения свободы (30 чел.); группа 2 – осужденные на срок лишения свободы до 5 лет (30 чел.).

Формирование групп происходило с помощью изучения личных дел осужденных, все личные дела были расформированы по сроку отбывания наказания (находящиеся на начальном этапе отбывания наказания, отбывшие не более 20 % своего срока), виду образования, возрасту, наличию/отсутствию семьи. Таким образом, группы уравновешены по следую-

щим признакам: образовательный – среднее профессиональное образование; возрастной – 21–50 лет; отсутствие семьи и детей. Можно предположить, что среднее образование может как усиливать, так и ослаблять социальные страхи, в зависимости от степени его влияния на самооценку и уверенность в себе. Возраст 21–50 лет – это период сформированной личности, и ранние травмы или длительная изоляция могут усилить тревоги и страхи, особенно в контексте заключения. Отсутствие семьи может увеличивать риск развития или усугубления социальных страхов, так как осужденные лишаются социальной поддержки и становятся более уязвимыми к социальной изоляции и стигматизации. Важно помнить, что социофобия у осужденных не всегда связана с их криминальным прошлым и может быть следствием как личного опыта, так и условий заключения.

Методы

В ходе исследования использовались: обзорно-аналитический метод, заключающийся в теоретическом анализе научных источников по проблематике исследования; метод обобщения и сравнения, эмпирический метод, включающий методику «Опросник социальной тревоги и социофобии» (О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев)¹ и методы математической статистики и анализа: методы обработки данных:

Таблица 1

**Результаты, полученные с помощью «Опросника социальной тревоги и социофобии»
(О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев)**

Шкалы опросника	Количество лиц (в %) / кол-во человек		Анализ результатов и пояснения
	1 группа	2 группа	
Социальная тревога в ситуации «быть в центре внимания, под наблюдением»	36% (11 чел.)	23% (7 чел.)	Измеряет уровень тревожности, который испытывают участники, когда они находятся в положении объекта внимания, когда все смотрят на них и оценивают их поведение. Высокий балл указывает на страх оценки и негативного восприятия со стороны окружающих, что говорит о более выраженной тревоге у осужденных с длительными сроками.

¹ Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Опросник социальной тревоги и социофобии. URL: <https://psytests.org/anxiety/ostisf-run.html?ysclid=mbway138w5193207683> (дата обращения: 14.06.2025).

Постситуативные руминации и желание преодолеть тревогу в экспертных ситуациях	23% (7 чел.)	23% (7 чел.)	Отражает склонность к длительному переживанию и размышлению о тревожных моментах после конкретной стрессовой ситуации, а также мотивацию справиться с тревогой в будущем. Одинаковый показатель в обеих группах указывает на схожее внутреннее эмоциональное состояние и стремление контролировать тревогу после напряженных ситуаций.
Сдержанность в выражении эмоций из-за страха отвержения и блокирование признаков тревоги в экспертных ситуациях	23% (7 чел.)	50% (15 чел.)	Подразумевает тенденцию подавлять свои эмоциональные проявления, чтобы не вызывать отрицательную реакцию и избежать ощущений уязвимости. Высокий показатель может указывать на высокую степень настороженности осужденных с меньшими сроками лишения свободы.
Тревога при проявлении инициативы в формальных ситуациях из-за страха критики в свой адрес и потери субъективного контроля	14% (4 чел.)	4% (1 чел.)	Демонстрирует, насколько участники боятся критической оценки при попытках выступить с инициативой, а также страх утраты контроля над ситуацией. Более высокий уровень тревоги свидетельствует о большей неуверенности осужденных с длительными сроками.
Избегание непосредственного контакта при взаимодействии в субъективно экспертных ситуациях	4	0	Отражает склонность избегать прямого общения в ситуациях, связанных с экспертной оценкой, чтобы минимизировать вероятность негативных эмоциональных переживаний. Встречается лишь в группе 1 и отсутствует во второй группе.

количественный и качественный анализ, вычисление среднего значения, метод сравнения групп при помощи U-критерия Манна-Уитни.

Опросник социальной тревоги и социофобии предназначен для дифференциальной диагностики, определения доминирующего типа социальной тревоги, выраженности отдельных аспектов проявления страха оценивания в разных ситуациях. Оценка уровня тревоги позволяет контролировать развитие социальных страхов, требующих срочной психологической коррекции. Результаты тестирования по опроснику показывают уровень социальной тревоги: низкий, считающийся нормой; промежуточный, который также является вариантом нормы.

Результаты

Далее рассмотрим результаты исследования, полученные с помощью «Опросника социальной тревоги и социофобии». Данные представлены в таблице 1. Осужденные с длительными сроками лишения свободы проявляют более высокую социальную тревогу и опасения, связанные с вниманием окружающих и проявлением инициативы. В то время как те, кто отбывает менее длительные сроки, склонны сильнее сдерживать эмоции и скрывать тревогу в экспертных ситуациях. Эти различия могут отражать разные стратегии психологической адаптации к тюремной среде и социальной оценке.

Результаты статистического анализа по данным
«Опросника социальной тревоги и социофобии»

U _{кр}		U _{эмп}	Зона значимости
p≤0.01	p≤0.05		
292	338	87	Значима

Далее рассмотрим результаты, полученные с помощью U-критерия Манна-Уитни (таблица 2). Данная методика также показывает значимые различия. Группы различаются между собой, что подтверждает математический анализ данных.

Группа 1 набрала высокие баллы опросника, демонстрируя выраженную тревожность и страх в социальных ситуациях. Они испытывают сильную тревогу при мысли о публичных выступлениях, взаимодействии с незнакомыми людьми, участии в социальных мероприятиях. Часто отмечают учащенное сердцебиение, потливость, дрожь и другие физические проявления тревоги в социальных ситуациях. Они избегают социальных контактов и чувствуют себя некомфортно в больших группах людей.

Группа 2 набрала более низкие баллы опросника, что свидетельствует о менее выраженной социальной тревожности. Они могут испытывать некоторую тревогу в социальных ситуациях, но она менее интенсивная и реже препятствует их социальному взаимодействию. Осужденные этой группы менее склонны избегать социальных контактов и в целом чувствуют себя более комфортно в социальных ситуациях.

Основные различия между группами заключаются в интенсивности тревоги, количестве избегающих поведений и физических проявлениях тревоги. Осужденные к длительным срокам чаще отмечают избегающее поведение в социальных ситуациях (отказ от участия в мероприятиях или избегание контактов с людьми). Также у них чаще отмечаются физические проявления тревоги, такие как учащенное сердцебиение, потливость и дрожь.

Данные различия показывают, что длительность срока лишения свободы может быть фактором, влияющим на уровень социальной тревоги и социофобии. Осужденные к длительным срокам могут испытывать более выраженную тревогу и страх в социальных ситуациях, что может быть связано с ограничением социальных контактов, отсутствием перспективы быстрого выхода на свободу и чувством изоляции. Результаты исследования демонстрируют статистически значимые различия ($p \leq 0.01$) между группами по уровню социофобии, измеренному «Опросником социальной тревоги и социофобии» (О. А. Сагалакова, Д. В. Труевцев)¹.

Проведенное исследование подтверждает гипотезу о том, что осужденные, отбывающие наказание в виде длительных сроков лишения свободы, более подвержены социальным страхам, чем иные категории осужденных. Анализ данных, полученных с помощью «Опросника социальной тревоги и социофобии», демонстрирует, что осужденные, отбывающие длительные сроки, чаще и с более выраженной интенсивностью испытывают чрезмерное беспокойство перед взаимодействием с другими осужденными, сотрудниками учреждения, а также о страхе перед выходом на свободу и восстановлением социальных связей. Они чаще отказываются от участия в коллективных мероприятиях, избегают общения с окружающими, изолируются в своих камерах, выражают чувство безнадежности, неполноценности и отрицательное отношение к себе.

Осужденные с длительными сроками могут испытывать чрезмерные трудности с приспособлением к режимным требованиям и ограничениям пенитенциарного учреждения,

¹ Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Опросник социальной тревоги и социофобии. URL: <https://psytests.org/anxiety/ostisf-run.html?ysclid=mbway138w5193207683> (дата обращения: 14.06.2025).

что может приводить к конфликтам и нарушениям. Они могут испытывать более выраженный страх перед выходом на свободу и попыткой заново адаптироваться к жизни в обществе. Все эти проявления социофобии увеличивают риск рецидива и негативно влияют на психологическое состояние осужденных.

Заключение

Таким образом, исследование подтверждает выдвинутую гипотезу о более высокой уязвимости осужденных к длительным срокам лишения свободы к страхам и тревогам. Изучение психологическо-

го состояния осужденных является важным аспектом пенитенциарной практики, так как понимание эмоциональных и социальных переживаний лиц, лишенных свободы, позволяет более эффективно осуществлять поиск различных стратегий реабилитации и ресоциализации лиц данной категории. Полученные данные подчеркивают необходимость разработки специальных программ психологической помощи для этой категории осужденных, направленных на преодоление социальных страхов и улучшение их психологического благополучия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акуленко С. С. Реализация целей наказания при длительных сроках лишения свободы: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 25 с.
2. Бойко В. В. Энергия эмоций. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2004. 474 с.
3. Водопьянова Н. Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
4. Быстрова Т. В. Психологическая характеристика содержания жизнестойкости у осужденных с длительными сроками отбывания наказания // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 83–86.
5. Сухарева Н. В. Тревожность, тревога, страх: соотношение понятий // Теория и практика современной науки. 2018. №5 (35). С. 14–19.
6. Сухов А. Н. Социально-психологические явления в среде осужденных. Рязань: РВШ МВД СССР, 1987. 63 с.
7. Дорофеева Г. А. Страхи: определение, виды, причины // Известия ЮФУ. Технические науки. 2002. № 5. С. 13–15.
8. Заворуева А. С. Психологические и социально-философские аспекты феноменов тревоги и страха (от Фрейда до Мадди) // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2007. № 2-3. С. 101–111.
9. Ковпак Д. В. Страхи, тревоги, фобии... Как от них избавиться? СПб.: Наука и техника, 2012. 288 с.
10. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. М.: Ось-89, 2001. 702 с.
11. Чигринцев Е. А. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: вопросы многоаспектности термина // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 4-2. С. 64–69.
12. Леонова А. А. Проблемы социальной адаптации лиц, ранее отбывших уголовное наказание, и способы их решения // Молодой ученый. 2021. № 19 (361). С. 211–213.
13. Лихи Р. Свобода от тревоги. Справься с тревогой, пока она не расправилась с тобой. СПб.: Питер, 2018. 400 с.
14. Мандаланатц С. В. Страх как стимул для развития мыслительной деятельности человека // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 12. С. 21–22.
15. Чайка Д. С. Страхи в современном обществе: обзор литературы // Инновационная наука. 2023. № 1-1. С. 9–11.
16. Акопян Л. С. Новый подход к классификации страхов // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 4-6. С. 32–22.
17. Мэй Р. Смысл тревоги. М.: Класс, 2001. 384 с.
18. Харитонов С. В. Руководство по когнитивно-поведенческой терапии. М.: Психотерапия, 2017. 176 с.
19. Алферов Ю. А., Петков В. П., Соловьев В. П. Социальная адаптация освобожденных из мест лишения свободы. Домодедово: РИПК работников МВД России, 1992. 70 с.
20. Сочивко Д. В. Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности: дис. ... докт. псих. наук. М., 2003. 355 с.

REFERENCES

1. Akulenko S. S. Implementation of Punishment Goals during Long-Term Imprisonment: Abstract of Diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2004. 25 p. (In Russ.)
2. Boyko V. V. Energy of Emotions. 2nd ed., supplemented and revised. St. Petersburg: Piter, 2004. 474 p. (In Russ.)
3. Vodopyanova N. E. Psychodiagnostics of Stress. St. Petersburg: Piter, 2009. 336 p. (In Russ.)
4. Bystrova T. V. Psychological characteristics of the content of resilience in convicts serving long term sentences // Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. No. 2 (30). P. 83–86. (In Russ.)
5. Sukhareva N. V. Anxiety, worry, fear: The relationship between concepts // Theory and practice of modern science. 2018. No. 5 (35). P. 14–19. (In Russ.)
6. Sukhov A. N. Social and psychological phenomena among convicts. Ryazan: Ryazan Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1987. 63 p. (In Russ.)
7. Dorofeeva G. A. Fears: definition, types, causes // Bulletin of the Southern Federal University. Technical sciences. 2002. No. 5. P. 13–15. (In Russ.)
8. Zavorueva A. S. Psychological and socio-philosophical aspects of the phenomena of anxiety and fear (from Freud to muddy) // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism. 2007. No. 2-3. P. 101–111. (In Russ.)
9. Kovpak D. V. Fears, anxiety, phobias... How to get rid of them? St. Petersburg: Science and technology, 2012. 288 p. (In Russ.)
10. Pirozhkov V. F. Criminal psychology. Moscow: Os-89, 2001. 702 p. (In Russ.)
11. Chigrinets E. A. Resocialization of persons sentenced to imprisonment: The multifaceted nature of the term // Scientific review. Pedagogical sciences. 2019. No. 4-2. P. 64–69. (In Russ.)
12. Leonova A. A. Problems of social adaptation of persons who have served their criminal sentences early and ways to solve them // Young scientist. 2021. No. 19 (361). P. 211–213. (In Russ.)
13. Leahy R. Freedom from anxiety. Cope with anxiety before it copes with you. St. Petersburg: Piter, 2018. 400 p. (In Russ.)
14. Mandalanats S. V. Fear as a stimulus for the development of human mental activity // Actual problems of pedagogy and psychology. 2022. No. 12. P. 21–22. (In Russ.)
15. Chaika D. S. Fears in modern society: A literature review // Innovative science. 2023. No. 1-1. P. 9–11. (In Russ.)
16. Akopyan L. S. A New approach to the classification of fears // Bulletin of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 4–6. P. 32–22. (In Russ.)
17. May R. The meaning of anxiety. Moscow: Klass, 2001. 384 p. (In Russ.)
18. Kharitonov S. V. Handbook of cognitive-behavioral therapy. Moscow: Psychotherapy, 2017. 176 p. (In Russ.)
19. Alferov Yu. A., Petkov V. P., Soloviev V. P. Social adaptation of persons released from places of deprivation of liberty. Domodedovo: RIPK of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1992. 70 p. (In Russ.)
20. Sochivko D. V. Psychodynamics of personality in extreme life conditions: Diss. ... Doctor of Psychology. Moscow, 2003. 355 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

Э. В. Завторова, доктор педагогических наук, профессор.

Information about the author:

E. V. Zautorova, Doctor of Pedagogy, Professor.

Статья поступила в редакцию 06.10.2025; одобрена после рецензирования 20.10.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 06.10.2025; approved after reviewing 20.10.2025; accepted for publication 19.03.2026.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ВИРТУАЛЬНОЙ И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Эльвира Дамировна Нугаева¹, Татьяна Владимировна Сезонова²

¹ Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия

² Орловский юридический институт МВД России им. В. В. Лукьянова, Орел, Россия

¹ elvira.nugaeva.76@mail.ru, ² setav2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы подготовки специалистов в ведомственных учебных заведениях МВД России в условиях современных вызовов и задач, стоящих перед Министерством. Подчеркивается необходимость формирования кадрового резерва, обладающего как теоретическими знаниями, так и практическими навыками, а также адаптации сотрудников к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям. Обосновывается потребность в перестройке системы подготовки и переподготовки полицейских с использованием инновационных педагогических и цифровых технологий, включая персонализацию обучения и создание иммерсивной образовательной среды. Особое внимание уделяется применению VR/AR-технологий и искусственного интеллекта для формирования профессиональных компетенций будущих юристов. Приводятся примеры успешного использования VR-тренажеров и киберполигонов в различных ведомственных вузах МВД России.

Ключевые слова: образовательные процесс, иммерсивная среда, технологии виртуальной и дополненной реальности.

Для цитирования: Нугаева Э. Д., Сезонова Т. В. Применение технологий виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе образовательных организаций МВД России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 180–188.

Original article

APPLICATION OF VIRTUAL AND AUGMENTED REALITY TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Elvira D. Nugaeva¹, Tatyana V. Sezonova²

¹ Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia

² Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal of Russia, Orel, Russia

¹ elvira.nugaeva.76@mail.ru, ² setav2010@yandex.ru

Abstract. The article discusses the issues of training specialists in departmental educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the context of modern challenges and tasks facing the Ministry. The necessity of forming a personnel reserve with both theoretical knowledge and practical skills, as well as adapting employees to changing socio-economic and political conditions is emphasized. The article substantiates the need to restructure the system of training and retraining of police officers using innovative pedagogical and digital technologies, including the personalization of training and the creation of an immersive educational environment. Special attention is paid to the use of VR/AR technologies and artificial intelligence for the formation of professional competencies of future lawyers. Examples of successful use of VR simulators and cyber polygons in various departmental universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia are given.

Keywords: educational process, immersive environment, virtual and augmented reality technologies.

For citation: Nugaeva E. D., Sezonova T. V. Application of virtual and augmented reality technologies in the educational process of higher educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 180–188. (In Russ.)

Введение

Подготовка специалистов в ведомственных учебных заведениях системы МВД России – это в первую очередь необходимость специализации обучения с учетом решаемых Министерством задач, которые в силу специфики изменения общества ежегодно усложняются. На сегодняшний день актуальной задачей для органов внутренних дел остается формирование кадрового резерва из профессионалов, которые не только хорошо знают теорию, но и владеют практическими навыками, необходимыми для реагирования на любые ситуации – от повседневных до чрезвычайных. В современных социально-экономических условиях остро встает проблема подготовки и повышения квалификации руководящих сотрудников, личного состава правоохранительных органов, их адаптации к новым экономическим и политическим условиям жизни общества. В этой связи требования к компетенции выпускника высшего учебного заведения системы МВД России постоянно усиливаются.

В наше время недостаточно быть просто специалистом с высшим образованием. Для достижения успеха необходимы принципиально новый образ мышления, иное восприятие жизни,кратно возросшая эффективность, развитые навыки самостоятельного обучения, осознанность, ответственность, умение использовать собственные проверенные стратегии и перенимать успешный опыт у других [1, с. 7].

Сотрудники образовательных организаций системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, участвующие в реализации программы подготовки кадров, несут ответственность за обеспечение непрерывного профессионального развития личного состава органов внутренних дел, его способности и готовности к эффективному выполнению задач в сфере правоох-

ранительной деятельности и правового регулирования отношений с населением [2, с. 16]. Традиционная организация образовательного процесса в условиях современной действительности оказывается малоэффективной. Как отмечает Е. Г. Капустина, «традиционные методы преподавания, такие как меловая доска и указка, уже не помогают в освоении знаний: зачитывание лекции утомляет слушателей, а однотипность информации и отсутствие визуализации тормозят усвоение знаний обучающимися» [3, с. 201].

Текущая ситуация в стране обуславливает необходимость перестройки системы подготовки и переподготовки сотрудников полиции. Это требует разработки принципиально новых подходов к организации учебного процесса, его содержанию, а также к применяемым формам и методам обучения. Для эффективного повышения квалификации сотрудников МВД требуется разработать новые подходы и практические механизмы, позволяющие внедрять передовые технологии в образовательный процесс, опираясь на существующий положительный опыт в этой области [4, с. 201].

Методы

В рамках исследования применялись общенаучные и частнонаучные методы познания. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты, регламентирующие образовательную деятельность, и научные труды ученых, посвященные изучению организационных и практических основ внедрения и активного использования технологий виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе.

Результаты

Для решения указанной проблемы активно используется персонализация обучения, направленная на обеспечение достижения каждым обучающимся высоких результатов. Процесс обучения должен быть направлен

не только на получение знаний, но и на формирование ключевых компетенций: способности к самообучению, умения фильтровать и оценивать информацию, определять актуальность знаний и навыков, а также гибко адаптироваться к изменениям в профессиональной сфере. Эффективную подготовку будущих сотрудников органов внутренних дел обеспечивает использование инновационных педагогических технологий. «Инновационные методы в высшем образовании – это методы, основанные на использовании современных достижений науки и информационных технологий в образовании, направленные на развитие творческих способностей и самостоятельности обучаемых»¹.

Применение цифровых технологий – неотъемлемая часть общественной жизни, существенным образом способствующая качественным изменениям во всех значимых сферах, в том числе в сфере высшего образования. Цифровые технологии представляют собой комплекс технических решений, обеспечивающих эффективный поиск, создание, хранение, обработку и распространение информации в электронном формате с использованием компьютерной техники и сетевых ресурсов. В основе цифровой трансформации образовательных организаций лежит процесс формирования и распространения инновационных моделей работы, характеризующихся интеграцией непрерывного профессионального развития, новейших цифровых сервисов и инструментов, а также повышением уровня цифровых компетенций всех субъектов образовательной деятельности, включая обучающихся и научно-педагогических работников [5, с. 7].

Современные образовательные тенденции определяют возрастающую роль дистанционного обучения, что требует активного развития сервисов онлайн-образования,

разработки специализированного программного обеспечения для поддержки этого процесса и повышения уровня подготовки преподавательского состава к эффективной работе в дистанционном формате.

Мы разделяем мнение В. А. Вайпан, что «цифровая трансформация – это инструмент повышения качества образования, поскольку становится возможным повсеместное внедрение практико-ориентированного подхода в обучении» [6, с. 5].

В целях решения задач, определенных Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Министерством науки и высшего образования разработана и утверждена Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования². Документ определяет ключевые направления достижения «цифровой зрелости» для образовательных организаций высшего образования путем внедрения новых высокотехнологичных образовательных решений, модернизации образовательных программ.

По мнению многих авторов, с которыми мы абсолютно согласны, одним из наиболее эффективных инновационных подходов на сегодняшний день, позволяющих достигать максимального результата в обучении, является создание иммерсивной образовательной среды [7, с. 20]. Как указывают Б. А. Швырев и Ю. Ю. Тищенко, «иммерсивная образовательная среда – это новая форма обучения, вовлекающая обучающегося в образовательный процесс, имитирующий реальные ситуационные условия, организованный так, что обучающийся является важным элементом динамического нелинейного образовательного процесса» [8, с. 30]. Она позволяет реализовать принцип интерактивного обучения с нелинейным сценарием об-

¹ О новых критериях показателя государственной аккредитации высших учебных заведений: Письмо Рособрназора от 17 апреля 2006 г. № 02-55-77ин/ак. Доступ из информационно-правового портала «Гарант.ру».

² О стратегическом направлении в области цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 5 июля 2025 г. № 1805-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

учения и вовлеченностью в процесс педагога и обучающегося с использованием информационных технологий. Применение управляемых имитаторов в образовательном процессе выводит его на новый уровень формирования профессиональных компетенций. Как свидетельствует практика, большим потенциалом обладает реализация иммерсионного обучения при освоении прикладных учебных дисциплин, повышении квалификации специалистов [9, с. 17]. Применение управляемых имитаторов для формирования иммерсионной образовательной среды позволяет обучающемуся получить практические навыки работы в реальных условиях, сформировать устойчивые профессиональные алгоритмы принятия решений, получить психологическую подготовку к принятию решений в сложных практических задачах и сформировать готовность к самостоятельным профессиональным действиям.

Иммерсивные технологии, такие как Virtual reality (виртуальная реальность, далее – VR), Augmented reality (дополненная реальность, далее – AR) и смешанная реальность (MR), наряду с технологиями искусственного интеллекта (ИИ), становятся все более популярными в сфере образования, в том числе и при подготовке будущих юристов [10, с. 50]. В Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности» указанные технологии относятся к основным сквозным цифровыми технологиями и позиционируются как «ключ к принципиально новому уровню взаимодействия человека с цифровым миром»¹. Это связано с тем, что именно аудиовизуальный ряд имеет колоссальное значение для восприятия информации при осуществлении процесса доказывания, исследовании материалов уголовного дела, а также для принятия обоснованного решения.

VR-технологии – это инструменты (VR-очки, шлемы, перчатки и т. п.), позволяющие пользователям перемещаться в метавселенную – постоянно существующее виртуальное пространство, где они могут взаимодействовать друг с другом и цифровыми объектами через свои аватары с помощью интернет-технологий. VR обеспечивает полное погружение в этот цифровой мир, заменяя собой физическую реальность.

Дополненная реальность (AR) – это технология, которая позволяет добавлять цифровые объекты к реальному миру, обогащая восприятие пользователя. Используя AR-устройства, человек может видеть, как виртуальные элементы накладываются на окружающую его физическую среду, получая возможность взаимодействовать с этими элементами и влиять на реальный мир с помощью виртуальной информации [11, с. 4]. Augmented Reality позволяет визуально дополнять физический мир информацией, существенно расширить пользовательское взаимодействие с окружающей средой.

Для обеспечения достижения ключевых целей и задач, обозначенных Стратегией цифровой трансформации, в образовательных организациях системы МВД России проводится работа по созданию и интеграции в учебный процесс рассматриваемых технологий. Рост популярности виртуальных методов в обучении обусловлен тем, что их использование, с одной стороны, увлекает обучающегося в учебный процесс и удерживает его интерес, а с другой – экономит материальную базу и делает обучение безопасным.

В Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя успешно применяются VR-тренажеры для обучения сотрудников Госавтоинспекции, следственных подразделений и других специалистов. Рязанский филиал этого же университета использует оперативно-следственный тренажер «Спрут»,

¹ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности» // Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6654/> (дата обращения: 15.11. 2025).

созданный преподавателями кафедры оперативно-разыскной деятельности [12, с. 26]. В других ведомственных вузах практикуются киберполигоны, такие как проект «Киберпатруль» для тренировки специалистов по кибербезопасности, а также мобильные учебные комплексы с VR-оборудованием. Омская академия МВД России обучает работе с биометрическими данными и базами данных с помощью специализированных симуляторов, аналогов системы «Папилон» и «Розыск-Магистраль».

В Волгоградской академии МВД России активно внедряют технологию виртуальной реальности в образовательный процесс с целью повышения качества подготовки специалистов. В преподавании дисциплин криминального цикла использование VR-технологий способствует формированию и закреплению навыков применения технико-криминалистических средств в условиях, приближенных к реальным. Например, в рамках дисциплины «Криминалистика» обучающиеся отрабатывают навыки подготовки и проведения тех следственных действий, которые сложно провести в условиях аудитории. На практических занятиях по уголовно-процессуальному праву (уголовному процессу) используются AR-технологии при проведении занятий по теме «Участники уголовного судопроизводства» для наглядного представления версий стороны обвинения и стороны защиты в судебном заседании с целью обеспечения объективности и всесторонности рассмотрения дела. Это позволяет компенсировать проведение выездного практического занятия для группы обучающихся с полной демонстрацией объективной реальности.

AR- и VR-технологии становятся все более востребованными в сфере подготовки водителей. Они дают возможность смоделировать на цифровом экране различные объекты и ситуации, исключая риски для жизни. С их помощью можно изучать теоретические основы вождения, правила дорожного движения и, что немаловажно, обеспечивать психологическую подготовку будущего водителя.

Обучение с использованием цифровых цветных изображений вызывает больший интерес у обучающихся, так как человек преимущественно воспринимает информацию визуально. Наблюдение за динамичными действиями и работа с красочными объектами гораздо эффективнее привлекают внимание, чем традиционные методы обучения, такие как пассивное прослушивание лекций и заучивание конспектов.

Анализ приведенной выше информации позволяет указать на проблемы, с которыми придется столкнуться при использовании технологий виртуальной и дополненной реальности в профессиональном образовании будущих юристов. Одной из ключевых проблем, по нашему мнению, является медленное внедрение технологий в цифровую деятельность вузов, и как следствие, неодинаковая степень доступа к цифровым сервисам. Наличие образовательного неравенства подтверждается данными исследователей. Например, 82,4 % обучающихся столичных образовательных организаций высшего образования посещали видеолекции, в то время, как в регионах такая возможность была только у 40,3 % студентов [13, с. 58].

Реализация иммерсивных технологий требует значительных финансовых затрат, связанных с необходимостью оснащения образовательных организаций бесперебойным защищенным доступом к облачной платформе и обучения сотрудников, которые будут создавать объекты дополненной и виртуальной реальности, что обычно останавливает вузы от их массового использования. Как один из путей решения проблемы – устанавливать стратегическое партнерство с производителями программного обеспечения, приглашая их к непосредственному участию в проекте.

В Уфимском юридическом институте МВД России при проведении практических занятий по отдельным дисциплинам кафедры криминалистики активно используется программное обеспечение, разработанное и запатентованное коллективом кафедры. За последние четыре года кафедрой запатентовано 12 программ ЭВМ, две из которых в

2022 и в 2024 г. признаны положительным опытом в ОВД Российской Федерации.

Программа для ЭВМ «BIOSCAN – Интеллектуальная система распознавания биометрических данных на основе машинного обучения (ML), компьютерного зрения (CV) и искусственного интеллекта (AI)»¹ представляет собой систему регистрации и идентификации образов на основе сформированных датасетов в виде фотоизображений с возможностью переобучения на пользовательских данных и предназначена для распознавания различных видов биометрических данных (фотоизображения, видео- и голосовые данные, отпечатки пальцев, радужная оболочка глаза). Программа может использоваться в области обеспечения безопасности (на контрольно-пропускных пунктах предприятий, в общественных местах (улицы, помещения общего пользования и пр.), в аэропортах, на вокзалах, в торговых центрах); в области медицины и здравоохранения (распознавание патологий тканей человека и пр.); в банковской сфере (аутентификация клиентов) и образовании (идентификация обучающихся в дистанционной форме). Кроме того, при условии формирования распределенной базы данных (хранилища) для вводимых систем пообъектно возможна реализация системы цифрового социального контроля населения с целью своевременного выявления правонарушений.

Программа используется при проведении учебных занятий с обучающимися очной формы обучения по специальностям 40.05.01 Правовое обеспечение национальной безопасности, 40.05.02 Правоохранительная деятельность в рамках дисциплины «Криминалистика». Использование программы в образовательном процессе позволяет обучающимся овладеть навыками: установления

тождества объекта или личности по совокупности идентификационных признаков в рамках проведения практических занятий; выявления совокупности идентификационных признаков по фотоизображениям злоумышленника; формирования датасетов в виде базы данных преступников с возможностью переобучения на пользовательских данных; использования методов и средств информатики и вычислительной техники в криминалистике; применения современных технологий распознавания личности и расширения кругозора будущих специалистов; использования в процессе обучения технологий программного обеспечения на основе машинного обучения (ML), компьютерного зрения (CV) и искусственного интеллекта (AI); использования аналогичных программ на основе нейросетей в целях распознавания личности по голосовым данным, отпечаткам пальцев, радужной оболочке глаза и пр., что позволяет наиболее эффективно подойти к вопросу раскрытия и расследования преступлений, а также проведения различных судебных экспертиз.

Программа «Цифровой двойник киберпреступления – цифровая криминалистическая модель преступления в сфере компьютерной информации [Cybercrime DT Model (AI)]»² представляет собой программное технико-криминалистическое средство, позволяющее на основе введенных пользователем признаков совершенного преступления в сфере компьютерной информации формировать наиболее соответствующий ему алгоритм расследования и прогноз раскрытия с интерпретацией принимаемых нейросетевой моделью решений.

Программа интерпретируется в виде цифровой криминалистической модели преступного деяния с отображением корреляционных связей более чем 30 разнородным

¹ Харисова З. И., Нугаева Э. Д. BIOSCAN – интеллектуальная система распознавания биометрических данных на основе машинного обучения (ML), компьютерного зрения (CV) и искусственного интеллекта (AI): свидетельство о регистрации программы для ЭВМ RU 2023667481.

² Харисова З. И. Цифровой двойник киберпреступления – цифровая криминалистическая модель преступления в сфере компьютерной информации [Cybercrime DT Model (AI)]: свидетельство о регистрации программы для ЭВМ № 2025680704.

признакам и может быть использована в учебных и научно-исследовательских целях, например при изучении дисциплин «Расследование преступлений в сфере компьютерной информации», «Компьютерная криминалистика», «Практикум по проведению отдельных следственных действий по преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», а также специалистами в области цифровой криминалистики.

Данный инициативный проект позволил реализовать практико-ориентированные занятия, направленные на реализацию базовых навыков противодействия киберпреступности, расследования и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, путем задействования технологии искусственного интеллекта.

Методика проведения занятий с использованием программного технико-криминалистического средства в виде интерактивной формы организации образовательной деятельности позволяет повысить эффективность усвоения сложного материала, связанного с особенностями расследования одних из наиболее распространенных в настоящее время и латентных преступных деяний, совершаемых в сфере компьютерной информации.

Активное использование иммерсивных технологий оказывает существенное влияние на образовательный процесс, расширяя границы когнитивного и познавательного развития личности, а также предоставляя обучающимся доступ к обширным информационным ресурсам и передовым методам их анализа и усвое-

ния. Следует отметить, что в настоящее время большинство преподавателей испытывают дефицит необходимых знаний и навыков для эффективной работы в цифровой образовательной среде. Кроме того, внедрение цифровых технологий зачастую происходит без надлежащего дидактического обоснования и психолого-педагогического анализа, что снижает его эффективность. В этой связи, как отмечает Ю. В. Шаронин в современном образовании появляется новое направление, smart-дидактики, которое позволяет реализовать «адресную», целевую подготовку кадров [14, с. 94]. Психологам необходимо изучить возможные психофизиологические и физиологические реакции обучающегося в процессе его погружения в иммерсионную среду и предложить методические рекомендации по работе с виртуальной и дополненной реальностью.

Внедрение информационных технологий в образовательный процесс в сфере юриспруденции невозможно без существенной модернизации государственных образовательных стандартов, разработки современных учебных программ, отвечающих новым требованиям, и организации системы непрерывного мониторинга за их эффективной реализацией.

Заключение

Таким образом, создание иммерсионной образовательной среды с применением управляемых имитаторов в образовательном процессе позволяет существенно повысить эффективность обучения и сформировать у обучающихся, получающих юридическое образование, необходимые профессиональные компетенции, востребованные в практической деятельности [15, с. 98].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ратова И. В., Мовчан А. В. Использование современных образовательных технологий в системе дополнительного профессионального образования: учебно-методическое пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2016. 60 с.
2. Ершова И. В., Тарасенко О. А. Цифровое преобразование подготовки юристов: от программной модели к практике реализации // Юридическое образование и наука. 2019. № 3. С. 16–21.
3. Капустина Е. Г. Новые подходы к обучению начинающих водителей как детерминанты снижения рисков дорожно-транспортных происшествий // Безопасность дорожного движения. 2024. № 4. С. 201–203.

4. Лукинский И. С. Опыт зарубежных стран по использованию систем виртуальной реальности в раскрытии и расследовании преступлений // Международное уголовное право и международная юстиция. 2024. № 1. С. 28–31.
5. Вайпан В. А. Информационные технологии в юридической деятельности: правовая информатика в цифровую эпоху // Право и экономика. 2023. № 9. С. 5–20.
6. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5–27.
7. Баракина Е. Ю., Таирова В. Р. Иммерсивные технологии: этические принципы и право // Мировой судья. 2025. № 4. С. 20–25.
8. Швырев Б. А., Тищенко Ю. Ю. Кибератаки: иммерсионная образовательная среда и ее формирование // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 1. С. 30–33.
9. Голоскоков Л. В. Технологии и следствие // Российский следователь. 2020. № 4. С. 16–19.
10. Чурикова А. Ю. Технология дополненной реальности в уголовном судопроизводстве // Законность. 2024. № 9. С. 50–56.
11. Блохин Б. М. Иммерсивные симуляционные технологии обучения практикующих врачей навыкам сердечно-легочной реанимации детям // Вестник терапевта. 2018. № 7 (31). С. 4–11.
12. Исаков Р. В. Использование оперативно-следственного тренажера «Спрут» в образовательном процессе Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя // Педагогика и психология. 2025. № 2 (9). С. 26–30.
13. Юркевич М. А. Цифровое уголовное судопроизводство: какой процесс нас ждет в ближайшем будущем, и о чем нельзя забывать в погоне за всеобщей диджитализацией // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10, № 5-1. С. 58–59.
14. Шаронин Ю. В. Цифровые технологии в высшем и профессиональном образовании: от личностно ориентированной smart-дидактики к блокчейну в целевой подготовке специалистов // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 1. С. 94–99.
15. Кирилловых А. А. Цифровая трансформация отрасли науки и высшего образования и научно-технологическое развитие Российской Федерации: проблемы и основные направления // Управление наукой: теория и практика. 2025. Том 7, № 3. С. 98–109.

REFERENCES

1. Ratova I. V., Movchan A. V. Use of modern educational technologies in the system of continuing professional education: a study guide. Domodedovo: Institute of advanced training of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 60 p. (In Russ.)
2. Ershova I. V., Tarasenko O. A. Digital transformation of lawyer training: from a software model to implementation practice // Legal education and science. 2019. No. 3. P. 16–21. (In Russ.)
3. Kapustina E. G. New approaches to training novice drivers as determinants of reducing the risks of road accidents // Road safety. 2024. No. 4. P. 201–203. (In Russ.)
4. Lukinsky I. S. Experience of Foreign Countries in Using Virtual Reality Systems in Solving and Investigating Crimes // International Criminal Law and International Justice. 2024. No. 1. P. 28–31. (In Russ.)
5. Vaypan V. A. Information technologies in legal activity: legal informatics in the digital age // Law and economics. 2023. No. 9. P. 5–20. (In Russ.)
6. Vaypan V. A. Digital law: origins, concept, and place in the legal system // Law and economics. 2024. No. 1. P. 5–27. (In Russ.)
7. Barakina E. Yu., Tairova V. R. Immersive technologies: ethical principles and law // Magistrate. 2025. No. 4. P. 20–25. (In Russ.)
8. Shvyrev B. A., Tishchenko Yu. Yu. Cyberattacks: Immersion educational environment and its formation // Penal system: law, economics, management. 2024. No. 1. P. 30–33. (In Russ.)
9. Goloskokov L. V. Technologies and investigation // Russian investigator. 2020. No. 4. P. 16–19. (In Russ.)
10. Churikova A. Yu. Augmented reality technology in criminal proceedings // Legality. 2024. No. 9. P. 50–56. (In Russ.)
11. Blokhin B. M. Immersive simulation technologies for teaching practicing physicians cardiopulmonary resuscitation skills for children // Therapist bulletin. 2018. No. 7 (31). P. 4–11. (In Russ.)

12. Isakov R. V. Use of the operational-investigative simulator “Octopus” in the educational process of the Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot // Pedagogy and psychology. 2025. No. 2 (9). P. 26–30. (In Russ.)

13. Yurkevich M. A. Digital criminal proceedings: what process awaits us in the near future, and what should not be forgotten in the pursuit of universal digitalization // Issues of Russian and International Law. 2020. Vol. 10, no. 5-1. P. 58–59. (In Russ.)

14. Sharonin Yu. V. Digital technologies in higher and professional education: from student-oriented smart didactics to blockchain in targeted training of specialists // Modern problems of science and education. 2019. No. 1. P. 94–99. (In Russ.)

15. Kirillov A. A. Digital transformation of the science and higher education sector and scientific and technological development of the Russian Federation: problems and main directions // Science management: theory and practice. 2025. Vol. 7, no. 3. P. 98–109. (In Russ.)

Информация об авторах:

Э. Д. Нугаева, кандидат юридических наук, доцент;
Т. В. Сезонова, кандидат педагогических наук.

Information about the authors:

E. D. Nugayeva, Candidate of Law, Associate Professor;
T. V. Sezonova, Candidate of Pedagogy.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 19.03.2026.

Научная статья
УДК 378.046.4

КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД ПРИ ПОВЫШЕНИИ КВАЛИФИКАЦИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ОБРАЗОВАНИЯ

Светлана Александровна Фадеева¹, Дмитрий Владимирович Лукашенко²

^{1,2} Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия

¹ fadeeva1607@gmail.com, ² dim-mail-ru@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0002-9814-575, ² ORCID: 0000-0002-0045-6062

Аннотация. Статья раскрывает сущность современной модели обучения при подготовке специалистов, работающих в системе общего и дополнительного образования; делается акцент на организационно-методической поддержке деятельности центров дополнительного образования «Школа полного дня», создаваемых на базе образовательных организаций общего образования (в рамках реализации национального проекта «Образование»). Целью исследования является актуализация кластерного подхода при повышении квалификации специалистов образования. Авторы обращают внимание на необходимость дифференциации и смешанных форматов обучения для максимального охвата специалистов школ полного дня исходя из их направленности и опыта работы. Своевременность данной модели обучения обусловлена дефицитностью педагогов технической направленности для работы с детьми, а также возможностью дистанционных форм повышения квалификации педагогических и руководящих работников системы образования.

Делается вывод о структурно-содержательном потенциале новых программ обучения взрослых при сохранении кластеризации учебных модулей и форм (на примере конкретной дополнительной профессиональной программы повышения квалификации педагогов и руководителей).

Ключевые слова: обучение взрослых, повышение квалификации педагогов, модель обучения, школа полного дня, кластеризация учебных модулей.

Для цитирования: Фадеева С. А., Лукашенко Д. В. Кластерный подход при повышении квалификации специалистов образования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2026. № 1 (111). С. 189–195.

Original article

CLUSTER APPROACH TO ADVANCED TRAINING OF EDUCATION SPECIALISTS

Svetlana A. Fadeeva¹, Dmitry V. Lukashenko²

^{1,2} Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russia

¹ fadeeva1607@gmail.com, ² dim-mail-ru@mail.ru

¹ ORCID: 0000-0002-9814-575, ² ORCID: 0000-0002-0045-6062

Abstract. The article reveals the essence of the modern model of training specialists working in the system of general and additional education. It focuses on the organizational and methodological support for the activities of full-day school centers of additional education, created on the basis of general education organizations (as part of the implementation of the national project “Education”). The aim of the study is to update the cluster approach to advanced training of education specialists. The authors draw attention to the need for differentiation and blended learning formats to maximize the involvement of full-day school specialists based

on their specialization and work experience. The timeliness of this training model is due to the shortage of technically oriented teachers to work with children, as well as the possibility of distance learning for teachers and managers in the education system.

A conclusion is made about the structural and substantive potential of new adult education programs while maintaining the clustering of educational modules and forms (using the example of a specific additional professional program for advanced training of teachers and managers).

Keywords: adult education, teacher training, teaching model, full-day school, clustering of training modules.

For citation: Fadeeva S. A., Lukashenko D. V. Cluster approach to advanced training of education specialists // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2026. No. 1 (111). P. 189–195. (In Russ.)

Введение

В настоящее время все более актуальными представляются проблемы обучения взрослых разных специальностей и категорий работников. Эти проблемы связаны с самыми разными причинами: дефицитом кадров, многообразием и степенью качества предложений на рынке образования взрослых, развитием онлайн обучающих форматов и трудностей их выбора, выявлением полезности и практической применимости контента курсовой подготовки и пр. Целые отрасли и крупные организации успешно развивают корпоративное обучение, тогда повышение квалификации происходит внутри самой организации согласно конкретным запросам и профессиональным дефицитам ее сотрудников. Такое обучение построено на разнообразии адресных форм, которые направлены прежде всего на развитие персонала и достижение целей организации. Вопросы профессионального образования и образования взрослых неоднократно рассматривались в научных работах известных ученых С. Г. Вершловского, М. Т. Громковой, Е. М. Дорожкина, В. И. Змеёва, Э. Ф. Зеер [1; 2; 3; 4] и многих других исследователей. Сегодня обучение взрослых стало являть «пеструю картину из всевозможных образовательных услуг и учебных предложений, курсов разнородных форматов и направлений, многообразных развивающих активностей» [5; 6; 7].

Сама сфера образования также имеет разветвленную сеть институций, которые

призваны поддерживать должный уровень компетенций педагогических и руководящих работников, отвечающий социальным запросам и современным нормативным требованиям (институты развития образования, методические и учебные центры; факультеты дополнительного профессионального образования педагогических вузов; центры непрерывного образования и пр.). Поиск новых форматов повышения квалификации педагогов и руководителей образовательных организаций идет полным ходом, появляется все больше и больше вариантов курсовой подготовки и предложений в сфере образования состоявшихся профессионалов; создаются и внедряются обучающие методики, основанные на освоении актуального опыта, знаний и навыков, необходимых в профессии.

Результаты

Настоящий материал представляет модель обучения специалистов, работающих в школах полного дня; данная модель была впервые апробирована при реализации дополнительной профессиональной программы по теме «Организация деятельности Центра дополнительного образования «Школа полного дня».

В целях достижения показателей федерального проекта «Успех каждого ребенка», национального проекта «Образование» в части реализации мероприятий по созданию новых мест дополнительного образования детей принималось решение о создании на базе образовательных организаций цен-

тров дополнительного образования, которые носят название «Школа полного дня»¹. В данных центрах должны были работать специалисты, не только компетентные в той или иной направленности дополнительного образования (технической, естественно-научной, туристско-краеведческой, художественной, физкультурно-спортивной и пр.), но способные организовать и направить послеурочную коллективную деятельность детей и подростков [8; 9].

Школа полного дня позиционировалась как новый тип образовательного учреждения, где есть все условия для всестороннего развития личности, широко представлена деятельность школьников за рамками уроков. Приоритет отдавался задачам помощи каждому ученику в развитии творческих задатков и возможностей, определении будущей профессии, подготовке ко взрослой жизни [10; 11; 12]. Школа полного дня могла решать комплекс социальных и психолого-педагогических задач, усиливая взаимосвязь школы с семьей, внешкольными учреждениями, с социумом. Главное ее предназначение – обеспечить свободный выбор обучающихся по своим интересам, а также построение гибкого режима занятий, учитывающего индивидуальные особенности каждого ребенка. Это новый тип школы, открытой целый день и обеспечивающей не только максимальное раскрытие способностей ребенка, но и его всестороннее психосоциальное развитие.

В связи с этим возникла острая необходимость подготовки специалистов для организации деятельности школ полного дня и проектирования новой программы обучения, основанной на дифференциации учебных модулей согласно направле-

ниям дополнительного образования и категориям задействованных работников. Целью программы была обозначена актуализация и совершенствование профессиональных компетенций руководителей образовательных организаций и педагогов-организаторов как кураторов центров дополнительного образования «Школа полного дня». Учебная трудоемкость дисциплины составляла 72 часа, из них 54 часа – очное обучение и 18 часов – обучение в дистанционном формате; формы занятий – лекции, проблемные семинары, практикумы, выездные стажировки. Самая большая сложность состояла в одномоментном (в ходе реализации данной программы) выполнении профессиональных запросов как педагогических работников нескольких направленностей, так и руководителей школ полного дня. Так как данные школы были оснащены новым современным оборудованием, стояла задача научить педагогов владению новыми учебными средствами. Кроме того, в подготовке таких специалистов принимали участие пять кафедр института, что требовало отдельных согласований и утверждений. Поэтому была создана структурно-содержательная модель подготовки специалистов для работы в центре дополнительного образования (ЦДО) при общеобразовательной организации. Обоснованно применялся кластерный подход, что позволяло большую группу обучающихся (более 600 человек) дифференцировать на малые группы, где каждая группа (кластер) формировался на основе конкретного критерия: той или иной направленности дополнительного образования.

Содержание новой дополнительной профессиональной программы повыше-

¹ Успех каждого ребенка: паспорт федерального проекта. Приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Образование» от 7 декабря 2018 г. № 3; Образование: паспорт национального проекта: утв. Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16; Успех каждого ребенка: методические рекомендации по приобретению средств обучения и воспитания в целях создания новых мест в образовательных организациях различных типов для реализации дополнительных общеразвивающих программ всех направленностей в рамках региональных проектов, обеспечивающих достижение целей, показателей и результата Федерального проекта. Письмо Министерства просвещения России от 1 ноября 2021 г. № АБ – 1898/06 «О направлении методических рекомендаций».

ния квалификации строилось исходя из результатов проведенного мониторинга относительно профессиональных проблем и запросов. Именно он показал дефицит педагогов по направлениям робототехники, моделирования, шахмат, военной подготовки, гончарного дела, мультстудии, фотостудии; а также педагогов, готовых работать с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Также констатировались: отсутствие навыков работы с высокотехнологичным оборудованием, прежде всего, у педагогов технической, естественно-научной, художественной направленностей; недостаток компетенций в реализации дополнительных общеобразовательных программ с применением дистанционных образовательных технологий и проектировании современных форматов данных программ.

Исходя из вышеперечисленного, содержание рабочей программы, кроме учета видов деятельности педагогов, призвана была устранить выявленные недостатки. Содержание учебных модулей программы строилось на основе выявленных методических, технологических и кадровых дефицитов и представляло такую картину:

I. Сессия. Инвариантный учебный модуль: «Нормативно-правовое, программно-методическое, кадровое и организационное обеспечение ЦДО «Школа полного дня» (36 ч.) – формат веб-семинаров с подключением всех общеобразовательных организаций (всего 87), на базе которых были открыты ЦДО «Школа полного дня».

II. Сессия (дифференциация по направленностям).

1-й кластер

1. Общий учебный модуль: «Работа с высокотехнологичным оборудованием: техническая и художественная направленности дополнительного образования» (28 ч.) – очный формат.

Модули по выбору:

«Дистанционные образовательные технологии в реализации дополнительных общеобразовательных программ» (8 ч.) – очный формат.

«Особенности реализации дополнительных общеобразовательных программ для детей с ОВЗ» (8 ч.) – очный формат.

2. Общий учебный модуль: «Работа с высокотехнологичным оборудованием: естественно-научная направленность дополнительного образования» (28 ч.)

Модули по выбору:

«Дистанционные образовательные технологии в реализации дополнительных общеобразовательных программ» (8 ч.).

«Особенности реализации дополнительных общеобразовательных программ для детей с ОВЗ» (8 ч.) – очный формат.

3. Общие модули с применением дистанционных образовательных технологий для спортивной, туристско-краеведческой, социально-гуманитарной направленностей (36 ч.):

«Основы проектирования дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ» (18 ч.).

«Применение технических средств обучения, электронных образовательных и информационных ресурсов при реализации дополнительных общеобразовательных общеразвивающих программ» (18 ч.).

2-й и 3-й кластеры реализовались в иные сроки, содержательно повторяя реализованные модули, но уже с новыми слушателями, что позволяло охватить максимально большее количество обучающихся и подготовить специалистов для открытия школ полного дня в кратчайшее время.

Так как руководители школ полного дня проходили обучение лишь на инвариантном модуле (36 ч.), по желанию они могли выбрать любые из предлагаемых вариативных модулей в любом кластере, подходящем по тематике и срокам. Их выбор также определялся профессиональной потребностью при наличии ведущих направленностей конкретной организации (так, были школы полного дня, где приоритетной была техническая направленность, в этом случае углубленное содержание модулей позволяло руководящим кадрам более подробно осваивать логику и требования к курируемому ведущему виду деятельности).

Модель обучения специалистов школ полного дня

I. Сессия: инвариантный учебный модуль; участники – педагогические и руководящие работники школ полного дня		
II. Сессия: кластеризация по направленностям дополнительного образования		
1. Кластер: срок А	2. Кластер: срок Б	3. Кластер: срок В
Дифференциация по направленностям	Дифференциация по направленностям	Дифференциация по направленностям
<i>Единый учебный модуль</i>	<i>Единый учебный модуль</i>	<i>Единый учебный модуль</i>
<i>Вариативные учебные модули</i>	<i>Вариативные учебные модули</i>	<i>Вариативные учебные модули</i>

Структурно модель обучения выглядела следующим образом (табл.).

Заключение

Таким образом, в результате разработки и апробации дополнительной профессиональной программы повышения квалификации по теме «Организация деятельности Центра дополнительного образования «Школа полного дня» было подготовлено и обучено значительное количество руководящих и педагогических кадров, призванных решать важную стратегическую задачу в регионе – создание новых мест дополнительного образования детей в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка». Обучающая программа содержательно «закрывала» профессиональные дефициты педагогических работников, а структура ее создавалась на основе кластеризации¹ учебного материала согласно различным направленностям и категориям педагогов и руководителей. Опыт реализации данной программы продемонстрировал наличие структурно-содержательного потенциала программ обучения взрослых при введении кластеризации учебных модулей и форм. О потребности в дифференциации курсов повышения квалификации в зависимости от категории сотрудников не случайно пишут современные исследова-

дователи [13]. Кроме того, предлагаемая структура модели позволила выделить наиболее дефицитарные области педагогической деятельности при организации школ полного дня, акцентируя на них внимание при построении образовательных маршрутов.

Сфера образования взрослых активно развивается, при этом каждая отрасль находится в поиске наиболее эффективных корпоративных моделей обучения сотрудников [14]. Значимость обучения взрослых в современном мире подчеркивает президент московской школы управления «Сколково» Андрей Шаронов: «Единственный способ выжить в той непростой ситуации, которую мы переживаем, – это обучение»; он акцентирует внимание на втором и третьем трудоспособном возрасте, трендах образовательной активности уже состоявшихся специалистов и инструментах персонального развития².

Представленный практический материал показал значимость и необходимость проектирования обучающих программ под конкретные задачи отрасли или организации, лишь в этом случае удовлетворенность от общих результатов – преподавателей и слушателей курсов – будет оптимальной.

¹ Кластеризация – разделение большой группы объектов на малые группы, где каждый кластер (малая группа) формируются на основе конкретного критерия.

² Шаронов А. В. Лекция «Я: 2.0». URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/community/13576745-andrey-sharonov-khoroshiy-rabotnik-ne-pokhozha-na-konveyer-ili-kompyuter.html> (дата обращения: 23.06.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вершловский С. Г. Преподаватель системы постдипломного образования как андрогаг // Человек и образование. 2014. № 1 (38). С. 4–7.
2. Громкова М. Т. Андрагогика: теория и практика образования взрослых: учебное пособие // М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 497 с.
3. Дорожкин Е. М., Зеер Э. Ф., Шевченко В. Я. Научно-образовательная панорама модернизации подготовки педагогов непрерывного профессионального образования // Образование и наука. 2017. Т. 19, № 1. С. 63–81.
4. Змеёв С. И. Основы андрагогики: учебное пособие. М.: ФЛИНТА, 2019. 157 с.
5. Фадеева С. А. Институт дополнительного профессионального образования: о трендах развития и организационной структуре // Нижегородское образование. 2024. № 2. С. 26–34.
6. Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Развитие педагогических компетенций в системе дополнительного профессионального образования в процессе обучения сотрудников ФСИН России // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1 (23). С. 103–110.
7. Pryazhnikov N. S., Vilkova A. V., Loseva S. N. et al. Personal integration into society in the age of globalization and information technologies // Espacios. 2018. Vol. 39, no. 32.
8. Кириллова Т. В., Казначеева В. А., Свиридов Р. Е. Профессионализм и саморазвитие преподавателя – условия повышения качества профессиональной подготовки в образовательных организациях ФСИН России // Глобальный научный потенциал. 2025. № 4 (169). С. 253–256.
9. Литвишков В. М. Организационно-педагогические условия профессиональной подготовки курсантов в образовательных организациях ФСИН России // Антропология. 2021. № 1 (1). С. 9–13.
10. Ульянова И. В., Ерофеева М. А., Ярмач К. В. и др. Научная школа «педагогика смысло-жизненных ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России»: диагностический ресурс. М., 2024. 244 с.
11. Кириллова Т. В. Значение педагогической культуры преподавателя в патриотическом воспитании курсантов образовательных организаций ФСИН России // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2024. С. 101–106.
12. Литвишков В. М. Основные функции делового общения России // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2021. С. 170–173.
13. Волченкова К. Н. Треды развития дополнительного профессионального образования // Вестник ЮУрГУ. Серия: Образование. Педагогические науки. 2024. № 1.
14. Литвишков В. М. Личностно-профессиональная надежность руководителей как психологическая проблема // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. М., 2020. С. 177–182.

REFERENCES

1. Vershlovsky S. G. Postgraduate education teacher as an androgogue // Man and education. 2014. No. 1 (38). P. 4–7. (In Russ.)
2. Gromkova M. T. Andragogy: theory and practice of adult education: a tutorial. Moscow: UNITY-DANA, 2015. 497 p. (In Russ.)
3. Dorozhkin E. M., Zeer E. F., Shevchenko V. Ya. Scientific and educational panorama of the modernization of continuous professional education teacher training // Education and science. 2017. Vol. 19, no. 1. P. 63–81. (In Russ.)
4. Zmeyev S. I. Basics of andragogy: a tutorial. Moscow: FLINTA, 2019. 157 p. (In Russ.)
5. Fadeeva S. A. Institute of continuing professional education: on development trends and organizational structure // Nizhny Novgorod Education. 2024. No. 2. P. 26–34. (In Russ.)
6. Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Ya. N. Development of pedagogical competencies in the system of continuing professional education in the process of training employees of the federal penitentiary service of Russia // Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2025. No. 1 (23). P. 103–110. (In Russ.)
7. Pryazhnikov N. S., Vilkova A. V., Loseva S. N., et al. Personal integration into society in the age of globalization and information technologies // Espacios. 2018. Vol. 39, no. 32. (In Russ.)

8. Kirillova T. V., Kaznacheeva V. A., Sviridov R. E. Professionalism and self-development of teachers – conditions for improving the quality of professional training in educational organizations of the Federal penitentiary service of Russia // *Global scientific potential*. 2025. No. 4 (169). P. 253–256. (In Russ.)
9. Litvishkov V. M. Organizational and pedagogical conditions of professional training of cadets in educational organizations of the Federal penitentiary service of Russia // *Anthropogogy*. 2021. No. 1 (1). P. 9–13. (In Russ.)
10. Ulyanova I. V., Erofeeva M. A., Yarmak K. V., et al. The scientific school “Pedagogy of life-meaning orientations in the system of training personnel for the internal affairs bodies of Russia”: A Diagnostic Resource. Moscow, 2024. 244 p. (In Russ.)
11. Kirillova T. V. The importance of teacher’s pedagogical culture in patriotic education of cadets of educational institutions of the Federal penitentiary service of Russia // *Scientific Works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Moscow, 2024. P. 101–106. (In Russ.)
12. Litvishkov V. M. Main functions of business communication in Russia // *Scientific works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Moscow, 2021. P. 170–173. (In Russ.)
13. Volchenkova K. N. Trends in the development of continuing professional education // *Bulletin of SUSU. Series: Education. Pedagogical sciences*. 2024. No. 1. (In Russ.)
14. Litvishkov V. M. Personal and professional reliability of leaders as a psychological problem // *Scientific works of the Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*. Moscow, 2020. P. 177–182. (In Russ.)

Информация об авторах:

С. А. Фадеева, доктор педагогических наук, доцент;
Д. В. Лукашенко, доктор психологических наук, профессор.

Information about the authors:

S. A. Fadeeva, Doctor of Pedagogy, Associate Professor;
D. V. Lukashenko, Doctor of Psychology, Professor.

Статья поступила в редакцию 20.08.2025; одобрена после рецензирования 25.08.2025; принята к публикации 19.03.2026.

The article was submitted 20.08.2025; approved after reviewing 25.08.2025; accepted for publication 19.03.2026.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, педагогических и филологических наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

- Введение;
- Методы;
- Результаты;
- Обсуждение (при наличии);
- Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть проиндексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Вестник Уфимского юридического института МВД России». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» → «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

- статью в формате .docx;
- статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;
- иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);

- отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);
- заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Вестник Уфимского юридического института МВД России», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале «Вестник Уфимского юридического института МВД России» Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____ (название статьи) в рубрике _____ Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек. Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования. Согласен на обработку и распространение своих персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией. О себе сообщаю следующую информацию: ФИО (полностью): _____ Должность: _____ Место работы: _____ Ученая степень: _____ Ученое звание: _____ Адрес: _____ Телефон для связи: _____ E-mail: _____ Электронный вариант статьи на _____ страницах прилагается. Дата, подпись, расшифровка подписи.
--

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА